

29.5.2026

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

УДК 316.3+364.04

ББК 60

А43

Редакционная коллегия:

И. Г. Синьковская, О. В. Логунова, О. А. Рудых

Под общей редакцией

кандидата социологических наук, доцента И. Г. Синьковской

Актуальные проблемы современного социального знания [Электронный ресурс]:
А43 материалы Всерос. науч.-практ. конф. (29 мая 2026 г., Красноярск). Электрон. тексто-
вые дан. (1 файл: 1,95 МБ). – Систем. требования: Internet
Explorer; Acrobat Reader 7.0 (или аналогичный продукт для чтения файлов формата
.pdf) / под общ. ред. И. Г. Синьковской; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск,
2026. – 162 с. – Режим доступа: <https://www.sibsau.ru/scientific-publication/>.

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции, в кото-
рых представлены результаты исследований ученых и специалистов организаций социальной
сферы, преподавателей и студентов высших учебных заведений Российской Федерации.

Сборник рассчитан на научных сотрудников, работников социальной сферы и социально-
ориентированных некоммерческих организаций, преподавателей, аспирантов и студентов
высших учебных заведений.

В статьях сохранен авторский стиль изложения.

УДК 316.3+364.04

ББК 60

СОДЕРЖАНИЕ

Бекренев Ю.К. Старшее поколение глазами молодежи.....	5
Бойко А.А. Факторы, снижающие психологическую устойчивость сотрудников МЧС: от хронического стресса к выгоранию.....	8
Васюк А.А. К вопросу формирования профессиональной готовности социальных работников к защите граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия.....	11
Вильданова Г.Б. Роль религиозного мировоззрения в жизни современного человека.....	17
Володина В.В., Синьковская И.Г. Пропаганда ранней беременности как социальная проблема в современной России.....	24
Голубченко В.М. Взаимосвязь профессионального выгорания и академической мотивации у студентов: ресурсный подход.....	27
Горшкова М.А., Синьковская И.Г. Отношение родителей к организации социальной поддержки детей в условия ДОУ.....	32
Григорьева Н.В., Столярова С.А. Молодёжь как субъект социальной активности: возрастные и социально-психологические предпосылки.....	37
Дукачева К.Е., Синьковская И.Г. Представления старшеклассников г. Красноярска о буллинге в школе.....	42
Евтушенко А.С., Синьковская И.Г. Представление студенческой молодежи о социально-ориентированном молодежном предпринимательстве.....	46
Захарова А.Е. Отношение студентов к хосписной помощи.....	50
Завьялов С.А., Логунова О.В. Многодетность как стратегическое направление социальной политики государства.....	53
Иванов Д.А., Богданов В.В. Эмоциональный интеллект и эмпатия как инструмент психолога в современном консультировании	59
Кондракова В.Р., Синьковская И.Г. Отношение студентов к современным методам контрацепции.....	70
Коньшев Н.С., Синьковская И.Г. Грантовая поддержка общественных инициатив в Красноярском крае.....	74
Максимович М.М., Терехович Т.И., Шнитко С.Н. Риносинуситы у допризывников.....	77
Махова А.Р., Синьковская И.Г. Оценка специалистами молодежных центров эффективности мер профилактики правонарушений несовершеннолетних.....	80
Миллер Т.Д. Семьи как клиентская категория в социальной работе.....	84
Назарова К.Н., Синьковская И.Г. Информированность молодежи о службе ранней помощи.....	87
Ооржак А.Х., Синьковская И.Г. Оценка специалистами эффективности социальной помощи семьям в социально опасном положении: исследование на примере Барун-Хемчикского района Республики Тыва.....	93

Пацеев А.В., Сущеня Е.А., Рудых О.А., Терехович Т.И. Социальное значение восстановительной терапии пациентов с гонартрозом.....	96
Петунина А.Г. Взаимосвязь личностной и ситуативной тревожности со стратегиями поведения в конфликте у лиц зрелого возраста.....	99
Потылицина А.Д. Функции управления в социальной организации.....	105
Попова А.А. Управленческие аспекты социального сопровождения участников СВО и членов их семей.....	110
Пфунд В.В., Полежаев П.Л. Семейные и ролевые конфликты у вахтовых работников: технологии социального сопровождения.....	115
Ращупкина З.Д., Манченко А.И. Проблема ранней беременности несовершеннолетних в современном обществе.....	120
Селивохин Е.А. Мотивация участия молодежи в событийном волонтерстве.....	125
Логунова О.В., О.А. Корнилова Социальное партнерство в работе с семьей и детьми.....	130
Тихонова Н.В., Чашина А.А. Эмоциональный интеллект студента-медика: взгляд изнутри.....	136
Хохрина З.В., Тимофеева С.В. Вызовы цивилизационного XXI века: важна реализация человеком ценностей созидания, творчества и саморазвития в социокультурное пространство.....	140
Шароглазова С.М., Синьковская И.Г. Образ идеального брачного партнера в представлениях современных студентов.....	145
Черепанова Т.А., Синьковская И.Г. Цифровизация системы социальной защиты населения: возможности и проблемы для граждан.....	151
Юргенсон Е.А., Столярова С.А. Социальная работа с семьями участников СВО: опыт Красноярского края.....	155
Янкович В.В. Взаимосвязь человека и экономики через призму управления рисками.....	159

УДК 316.3

Ю. К. Бекренев
СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

Сибирский Федеральный Университет,
Российская Федерация, г. Красноярск

В данной статье рассматривается старшее поколение как особая социально-демографическая группа, затронуты проблемы феномена «конфликта поколений», представлены результаты исследования отношения красноярской молодежи к людям старшего поколения.

Ключевые слова: молодежь, интернет, взаимопонимание, старшее поколение, конфликт поколений.

Y. K. Bekrenev
THE OLDER GENERATION THROUGH THE EYES OF THE YOUTH
Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk

This article examines the older generation as a special socio-demographic group, addresses the issues of the «generation conflict» phenomenon, and presents the results of a study of the attitude of Krasnoyarsk youth towards older people.

Keywords: youth, internet, mutual understanding, older generation, generational conflict.

Проблема отношения молодежи к старшему поколению всегда стоит довольно остро. Образ старшего поколения, транслируемый через СМИ, интернет, в современном обществе, где преобладают нуклеарные семьи и ослабевают родственные связи, для молодых людей формирует устойчивые стереотипы, которые, если не размываются теплыми отношениями в кругу семьи с пожилыми родственниками, могут искажать и разбивать традиции уважения и заботливого отношения к людям старшего поколения. При этом старшее поколение (люди в возрасте от 60 лет) является важной социально-демографической группой в России, которая не только обладает еще активным экономическим потенциалом, но и является хранителем ценнейшего социокультурного опыта.

Однако существующие практики межпоколенного взаимодействия демонстрируют негативные тенденции отношения молодых людей к людям старшего возраста, которое проявляется в разных формах: от ярко выраженной иждивенческой позиции до крайних форм социальной презентации неуважения (обсценная лексика в адрес пожилых людей, физическое насилие и др.). Именно поэтому, исследуемая проблема является важной и актуальной сегодняшнему дню.

Старость является не только характеристикой возраста, это и про накопление жизненного опыта, который затем передается молодому поколению. Но как само молодое поколение относится к старости и старшему поколению в целом?

Проблема взаимопонимания старшего поколения и молодежи никогда себя

не изживет, поскольку та культура, на которой воспитано одно поколение, будет пусть и не диаметрально противоположной, но покажется иной и отчасти непонятной другому поколению. Новые поколения действуют, исходя из результатов, доставшихся в наследство от всех предшествующих поколений, однако отношение к этому наследству весьма избирательно.

В г. Красноярске в 2025 год методом глубинного интервью было проведено исследование, направленное на выявление главных оценочных характеристик старшего поколения, с точки зрения поколения младшего. Были выделены несколько эмпирических индикаторов: для достижения цели были поставлены следующие эмпирические задачи:

1. Изучить информированность молодёжи о содержании понятия «старшее поколение».
2. Изучить ценностное отношение молодёжи к старшему поколению.
3. Изучить отношение молодёжи к проблемам старшего поколения.
4. Изучить отношение к стандартам поведения в отношении старшего поколения.
5. Изучить отношение молодёжи к политике защиты и поддержки старшего поколения.

В процессе исследования было опрошено 15 респондентов (молодые люди от 18 до 24 лет).

По результатам исследования были выделены такие результаты:

- для современной молодежи «старшее поколение – это люди от 60-65 лет;
- молодые люди замечают у старшего поколения такие положительные характеристики как мудрость, жизненный опыт, готовность прийти на помощь (цитата: «старшее поколение часто ценит семью, традиции, трудолюбие, честность и уважение к старшим»); среди негативных черт наиболее упоминаемое – ригидное мышление, стремление «поучать»; чрезмерный консерватизм и предвзятость по отношению к современным изменениям в обществе и культуре;
- среди проблем старшего поколения молодые люди особо выделяют недостаточную социальную, медицинскую и финансовую защиту, низкую техническую грамотность, недопонимание с внуками (которое возможно преодолеть через грамотно выстроенный диалог);
- среди основных норм поведения в отношении старшего поколения молодежь отмечает: уважение к старшим, проявляющееся: в «уступках в споре», «уступать место в автобусе», «помогать по возможности» (цитата: «правила поведения относительно старшего поколения -это уважение в повседневных коммуникациях, то есть уступить там , дорогу , помочь перенести тяжёлые вещи, уступить место в общественном транспорте, не ругаться , не ссориться с ними, даже если они негативно относятся к какому-то может быть явлению или какому-то твоему поведенческому акту. Это из неформальных. Из юридических это определённые скидки, льготы, которые предоставляются им, подчёркивая их высокий статус»; «в диалоге всегда приоритет давать старшему, он должен говорить, я должен слушать, даже если, считаю, что он говорит вещи достаточно мне не близкие. С вниманием все выслушать и отвечать»).

Однако же, навязывание своего мнения старшими молодёжь воспринимается скорее, как негативный аспект, это проявляется в конфликте поколений. Так:

- по мнению респондентов политике защиты и поддержки старшего поколения недостаточна, необходимо расширять меры социальные меры поддержки, особенно в части повышения пенсии, пособий, льготы и мер по уходу за пожилыми людьми, их медицинскому сопровождению, доступности социальных услуг, обеспечить обучение цифровым технологиям и активно вовлекать пожилых людей в общественную жизнь.

Подводя итоги, молодёжь положительно, уважительно стараются относиться к старшим, признают наличие проблемы одиночества, стараются помогать сами и считают, что государство недостаточно хорошо заботится о них.

Библиографический список

1. Демографическая пирамида 2024 года в разделе Демография // Росстат: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#> – 2024. (дата обращения 25.02.2026).
2. «Прогноз изменения численности населения до 2100 года» (2024) // URL: <https://www.populationpyramid.net/> (дата обращения 25.02.2026).

© Ю. К. Бекренев, 2026

УДК 159.9

А. А. Бойко

**ФАКТОРЫ, СНИЖАЮЩИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ
СОТРУДНИКОВ МЧС: ОТ ХРОНИЧЕСКОГО СТРЕССА К
ВЫГОРАНИЮ**

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева»
Российская Федерация, г. Красноярск

В статье анализируются профессиональные стресс-факторы, снижающие психологическую устойчивость у сотрудников МЧС, а также обосновывается переход от стресса к синдрому эмоционального выгорания.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, сотрудники МЧС, синдром эмоционального выгорания, хронический стресс.

A. A. Boyko

**FACTORS REDUCING THE PSYCHOLOGICAL RESILIENCE OF
EMERCOM EMPLOYEES: FROM CHRONIC STRESS TO BURNING OUT**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article analyzes professional stress factors that reduce the psychological resilience of EMERCOM employees and substantiates the transition from chronic stress to emotional burnout.

Keywords: psychological resilience, EMERCOM employees, chronic stress, emotional burnout.

Современное общество наиболее склонно к рискам и чрезвычайным ситуациям (ЧС), вследствие чего повышаются требования к профессиям, которые связаны со спасением жизней и ликвидацией последствий катастроф. Сотрудники Министерства по чрезвычайным ситуациям (МЧС) России выступают в роли ключевого барьера на пути угроз национальной безопасности, возникающих от стихийных бедствий, техногенных аварий и иных кризисов. Однако спасатели и пожарные расплачиваются ценой собственного психофизиологического благополучия.

Профессиональные риски сотрудников МЧС обусловлены психофизиологическими особенностями организма, а также спецификой трудовой деятельности. К последним относятся: воздействие вредных и опасных производственных факторов, высокая личная ответственность и риск, ненормированный режим труда и отдыха, а также постоянное нервно-психическое перенапряжение. Совокупность данных факторов оказывает огромное влияние на психологическую устойчивость сотрудников.

По мнению Л.В. Куликова, психологическая устойчивость понимается

качество личности, отдельными аспектами которого являются стойкость, уравновешенность, сопротивляемость [6]. Ключевыми компонентами устойчивости он отмечал:

1. стойкость, которая проявляется в преодолении трудностей как способность сохранять веру и уверенность в себе;
2. уравновешенность. Проявляется в способности минимизировать негативные влияния, а также удерживать напряжение в пределах нормы.
3. сопротивляемость как способность противостоять тому, что ограничивает свободу поведения, выбора [6].

Теоретической базой для понимания природы стресса в деятельности сотрудников МЧС служит когнитивно-оценочная модель Р. Лазаруса и С. Фолкман [1]. Согласно этой модели, стресс возникает не из самого события, а из взаимодействия между человеком и средой, при котором ситуация оценивается им как превышающая ресурсы и угрожающая благополучию. Для сотрудника МЧС таким событием является вызов на происшествие, где первичная оценка связана с распознаванием опасности, а вторичная – с оценкой своих возможностей по ее преодолению. Специфика деятельности заключается в том, что эти взаимодействия носят не эпизодический, а циклически повторяющийся характер, создавая накопительный эффект.

Отечественная школа психологии стресса, представленная работами В.А. Бодрова [3] и Л.А. Китаева-Смыка [4], вносит вклад в понимание физиологических и психологических механизмов адаптации к экстремальным условиям. Бодров подчеркивает роль профессиональной мотивации и индивидуально-психологических качеств в устойчивости к стрессу [3, с. 187], что особенно актуально для отбора и подготовки спасателей.

Согласно концепции, Г. Селье, стресс развивается в три стадии. Самая первая реакция организма на стресс – это тревога, как приспособление к новым условиям. Далее следует сопротивление, при котором снижается тревога, а организм старается справиться с стрессовой ситуацией. Третья стадия истощение – наступает, когда внутренние ресурсы заканчиваются и человек больше не может справиться с проблемами привычными способами [7].

Взаимосвязь этих подходов позволяет рассматривать профессиональный стресс в деятельности сотрудников МЧС как динамический процесс, в котором внешние стресс-факторы приводят к затратам ресурсов. Их хроническое не выполнение ведет к долгосрочным негативным последствиям, таким как синдром эмоционального выгорания (СЭВ), описанный в модели К. Маслач и М. Лайтера [2]. СЭВ включает в себя:

1. Эмоциональное истощение, проявляющееся в опустошенности эмоциональных и энергетических ресурсов;
2. Деперсонализация, как развитие безразлично или даже циничного отношения к работе, коллегам или к другим субъектам;
3. Редукция профессиональных достижений проявляется в снижение чувств собственной компетентности и продуктивности.

У сотрудников МЧС наиболее высок риск развития СЭВ, так как напрямую

деятельность связана с травмой, страданием, смертью и горем у других людей.

Последствия снижения психологической устойчивости под условиями постоянного стресса, влияет не только на индивидуально-личностные особенности, но и также на профессиональную деятельность. На индивидуальном уровне это выражается в ухудшении физического и психического здоровья сотрудников, росте психосоматических заболеваний, снижении удовлетворённости жизнью и профессиональной деятельностью. На профессиональном уровне – в уменьшении эффективности выполнения служебных задач, увеличении числа ошибок и травматизма, а также в преждевременной текучести кадров [3].

Особого внимания заслуживает помощь пострадавшим, так как сотрудник, находящийся на стадии эмоционального истощения, не способен проявить эмпатию, принимать оперативные решения, что немало важно в условиях чрезвычайной ситуации.

Проведенный теоретический обзор позволяет выделить направления для дальнейшего изучения проблемы. К ним относятся: психологический отбор кандидатов на службу, регулярная диагностика уровня стресса и признаков выгорания, внедрение восстановительных программ (групповые тренинги, индивидуальные консультации), а также развитие у сотрудников личностных ресурсов – в первую очередь жизнестойкости и адаптивных копинг-стратегий [1; 3; 6].

Дальнейшие эмпирические исследования должны быть направлены на выявление наиболее значимых факторов, способствующих сохранению психологической устойчивости у сотрудников МЧС в условиях хронического стресса.

Таким образом, проведённый теоретический анализ позволяет отметить, что профессиональная деятельность у сотрудников МЧС сопряжена с постоянным стрессом, что сказывается на их эмоциональном самочувствии, а также работоспособности. Помимо этого, снижается безопасность и качество помощи населению.

Библиографический список

1. Lazarus, R. S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. – New York: Springer, 1984. – 445 p
2. Maslach, C. The Truth About Burnout: How Organizations Cause Personal Stress and What to Do About It / C. Maslach, M. P. Leiter. – San Francisco: Jossey-Bass, 1997. – 186 p.
3. Бодров, В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В. А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.
4. Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса / Л. А. Китаев-Смык. – М.: Наука, 1983. – 368 с.
5. Куликов, Л. В. Психогигиена личности: вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учеб. пособие / Л. В. Куликов. – СПб.: Питер: Питер Бук, 2004. – 463 с.
6. Селье, Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1982. – 268 с.

УДК 378.01

А. А. Васюк

**К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ГОТОВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ К ЗАЩИТЕ ГРАЖДАН
ОТ ДЕСТРУКТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ**

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»
Российская Федерация, г. Луганск

Статья раскрывает проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности в социальной работе. Описывается опыт разработки педагогического обеспечения подготовки будущих специалистов социальной работы.

Ключевые слова: уязвимые категории населения, информационно-психологическая безопасность; социальная работа; деструктивное воздействие; профессиональная подготовка.

A. A. Vasyuk

**FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS OF SOCIAL WORKERS
TO PROTECT CITIZENS FROM DESTRUCTIVE INFORMATIONAL AND
PSYCHOLOGICAL THREATS**

Lugansk State Pedagogical University
Russian Federation, Lugansk

The article examines the problems of ensuring informational and psychological security in social work. The experience of designing pedagogical support for the training of future social work specialists is described.

Keywords: vulnerable population groups, informational and psychological security; social work; destructive influence; professional training.

В условиях стремительного развития цифровых технологий, расширения информационного пространства и повсеместного распространения сетевых коммуникаций существенно возрастает влияние информационных потоков на сознание и поведение человека. Современное общество сталкивается не только с техническими угрозами в информационной сфере, но и с деструктивным информационно-психологическим воздействием, способным оказывать негативное влияние на ценностные ориентации, эмоциональное состояние и социальное поведение граждан.

Особую обеспокоенность вызывает уязвимость социально незащищенных категорий населения, включая детей и подростков, пожилых людей, инвалидов, малообеспеченные семьи и граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. В этих условиях проблема обеспечения информационно-психологической безопасности приобретает не только научное, но и социально значимое значение, непосредственно связанное с вопросами общественной стабильности и

национальной безопасности. В этой связи чрезвычайно актуальной и важной является информационно-психологического воздействия на граждан [1].

Информационно-психологическое воздействие на граждан способно порождать такие явления как правовой нигилизм, цинизм, агрессию, отказ от традиционных ценностей, негативизм и многое другое. Это в конечном итоге воздействует не только на психологическое и физическое здоровье граждан, но и способно подорвать основы национальной безопасности.

Исследуемая нами проблема носит междисциплинарный характер. Вопросы информационно-психологического воздействия на общество интересуют не только психологов, специалистов по информационной безопасности и юристов, но и философов, культурологов, педагогов и других [2; 3; 4]. Противодействие этому разрушительному явлению лежит в плоскости взаимодействия специалистов из самых различных сфер. Разработкой нормативно-правовой базы обеспечения отношений в информационно-психологической сфере занимаются юристы; вопросы фильтрации деструктивного и нежелательного контента отведены техническим специалистам; разработка программ обеспечения информационно-психологической безопасности и определение порядка финансирования является экономическим мероприятием, которым занимаются соответствующие специалисты; профилактикой негативного информационно-психологического воздействия на обучающихся занимаются педагоги и пр. Специалисты социальной сферы не могут оставаться в стороне от тех тенденций и вызовов современности, которые стоят перед обществом сегодня.

Социальная работа как профессиональный вид деятельности имеет необходимые ресурсы для осуществления противодействия возникающим угрозам [5; 6], поскольку взаимодействует с наименее защищенными группами населения, которые подвергаются информационно-психологическому воздействию деструктивного характера. В их числе безработные и малообеспеченные семьи, сироты, дети и подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации, пожилые люди и люди с ограниченными возможностями здоровья и другие категории населения.

Научная сфера изобилует материалами, которые касаются тематики информатизации социальной сферы, цифровизации предоставляемых населению услуг, а также необходимости формирования цифровой компетентности и информационной культуры самих социальных работников. Однако в плоскости противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию на граждан исследований практически нет.

Авторы, исследующие вопросы информационной безопасности в социальной работе анализируют риски и угрозы, в основном, связанные с безопасностью личных данных клиентов, конфиденциальностью и корпоративной безопасностью внутри социальных организаций. Эта проблема также актуальна, однако затрагивает информационно-техническую безопасность, в то время как более деликатная сфера информационно-психологической безопасности остается малоизученной в контексте защиты населения именно при участии социальных работников.

Социальные работники уже сейчас должны обладать соответствующей квалификацией в использовании информационно-коммуникативных технологий и цифровых средств связи, поскольку того требует компьютеризация и цифровизация предоставления социальных услуг. Также действующее законодательство обязывает социальных работников знать основы работы с персональными и конфиденциальными данными клиентов, поскольку это находится в сфере их обязанностей при взаимодействии с личными данными клиентов. Кроме того, некоторые специалисты социальной сферы уже занимаются отдельными направлениями профилактики и противодействия угрозам, которые направлены на их клиентов и другие наименее защищенные категории населения.

Специалисты социальной работы в силу своих должных обязанностей взаимодействуют с наиболее уязвимым группами населения, которые представляют собой граждан, находящихся в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, и нуждаются в поддержке государства. Эти же категории граждан являются наиболее уязвимыми к деструктивному информационно-психологическому воздействию. Причины этого различны.

Например, сироты, в силу дефицита устойчивых эмоциональных связей, потребности в принятии и недостаточного жизненного опыта; дети-инвалиды и семьи их воспитывающие – вследствие социальной изолированности и зависимости от внешней помощи; пожилые люди – в силу возрастных когнитивных изменений, ограниченного цифрового опыта, социальной изоляции и высокой доверчивости; малоимущие – вследствие материальной нестабильности, социальной уязвимости, ограниченного доступа к качественным источникам информации и высокой восприимчивости к обещаниям улучшения жизненной ситуации; другие группы – вследствие совокупности факторов социальной нестабильности и эмоционального истощения.

При работе с каждой из упомянутых нами групп социальный работник может повлиять на ситуацию в том числе через раннюю социальную диагностику рисков, профилактическое информирование, работу по развитию критического восприятия информации, организацию наставничества; создание безопасной поддерживающей социальной среды, а также организацию надежных каналов поддержки и сопровождения.

Учитывая острую необходимость подготовки специалистов гуманитарной сферы в области информационно-психологической безопасности, на кафедре социальной работы в ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» проводится работа, целью которой является формирование необходимых компетенций у будущих социальных работников для противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию на граждан в процессе осуществления профессиональной деятельности.

В своей работе мы отталкивались от необходимости содействовать приобретению будущими социальными работниками знаний, умений и практических навыков применения технологий социальной работы, адаптированных для целей защиты граждан от угроз деструктивного информационно-психологического воздействия на различные категории населения; усилить мотивацию студентов к

противодействию такому воздействию на общество; способствовать приобретению рефлексивных умений в контексте рассматриваемой проблемы деструктивного воздействия на граждан.

Именно для этих целей на базе ФГБОУ ВО «ЛГПУ» для направления подготовки «Социальная работа» был разрабатывается педагогическое обеспечение, способствующее усилению компетенций будущих специалистов социальной сферы для работы в этом направлении, таких как: изменения в рабочих программах, программах практик; выделения отдельных модулей и тем в дисциплинах профессионального цикла для формирования необходимых компетенций будущих специалистов и многое другое.

Так, нами было разработано поэтапное дополнение к содержанию подготовки будущих социальных работников в контексте противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию на различные категории населения (1 этап – дополнение тем к учебным дисциплинам: «Введение в профессию», «Профессиональное общение в социальной работе», разработан факультативный курс «Современные угрозы информационно-психологического воздействия на людей, группы, общество», доработаны требования к практике «Ознакомительная практика (проектно-ориентированная)»; 2 этап – дополнение тематик к учебным дисциплинам: «Социальная геронтология», «Технологии социальной работы», «Социализация работы с молодежью», «Конфликтология в социальной работе», «Психология социальной деятельности», доработаны требования к практикам: «Технологическая практика», «Организационно-управленческая практика»; 3 этап – дополнение тематик к учебным дисциплинам: «Технологии социальной работы в зарубежных странах», «Семьеведение». Разработана дисциплина по выбору «Методы и технологии противодействия информационно-психологическому воздействию на различные категории населения». Доработаны требования к преддипломной практике.

В связи с наполнением содержанием учебных дисциплин и модулей стало усовершенствовано методическое обеспечение и сопровождение процесса формирования профессиональной готовности будущих социальных работников к противодействию деструктивному информационно-психологическому воздействию на различные категории населения, которое предполагает поэтапное применение интерактивных форм и методов обучения (1 этап: лекция-беседа; лекция-дискуссия; лекция-визуализация, лекция-диалог, лекция с разбором конкретных ситуаций; диспут, интеллект карты, аквариум, кейс метод, метод сторителлинга, ажурная пила, деловая игра, морфологического анализа, программно-ролевой метод, просмотр и анализ видеофрагментов; 2 этап: проблемная лекция, интерактивная лекция, лекция-диалог, лекция-консультация, лекция-дискуссия, лекция с разбором конкретных ситуаций; челночный мозговой штурм, метод б35, поливикторина, проектный метод, круг идей, «политбой», обучение в сотрудничестве, ролевая игра, технология проектирования заданий; 3 этап: лекция с ошибками, лекция-пресс-конференция, лекция-консультация, интерактивная лекция, проблемная лекция, лекция с разбором конкретных ситуаций; аквариум, ролевая игра, метод синектики, тренинг профессиональный,

моделирование, индивидуальные (творческие) задания, метод моральных дилемм, проектный метод, методы имитационно-ролевого характера).

На кафедре социальной работы ФГБОУ ВО «ЛГПУ» была разработана и апробирована комплексная диагностирующая методика определения уровня сформированности профессиональной готовности будущих социальных работников к противодействию деструктивному информационно-психологическому воздействию на различные категории населения, которая показала высокую эффективность формирования у социальных работников необходимых компетенций и, что мы считаем весьма значимым, позитивную направленность и мотивированность будущих специалистов к работе данного направления.

Таким образом, на наш взгляд, формирование профессиональной готовности будущих социальных работников к защите граждан от информационно-психологического воздействия деструктивного характера является необходимым вектором развития профессионального обучения студентов направления подготовки 39.03.02 «Социальная работа».

Мы убеждены, что специалисты социальной сферы могут играть ключевую роль в защите граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия, охватывая широкий спектр профессиональных областей и направлений деятельности. Их работа нацелена на защиту национальных интересов, обеспечение безопасности граждан, сохранение духовно-нравственных ценностей и укрепление общественной стабильности.

Мы делаем первые шаги к решению этой сложной и крайне значимой для общества проблемы. Дальнейшая научная задача нам видится в создании целостной системы профессиональной подготовки социальных работников в сфере защиты граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия. В основе этой системы должно лежать тесное взаимодействие между профессиональными сообществами, органами государственной власти, общественными организациями и образовательными учреждениями всех уровней. Только совместные усилия позволят создать комплексную эффективную систему, способную обеспечить надежную защиту граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия и укрепить информационную безопасность общества.

Библиографический список

1. Зелинский, С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание: средства массовой коммуникации, информации и пропаганды - как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс / С. А. Зелинский. – Санкт-Петербург: Скифия, 2008. – 403 с.
2. Ильницкий, А. М. Стратегия ментальной безопасности России / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2022. – № 4. – С. 24-35.
3. Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе / Т. А. Полякова, А. В. Минбалева, А. А. Чеботарева [и др.]. –

Саратов: Амирит, 2022. – 332 с.

4. Рерке, В. И. Информационно-психологическая безопасность как научно-исследовательская дефиниция / В. И. Рерке, И. С. Бубнова, В. И. Демаков // Научно-педагогическое обозрение. – 2022. – № 5(45). – С. 202-211.

5. Васюк, А. А. Роль социальных работников в обеспечении информационной безопасности получателя социальных услуг / А. А. Васюк // Актуальные проблемы современного социального знания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 29 мая 2025 года. – Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2025. – С. 19-23.

6. Бабич, В. И. Социальные технологии противостояния деструктивному информационно-психологическому воздействию в подготовке специалистов социальной сферы / А. А. Васюк, В. И. Бабич // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : Материалы XIV Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, 100-летию со дня рождения первого ректора ВСТИ Д.Ш. Фролова и 30-летию подготовки социальных работников во ВСГУТУ. В 2-х томах, Улан-Удэ, 25–26 сентября 2025 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2025. – С. 109-111.

© А. А. Васюк, 2026

УДК 316.62

Г. Б. Вильданова
**РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ЖИЗНИ
СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА**

Уфимский университет науки технологий,
Российская Федерация, г. Уфа

Статья посвящена роли религиозного мировоззрения как фундаментальной основы в жизни современного человека. Показано, что социальные и политические кризисы являются не первопричиной, а прямым следствием мировоззренческих искажений: утраты целостного восприятия мира. Автор предлагает принципиально новый методологический подход, классифицируя все мировоззренческие системы не по содержанию, а по их структуре – как «калейдоскопические» (фрагментарный хаос случайных, не связанных между собой явлений) и «мозаичные» (целостная, причинно-обусловленная картина мира). Обосновывается, что истинное религиозное мировоззрение тождественно «мозаичной» модели и базируется на признании разумного Создателя и Его постоянного присутствия во всех сферах бытия. Подвергается критике «старый подход» – западный дуализм и деизм, породившие релятивизм и духовную деградацию. Утверждается, что только переход к целостно-мозаичному религиозному мировоззрению способен разрешить глубинные проблемы личности и общества.

Ключевые слова: религиозное мировоззрение, истина, калейдоскопическая модель, мозаичная модель, вера Богу.

G. B. Vildanova
**THE ROLE OF RELIGIOUS WORLDVIEW IN THE LIFE OF A MODERN
PERSON**

Ufa University of Science and Technology,
Russian Federation, Ufa

The article is devoted to the role of the religious worldview as a fundamental basis in the life of modern man. It is shown that social and political crises are not the root cause, but a direct consequence of worldview distortions: the loss of a holistic perception of the world. The authors propose a fundamentally new methodological approach, classifying all worldview systems not by content, but by their structure – as «kaleidoscopic» (a fragmentary chaos of random, unrelated phenomena) and «mosaic» (a holistic, causally determined picture of the world). It is substantiated that a genuine religious worldview is identical to the «mosaic» model and is based on the recognition of a rational Creator and His constant presence in all spheres of existence. The «old approach» – Western dualism and deism, which gave rise to relativism and spiritual degradation – is subjected to criticism. It is affirmed that only a transition to a holistic-mosaic religious worldview is capable of resolving the deep-seated problems of the individual and society.

Key words: religious worldview, truth, kaleidoscopic model, mosaic model, faith in God.

В научно-философской литературе достаточно написано про мировоззрение, про его типы и формы. Мы утверждаем, что вопрос об основах миропонимания, мировоззрения, оформленный из отрывочных, не связанных между собой знаний, формирует такое мировоззрение, которое медленно, но верно будет способствовать духовному и моральному разложению общества. Итак, что же такое религиозно-философское мировоззрение, каковы его важнейшие свойства и как они проявляются в социальной жизни человека? Вопрос о понимании роли религиозного мировоззрения является весьма актуальным, ибо от того, как человек видит мир вокруг себя и размышляет о нем, зависит его поведение, решения и культурное наследие.

Злободневность мировоззренческих, внутренних, рефлексивных проблемы человека, обусловлена так же тем, что они представляют собой первопричину и источник внешних, социальных и политических проблем. Социальные трудности являются прямым следствием искажений во внутреннем духовном мире, результатом утраты подлинных жизненных ориентиров и отсутствия понимания своего места в мире, в силу отсутствия целостного видения. Следовательно, для осуществления подлинных изменений и трансформаций в любой области – будь то мировоззрение, социальная сфера или духовно-нравственное воспитание – необходимо обращаться непосредственно к области причин, а не бороться с их последствиями.

Методологическая стратегия современной философской мысли заключается в изучении основ мировоззрения и ценностных установок современного человека. Но на протяжении многовекового существования философия претендовала на роль «царицы наук», которая определяла (направляла умы людей) ценностные, смыслоопределяющие ориентиры. Проводя анализ всей философской мысли человечества, мы должны сейчас понимать, что понимание истинных основ в мировоззренческом (идеологическом) уровне, прямо пропорциональна гармоничности на проявленном бытии.

Когда человек хочет изучить вообще основы мировоззрения, основы бытия, философия направляет его на решение так называемого «основного вопроса философии»: общественное бытие определяет общественное сознание или, наоборот, общественное сознание определяется общественным бытием. Еще Ф. Энгельс отметил: «Великий и фундаментальный вопрос всей, особенно новейшей, философии - это вопрос отношения мышления к бытию» [7]. Но при более внимательном взгляде можно констатировать, что ни бытие (явленная реальность), ни сознание (ментально-духовный мир) не являются основой мироздания. Ибо и бытие (материя), и сознание (мысли, творчество) являются сотворёнными продуктами. «Сам этот основной вопрос философии изначально «уводит» нас от вопроса: откуда появилось это бытие? Кто или что является первопричиной этого мира? Если же человек, воспринимая философию, мировоззренческую парадигму (установку), считает, что этот мир возник случайно, после «большого

взрыва» и развитие социального мира происходит по внутренним законам, установленными государствами, то такая «философия случайности», однозначно, порождает два вида лжи. Первая ложь основана на убеждении, что Бытие первично, а вторая же, что первично Сознание (дух). Но может ли одно из них, например, Бытие (материя), будучи первичным, порождать другое? Или общественное сознание - породить это бытие? Ответ: ни Бытие, ни Сознание - не первичны, в том смысле, что одно из них могло бы породить другое! Они вполне могут взаимодействовать друг с другом, вызывая те или иные действия, но они не могут являться фундаментом, основанием, первопричиной» [2, с. 202].

Зачастую, заканчивая какое-либо учебное заведение, внешне, социально ориентированный человек не может найти себя, фундамент своего бытия, смысл своего существования. Это происходит из-за того, что философские основания, объясняющие место и ответственность человека в мире, даются искаженно. Так, например, в основном вопросе философии – вопросе об отношении мышления к бытию, который был сформулирован Ф. Энгельсом, выделяется две его стороны. Первая (онтологическая) сторона – это вопрос о том, что является первичным и определяющим: общественное бытие (материя) или общественное мышление (сознание), другими словами – природа или дух? Материальное или идеальное? Вторая (гносеологическая) сторона ставит вопрос о том, познаваем ли мир, способно ли наше мышление познать мир таким, каким он существует в действительности? Когда человек хочет осмыслить основы бытия, философия направляет его на решение этого основного вопроса.

Истина заключается в признании «не случайности» бытия, а в признании разумного Создателя, Первоначала, который создал и то, и другое (и общественное бытие, и общественное сознание). Как мы будем называть разумное начало всего мироздания: Абсолют, Мир Идей, Дао, Бог, Аллах, от этого, полагаем, существенно ничего не поменяется. Но от глубинного осмысления, понимания сердцем (не только интеллектом) этой Истины зависит вся дальнейшая судьба как индивидуального человека, так и всего человечества в целом.

В современном обществе существует множество различных мировоззрений, которые могут быть противоречивыми по отношению друг другу. Это создает сложности при формировании единого набора ценностей для современного молодого человека и может вызывать споры и разногласия. В дополнении к общепринятому представлению мировоззрения как мифологического, религиозного и философского, некоторые исследователи предложили совершенной новый методологический подход к данной проблеме. Классифицировать мировоззрение не по содержанию, и по типу строения, по структуре. «Мировоззренческие системы, которые могут быть сформированы системой образования, в предельном случае обобщения могут быть сведены всего к двум моделям – калейдоскопу и мозаике. Для первой модели характерно восприятие мира как совокупности случайных явлений, как хаоса, в котором изменения не обусловлены причинно-следственными связями и мир не познаваем. Для второй – мир един и целостен, все процессы и явления в нем взаимообусловлены и реализуются в рамках единой матрицы, меры развития» [3, с. 173]. Разрушение любой системы

ценностей, как правило, начинается с мировоззренческого, идеологического аспекта, продолжается искажением исторических научных фактов.

Таким образом, мы солидарны с теми авторами, которые предлагают формы и типы мировоззрений могут быть условно сведены к двум моделям: калейдоскопическому и мозаичному. «Все типы их мировоззренческих систем могут быть сведены всего к двум принципиально разным моделям мировоззрений: калейдоскопическому и мозаичному.

1. Калейдоскопическим является мировоззрение, компоненты которого (субъективные образы объективных явлений) в большинстве своем не связаны друг с другом, в силу чего оно непредсказуемо изменяется под воздействием потока обстоятельств. При этом история человечества «идет-бредёт сама собой», а события хаотично сменяют друг друга, как картинки в калейдоскопе, каждая из которых не имеет связи с предыдущей.

2. Мозаичным является восприятие мира как единого и целостного механизма, в котором всё взаимосвязано, всё причинно-следственно обусловлено и нет случайных событий. Каждый новый факт, дополнительный элемент знания вносит более полное понимание событий и явлений, дополняя картину мира, делая её более чёткой, как внесение нового фрагмента в мозаику.

Принципиальное отличие калейдоскопа от мозаики в том, что удаление, добавление и просто перестановка составляющих элементов в калейдоскопе принципиально меняет ВСЮ картину, ВСЁ представление об окружающем мире» [4]. А в мозаике добавление, удаление, перестановка элементов принципиально всю картину не меняет, она остается узнаваемой и, по желанию, может быть восстановлена, уточнена, дополнена. В рамках небольшой статьи раскрыть всю сложность мировоззренческих проблем, возможно, не удастся, наше понимание и представление о религиозном мировоззрении совпадает с «мозаичной» моделью.

Почему человеку важно иметь религиозное (целостное, мозаичное) мировоззрение? Дело в том, что знание общей картины не позволяет искусственно внедрить новый (ложный) элемент. Потому что знание всех причинно-следственных связей и тайн взаимодействия не позволяет переместить элементы или поменять их местами. Истина не может быть разной (релятивной, относительной), разными могут быть только представления об истине в том случае, если они не полные. Мозаика не складывается двумя разными способами. Есть только один способ, каким она может сложиться в единую прекрасную картину мира. И тот, кто «увидел» ее хотя бы раз, уже никогда не может быть обманут или введен в заблуждение. И даже при отсутствии одного из элементов эта картина может быть умозрительно восстановлена. Потому что теперь человек знает, и что должно получиться в итоге, и какие элементы уже стоят рядом и как они взаимодействуют.

Без нового методологического подхода, к вопросам мировоззрения, без осмысления места и роли религиозного мировоззрения в бытии человека, у современной молодежи не будет оформлена культура мировосприятия и мышления, не выработаются способности к самостоятельному освоению и открыванию

новых знаний и навыков, современная система образования склонная наполнить ребенка разрозненными не связанными друг с другом знаниями, будет и дальше деформировать и без того хрупкий внутренний мир современного человека. Современный ребёнок имеет опасность быть «заживо погребённым под лавиной знаний», без чётких мировоззренческих ориентиров и понимания своего места в этом мироздании.

Что мы понимаем под термином «религиозное мировоззрение»? Религиозное мировоззрение тоже может быть сформированным под влиянием внешних традиций, этнического или просто культурного компонента. Человек может быть религиозным до первого глубокого потрясения, до каких-то испытаний, или «пользоваться» религией как «палкой-выручалкой» в лишь в трудных ситуациях жизни, полагая, что религия нужна как некий «морально-устрашающий фактор», как «опиум», который снимает боль и страдания. Человек, у которого религия вот такая прагматичная – (от лат. *Religare* – связь) связь с Богом нарушена. Такой человек может позволить себе вести как хочет, «свободно», абсолютно забывая, что за все нужно будет держать ответ перед Создателем. Так как для него «истинным», «реальным», является только это явленное бытие. Истинное понимание основ мироздания, что этот мир не случаен, что у него есть разумное начало, что незнание законов этого разумного начала, который ежесекундно всегда и везде сопровождает человека по жизни, не освобождает его от ответственности, может коренным образом поменять человека в лучшую сторону. Но когда человек верит Богу, просто как морально-устрашающему, морально-наблюдающему Существо, лишь *однажды* актом Своей великой воли сотворившему весь этот проявленный мир, но далее предоставившему всякую волю только человеческому эго и более не участвующий в земных делах, такое эго начинает позволять себе вседозволенность (данная установка появилась в мировоззренческой картине мира в эпоху Просвещения). Именно в этот период возникает «конструкция представлений о трансцендентальной истине или Боге, оторванного от реальной действительности». Сейчас нам необходимо преодолеть дуалистическое мировоззрение, заимствованное от западного (греко-римского) общества, и связанное с ним состояние дуалистического тупика, которое ставит человека перед выбором между объективизмом трансцендентальной истины (или Бога) и субъективизмом (утилитарный индивидуализм), одержимого жадной наживы, который приводит к духовной деградации общества. Данная дуалистическая концепция, рассматривающая Бога лишь «однажды пустившего в ход машину мира, далее удалившегося от земных дел и не вмешивающегося в общественную жизнь людей», является корнем мировоззренческо-методологических проблем, которым, мы как человечество сейчас подошли. «Они дали решающий толчок секуляризации, то есть формированию концепции человеческой жизни, не нуждающегося в Боге и в наши дни дошедшей до крайних пределов. Отсюда же берет начало либерализм. Этим неоднозначным и уклончивым термином в некоторых случаях обозначался и обозначается проект человеческой жизни и сосуществования людей под руководством только разума, как если бы Бог не существовал» [5, с. 77].

Таким образом, во-первых, от корректности методологических установок

напрямую зависит благополучие человека во всех сферах его жизни. Когда из картины мира человека убирают (заменяют) Живого, Вечного, ежесекундно участвующего в как во внутренних (рационально-духовных), так и во внешних (социально-политических) аспектах человеческого бытия, Бога, это приводит к рационально построенной «Я-концепции». Если же человеку навязываются заведомо ложные смыслы и ценностные ориентиры, он не сможет в полной мере ощущать себя удовлетворённым и реализованным, не сможет быть подлинным патриотом и благодарным членом общества. Запад переживает духовный кризис, который стартовал в XVI веке, в виде дуализма и деизма, предложенного картезианской философией.

Во-вторых, ошибки и искажения в методологии поиска и обретения смысла жизни всегда приводили к тяжелейшим последствиям для общества, превосходящим по своей серьезности любые другие ошибки. Подлинные ценности и смысл выступают фундаментом, на котором строится всё человеческое существование.

Относительная истина имеет место быть на уровне проявленной действительности, феноменальном (социальном) уровне, на уровне философского дуализма, а на уровне духовном и душевном (веры Богу), истина должна быть одна. На уровне духа и души западный дуализм, взявший старт в эпоху Просвещения и приведший в XX веке к релятивизму (относительность истины) приводит к разладу и распаду, к морально-этической деградации человека и всего общества. Поэтому наступает эпоха нового переосмысления мировоззренческих вопросов, требующая от нас «преодоления дуалистического мировоззрения, заимствованное в западном обществе, связанное с ним состояние дуалистического тупика, ставящего перед выбором между объективизмом трансцендентальной истины (или бога) и субъективизмом утилитарного индивидуализма, одержимого жаждой наживы, который маргинализирует наше общество» [6, с. 255].

Механистический (калейдоскопический, не взаимосвязанный) взгляд на мир начал меняться в начале XX века благодаря научным открытиям в различных областях знания (физика, генетика). Нам, современным философам, еще предстоит (по воле Создателя) повернуть ход мысли современного человечества от диалектико-калейдоскопического подхода к проблеме мировоззрения, к целостно-мозаичному типу, которое в свою очередь, имеет своим основанием веру Богу. Когда мы осмыслим и начнем практиковать в своей жизнедеятельности такую философию, где нет места «калейдоскопическому» взгляду на мир, на жизнь, где есть искренняя вера в постоянное присутствие Бога (Абсолюта) во всех аспектах жизни человека, тогда многие духовно-воспитательные и социально-политические проблемы начнут разрешаться.

Библиографический список

1. Вильданова, Г. Б. Мировоззренческо-религиозные основы патриотизма: религиозно-философский аспект// Вестник Челябинского государственного университета, 2025. - № 4 (498). С. 43-50.
2. Вильданова, Г. Б. Философско-религиозные размышления об

устойчивом развитии бытия // Устойчивое развитие территорий: теория и практика: Материалы IV Межд. научно-практической конференции, Сибай, 19-20 апреля 2023 года. – Сибай: Сибайский институт (филиал) ФГБОУ «Уфимский университет науки и технологий», 2023. – С. 97-101.

3. Вильданова, Г. Б. О взаимосвязи секуляризации общества с социальными проблемами с позиции ислама // Материалы Международной научно-практической конференции: Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. - Махачкала, 2020. – 171-174 с.

4. Зарипов, Д. Мозаичное мировоззрение и калейдоскопический кретианизм // Эл.ресурс: https://vk.com/wall-24943107_36249 (дата обращения 28.10.2025 г.)

5. Вальверде, К. Философская антропология (пер. с испан.) – М.: «Христианская Россия», 2000. – 412 с.

6. Шагиахметов, М. Р. Основы системного мировоззрения. Системно-онтологическое обоснование. 2-е изд., переработанное и дополненное / М. Р. Шагиахметов Новосибирск: Академиздат, 2022. – 260 с.

7. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии// Эл. Ресурс. <https://proza.ru/2009/12/25/1362?ysclid=mhaaz1ci44966675235> (дата обращения 28.10.2025)

© Г. Б. Вильданова, 2026

УДК 93/94

В. В. Володина, И. Г. Синьковская

РАННЯЯ БЕРЕМЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика
М.Ф. Решетнева, Российская Федерация, г. Красноярск

В статье рассматривается феномен ранней беременности как формирующаяся социальная проблема в современной России. Анализируется деятельность государственного аппарата в сфере демографической политики. Представлен анализ аспектов демографической политики, включая статистические данные о динамике рождаемости и общественной реакции, формирующие риски роста ранней беременности.

Ключевые слова: ранняя беременность, демографическая политика, пропаганда, несовершеннолетние матери, социальная поддержка, традиционные ценности, Россия, этические аспекты, подростковая фертильность.

V. V. Volodina, I. G. Sinkovskaya

PROPAGANDA OF EARLY PREGNANCY AS A SOCIAL PROBLEM IN MODERN RUSSIA

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article examines the phenomenon of early pregnancy as a developing social problem in modern Russia. It analyzes the activities of the state apparatus in the field of demographic policy. The article presents an analysis of the aspects of demographic policy, including statistical data on the dynamics of birth rates and public reaction, which form the risks of an increase in early pregnancy.

Key words: early pregnancy, demographic policy, propaganda, underage mothers, social support, traditional values, Russia, ethical aspects, teenage fertility.

Демографический кризис в Российской Федерации достиг уровня, который официальные лица характеризуют как «катастрофический для будущего страны». В 2023 году число родившихся составило 1,2 миллиона человек – минимум за последние 25 лет, а суммарный коэффициент рождаемости опустился до 1,41 ребенка на женщину [1] при необходимых для воспроизводства населения 2,1. В ответ на эти вызовы государство активизировало меры демографической политики, однако некоторые региональные инициативы вызвали острую общественную реакцию. Наиболее спорным направлением стало введение с 2025 года выплат для беременных школьниц и студенток, что рядом экспертов и политиков было расценено как пропаганда ранней беременности.

2024 год был объявлен в России Годом семьи в соответствии с указом Президента. В этот период был разработан проект Стратегии действий в области

семейной и демографической политики и поддержки многодетных семей до 2036 года. Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Мария Львова-Белова в ежегодном докладе за 2024 год отметила рост числа обращений в аппарат на 22,8% [2], что свидетельствует о повышении востребованности мер социальной поддержки семей с детьми. Основные направления деятельности включают реализацию стратегических программ «Дети в семье», «Подростки России», «Помощь на протяжении всей жизни», предотвращение социального сиротства, поддержку семей участников специальной военной операции.

Начиная с 2025 года, не менее 27 регионов России ввели выплаты для беременных школьниц и студенток очной формы обучения. Суммы варьируются от 20 000 до 150 000 рублей в зависимости от региона. Наиболее спорным аспектом стало отсутствие нижней возрастной границы в некоторых нормативных актах (Орловская, Брянская, Кемеровская области), что теоретически распространяет выплаты на девочек младше 16 лет. В Санкт-Петербурге в июне 2025 года был принят в первом чтении законопроект о выплате 100 тысяч рублей беременным, обучающимся очно в школах, колледжах и вузах. Министерство труда РФ в феврале 2025 года включило пособия для беременных студенток в перечень «региональных программ повышения рождаемости» [3], однако официальные лица настаивают, что это меры поддержки в кризисной ситуации, а не стимулирование ранних беременностей.

Парадоксальным образом меры по стимулированию рождаемости через поддержку несовершеннолетних матерей вступают в противоречие с декларируемой государством приверженностью «традиционным семейным ценностям». Председатель комитета Государственной Думы по защите семьи, материнства, отцовства и детства Нина Останина заявила, что такие выплаты могут рассматриваться как пропаганда «ранних рождений», что противоречит традиционным ценностям, а депутат Ксения Горячева выразилась наиболее категорично: «Когда ребенок рождает ребенка – это не героизм, а трагедия. Не нужно использовать детскую наивность для корректировки демографической статистики» [3].

Подростковая беременность сопряжена с повышенными рисками для здоровья как матери, так и ребенка. Ранние роды ассоциируются с более высокой частотой осложнений, анемии, преждевременных родов и низкой массы тела новорожденных. Психологические последствия включают повышенный риск послеродовой депрессии, социальную изоляцию и прерывание образования [4, с. 22]. Эти факторы редко обсуждаются в контексте демографических инициатив, что составляет этическую проблему. Ключевой аргумент критиков заключается в том, что любые выплаты, адресованные определенной категории граждан, создают стимулы. Если беременность в школьном возрасте сопровождается материальным вознаграждением, у социально уязвимых подростков может сформироваться искаженное представление о репродуктивном выборе. Как отмечает депутат Светлана Бессараб, «изначально закладывать социальную поддержку беременных школьниц – это некое поощрение ранней беременности» [3]. В условиях, когда размер выплат в некоторых регионах достигает 150 000 рублей, существует риск, что наиболее бедные семьи могут рассматривать раннюю

беременность как способ получения финансовой помощи, что лишь усугубляет цикл бедности. Однако, сторонники мер указывают, что выплаты направлены на поддержку девушек, которые уже оказались в ситуации беременности. Министр труда Антон Котяков заявил: «Государственная поддержка должна быть ориентирована на всех матерей, нуждающихся в помощи. В любом возрасте не следует оставлять человека один на один с его жизненной ситуацией» [4].

В контексте ужесточения законодательства об абортах, материальная поддержка может рассматриваться как элемент стратегии по сохранению беременности в случаях, когда она уже наступила. Программа «материнского капитала», введенная в 2007 году [5], изначально дала положительный эффект: рождаемость временно повысилась. Однако, как отмечают демографы, этот эффект был краткосрочным, и «после всплеска наступает спад». Публичное обсуждение создают эффект нормализации и потенциального стимулирования ранних беременностей. Эксперты сходятся во мнении, что ключевыми факторами повышения рождаемости являются доступное жилье, доступность детских садов и яслей, а также общее повышение экономической стабильности семей.

Библиографический список

1. Виноградова, Е. Росстат раскрыл среднее число детей на одну женщину в России. 2024. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e> (дата обращения 14.04.2026).
2. Число обращений за 2024 год в адрес Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка выросло на 22,8 %». 2025. — URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1521> (дата обращения 14.04.2026).
3. Кокош, Е. Выплаты беременным студенткам – что положено. 2025. — URL: <https://brobank.ru/vyplaty-beremennym-studentkam-chto-polozheno/> (дата обращения 14.04.2026).
4. Михайлин, Е. Беременность, роды и послеродовый период у несовершеннолетних, 2022. — URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_dissertation/48ee2e58-70f1-4b57-9a3e-f41bb1ae91c6/dissertaciya-mihaylin-es.pdf (дата обращения 14.04.2026).
5. Яковлев, Е. Как материнский капитал повлиял на рождаемость. 2020. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/27/823925-materinskii-kapital> (дата обращения 14.04.2026).

© В. В. Володина, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 159.9

В. М. Голубченко

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И
АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ У СТУДЕНТОВ: РЕСУРСНЫЙ
ПОДХОД**

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика

М.Ф. Решетнева

Российская Федерация, г. Красноярск

В статье рассматривается проблема взаимосвязи профессионального выгорания и динамики академической мотивации у студентов вузов. Практическая значимость исследования заключается в разработке научно обоснованных рекомендаций для профилактики выгорания и поддержания устойчивой учебной мотивации в образовательной среде.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, академическая мотивация, психологические ресурсы, учебная деятельность, профилактика.

V. M. Golubchenko

**THE RELATIONSHIP BETWEEN PROFESSIONAL DEVELOPMENT AND
ACADEMIC MOTIVATION AMONG STUDENTS: A RESOURCE
APPROACH**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Russian Federation, Krasnoyarsk

The article examines the relationship between burnout syndrome and the dynamics of academic motivation among university students. The practical significance of the study lies in the development of evidence-based recommendations for preventing burnout and maintaining sustainable learning motivation in the educational environment.

Key words: burnout, academic motivation, psychological resources, learning activity, prevention.

Современная система высшего образования, характеризующаяся цифровизацией и ростом конкуренции, формирует уникальную стрессогенную среду для студентов [1, с. 210-215]. Проблема профессионального выгорания, в основном изучающаяся в контексте трудовой деятельности, приобретает всё большую актуальность в студенческой среде [2, с. 45-60]. Его основание взято у К. Маслач, она писала про эмоциональное истощение, цинизм и снижение эффективности, которое находит прямое отражение в учебном процессе: в апатии, формализме, прогулах и снижении успеваемости [4, с. 99-113]. При этом динамическая система академической мотивации выступает ключевым медиатором и предиктором данного процесса: её характер и стабильность могут как смягчать влияние стресса, так и усугублять истощение ресурсов [3, с. 100-130]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения психического здоровья

студенческой молодёжи, повышения качества образования и снижения академических отчислений. Ресурсный подход С. Хобфолла [5, с. 513-524] предлагает целостную систему для анализа этой взаимосвязи, фокусируясь на балансе между требованиями среды и запасом жизненно важных психологических ресурсов.

Феномен выгорания в образовании интерпретируется через адаптированную модель К. Маслач, где эмоциональное истощение возникает из-за хронического учебного стресса. Цинизм проявляется как безразличие, скептицизм и дистанцирование от учёбы и преподавателей. Снижение академических достижений выражается в ощущении некомпетентности и падении успеваемости [4, с. 99-113]. Студенты на развитых стадиях выгорания демонстрируют «учёбу на автомате», избегание учебных взаимодействий и когнитивные нарушения.

Мотивационная основа процесса описывается теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [3, с. 100-130]. Она описывает отличие мотивации от амотивации (отсутствие намерения действовать) через различные формы контролируемой мотивации (внешнее регулирование: учёба из-за чувства вины или для повышения самооценки) к автономной мотивации (внутренняя мотивация). Различные многочисленные исследования показывают, что автономная мотивация надёжно ассоциируется с психологическим благополучием, глубокими подходами к обучению, креативностью и упорством, в отличие от контролируемой мотивации, которая связана с тревогой, поверхностным обучением, усталостью и риском выгорания [3, с. 180-200]. Интегрирующей рамкой выступает теория сохранения ресурсов С. Хобфолла [5, с. 513-524]. Согласно данной теории, стресс и выгорание развиваются при угрозе утраты, фактической потери или недостаточном пополнении значимых ресурсов для индивида. Ключевыми ресурсами являются:

1. Материальные и энергетические ресурсы: финансовая устойчивость, наличие свободного времени, хорошее физическое здоровье и высокий уровень энергии [1, с. 80-95].
2. Социальные ресурсы: поддержка со стороны преподавателей, учебной группы, помощь от семьи и друзей [2, с. 150-180].
3. Личностные ресурсы: чувство самоэффективности, жизнестойкости, оптимизм, умения саморегуляции [3, с. 180-200].
4. Мотивационно-смысловые ресурсы: внутренняя заинтересованность в предмете, осознание смысла и цели учебы, академическая автономия. Хроническое давление академической среды (высокие требования, дедлайны, оценивание) приводит к постепенному истощению этих ресурсов. В ответ студент, пытаясь сохранить результативность, часто неосознанно переходит с автономной на контролируемую мотивацию (например, «сдать любой ценой»), которая требует больших энергозатрат при меньшей отдаче и ускоряет истощение, формируя бесконечный круг выгорания [3, с. 100-130].

На основе синтеза упомянутых теорий разработана модель, которая описывает, как выгорание и мотивация взаимодействуют динамически. Она строится на четырех переплетенных контурах расхода ресурсов: в каждом

присутствуют свои специфические стрессоры, точки истощения и результат мотивационных сдвигах [5, с. 513-524].

Факторы, способствующие развитию профессионального выгорания у студентов:

1. Академический фактор.

Источники стресса: высокая учебная нагрузка, информационная перегрузка, плотный график, постоянные дедлайны, необходимость многозадачности, жёсткие требования к оценкам, страх академической неудачи дня [1, с. 210-230]. Механизм воздействия: хроническое переутомление истощает энергетические и когнитивные ресурсы, приводя к эмоциональному выгоранию. Мотивация смещается на внешнюю и «избегательную», что усиливает стресс и ускоряет истощение. Ситуацию усугубляют нарушения сна и нерегулярный распорядок дня [1, с. 120-140]

2. Личностно-ролевой фактор.

Источники стресса: склонность к перфекционизму, завышенные требования к себе, конфликт учебных, рабочих и личных обязанностей, страх не соответствовать образу «успешного студента». Механизм воздействия: внутренний ролевой конфликт и самокритика подрывают личностные ресурсы. Чувство некомпетентности и потери контроля снижает внутреннюю мотивацию, согласно теории самодетерминации. В качестве неэффективной стратегии совладания развивается прокрастинация, которая, в свою очередь, увеличивает уровень стресса и чувство вины [3, с. 100-130].

3. Организационно-средовой фактор.

Источники стресса: жёсткая и бюрократизированная система образования, формализованные отношения с преподавателями, недостаток обратной связи и поддержки, конкурентная или изолирующая атмосфера в группе, восприятие несправедливости со стороны учебного заведения [5, с. 513-524]. Механизм воздействия: дефицит социальных ресурсов (поддержки, чувства общности) провоцирует цинизм как форму защитного отстранения от учёбы и преподавателей. Снижается учебная вовлечённость – состояние, противоположное выгоранию. Студент теряет чувство принадлежности, необходимое для поддержания внутренней мотивации.

4. Ценностно-смысловой фактор.

Источники стресса: рассогласование личных ценностей и интересов с содержанием учебной программы; ощущение рутинности и бессмысленности выполняемых заданий; неопределённость будущих профессиональных перспектив [3, с. 100-130]. Механизм: несоответствие ценностей ведёт к истощению ключевого мотивационно-смыслового ресурса. Учёба воспринимается как отчуждённая, нерелевантная деятельность, что является прямой предпосылкой для развития выгорания и академической амотивации. Поиск смысла смещается с процесса обучения на формальный результат, что характерно для контролируемой мотивации.

Эмпирические исследования подтверждают тесную связь между выгоранием и типом мотивации. У студентов с доминированием автономной мотивации

уровень выгорания значительно ниже, а учебная вовлечённость – выше, даже при высоких академических нагрузках. Напротив, внешняя регуляция и, особенно, мотивация из чувства долга или вины, предсказывают развитие эмоционального истощения и цинизма. Также установлена медиационная роль личностных ресурсов, таких как жизнестойкость и самоэффективность, в отношениях между академическим стрессом и выгоранием [3, с. 180-200].

Исходя из предложенной модели, психолого-педагогическое вмешательство должно быть системным и нацеленным на пополнение ресурсов на всех уровнях:

Поддержка в учебе: помощь в организации учебного процесса, борьбе с прокрастинацией и соблюдении баланса между нагрузкой и отдыхом. Поддержка личности: тренировка психологической устойчивости, навыков саморегуляции и помощь в разрешении внутренних противоречий. Поддержка средой: формирование в учебном заведении климата взаимопомощи, внедрение института наставничества и обеспечение регулярной обратной связи. Поддержка смыслами: помощь в нахождении личной и профессиональной цели обучения, увеличение доли практически значимой деятельности в учебном плане.

Основная идея заключается в переходе от реактивной помощи к проактивному построению образовательной среды. Такая среда, поддерживая базовые психологические потребности в компетентности и связанности, способствует развитию внутренней мотивации и служит профилактикой эмоционального истощения [4, с. 99-113]. Взаимосвязь между профессиональным выгоранием и академической мотивацией студентов носит сложный и динамичный характер, ключевым опосредующим звеном в котором выступает баланс психологических ресурсов. Разработанная интегративная модель, синтезирующая положения теории С. Хобфолла, теории самодетерминации и классической модели выгорания, дает возможность для системного изучения данной взаимосвязи по четырем основным направлениям взаимодействия: академическому, личностно-ролевому, организационно-средовому и ценностно-смысловому [1, с. 210-230].

Практическая ценность модели заключается в переходе от мер к разработке комплексной программы ресурсного сопровождения учебной деятельности. Такая программа должна включать: 1) регулярный мониторинг уровня выгорания, типа мотивации и ресурсного состояния студентов; 2) развитие личностных ресурсов через психологические тренинги [2, с. 150-180]; 3) изменение образовательной среды в направлении большей поддержки, гибкости [5, с. 513-524]; 4) подготовку преподавателей к распознаванию ранних признаков выгорания и навыкам мотивационной поддержки студентов [4, с. 99-113; 3, с. 100-130]. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение динамики представленных контуров, анализ эффективности конкретных интервенций, а также на рассмотрение кросс-культурных и специфических аспектов данной проблемы. Ресурсный подход открывает перспективу для построения здоровой и эффективной образовательной экосистемы, где достижение академических целей не будет являться ценностью психического благополучия студентов.

Библиографический список

1. Бодров, В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
2. Водопьянова, Н. Е., Старченкова, Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
3. Гордеева, Т. О. Психология мотивации достижения. – М.: Смысл, 2006. – 336 с.
4. Maslach, C., Jackson, S. E. The measurement of experienced burnout // Journal of Organizational Behavior. – 1981. – Vol. 2(2). – P. 99–113.
5. Hobfoll, S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. – 1989. – Vol. 44(3). – P. 513–524.

© В. М. Голубченко, 2026

УДК 364.4

М. А. Горшкова, И. Г. Синьковская

**ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯ ДОУ**

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика
М.Ф. Решетнева, Российская Федерация, г. Красноярск

В статье рассматривается отношение родителей к организации социальной поддержки детей в условиях доу. На основе исследования анализируется взаимосвязь между уровнем запроса родителей на социальную поддержку и их удовлетворенностью организацией среды в МБДОУ № 182.

Ключевые слова: ДОУ, отношение, семья, социальная поддержка, дошкольники,

M. A. Gorshkova, I. G. Sinkovskaya

**PARENTAL ATTITUDES TOWARD THE ORGANIZATION OF SOCIAL
SUPPORT FOR CHILDREN IN PRE-SCHOOL EDUCATIONAL
INSTITUTIONS**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article examines parental attitudes toward the organization of social support for children in pre-school educational institutions. Based on the study, the author analyzes the correlation between the level of parental demand for social support and their satisfaction with the environment organized at Municipal Budgetary Pre-school Educational Institution No. 182.

Keywords: pre-school educational institution, attitude, family, social support, preschoolers.

В настоящее время взаимодействие любого дошкольного образовательного учреждения и семьи представляет собой одну из важнейших детерминант адекватного и полноценного развития ребенка. Современная педагогическая психология рассматривает ДОУ не просто, как образовательную поддержку, но и как наиболее важный институт социальной поддержки, который обеспечивает психолого-педагогическое сопровождение и оказывает помощь родителям в воспитании их детей. Параллельно с этим, качество такого взаимодействия непосредственно обусловлено тем, как родители воспринимают те или иные формы поддержки, предлагаемые ДОУ.

Социальная поддержка семей в системе дошкольного образования представляет собой комплексную систему мер, направленную на создание благоприятных условий для развития ребенка и укрепление института семьи. Она включает в себя различные виды помощи – от материально-правовой до психолого-педагогической, при этом современное ДОУ выступает не просто как

образовательное учреждение, а как открытая социально-педагогическая система, способная оперативно реагировать на запросы родителей и специфические нужды воспитанников.

Эффективность данной деятельности опирается на строгую нормативно-правовую базу, включающую международные акты, федеральные законы и локальные нормативные акты ДООУ. Законодательство закрепляет приоритет семейного воспитания и накладывает на дошкольные организации обязательства по созданию условий для полноценного взаимодействия. Анализ правовых основ показал, что современная государственная политика ориентирована на партнерскую модель отношений, где детский сад и семья несут солидарную ответственность за социализацию и благополучие ребенка.

Практическая реализация социальной поддержки обеспечивается через разнообразие форм и методов психолого-педагогической помощи, среди которых выделяются как традиционные (консультации, родительские собрания), так и инновационные (тренинги, мастер-классы, дистанционные формы общения). Выбор конкретных методов зависит от дифференцированного подхода к разным категориям семей. Таким образом, создание единого социально-образовательного пространства в ДООУ является необходимым условием для успешной адаптации детей и повышения педагогической компетентности родителей.

В рамках работы было проведено исследование. Исследование проводилось на базе Муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 182 общеразвивающего вида с приоритетным осуществлением деятельности по познавательно-речевому направлению развития детей».

Были использованы следующие методики:

1. Методика №1. Анкета «Изучение запросов родителей на формы социальной поддержки в ДООУ» (адаптированный вариант)
2. Методика «Оценка удовлетворенности родителей работой образовательного учреждения» (Котова Е.В.).

Эмпирическое исследование позволило подтвердить значимость отношения родителей и уровня их запросов как ключевых факторов, определяющих характер и успешность взаимодействия семьи и МБДООУ № 182. Применение методики Котовой Е.В. выявило наличие у родителей различных уровней удовлетворенности, от высокого доверия и признания до критического восприятия условий социальной поддержки.

Полученные данные показали, что ведущими формами отношения для большинства участников исследования выступают стремление к сотрудничеству, ориентация на информационную открытость и желание получать качественную психолого-педагогическую помощь.

В то же время были зафиксированы и проявления отчужденности и низкой осведомленности, что свидетельствует о неоднородности ожиданий родительской общественности.

Анализ результатов анкеты запросов показал, что потребность в

социальной поддержке существенно варьирует в выборке.

Высокие показатели запроса коррелировали с преобладанием высоких индексов удовлетворенности и доверия, тогда как низкие уровни запроса чаще сочетались с дистанцированностью и критической оценкой деятельности учреждения. Это подтверждает гипотезу о том, что активный социальный запрос родителей выступает одним из основных детерминантов качества взаимодействия семьи и ДООУ.

Сравнительный анализ данных двух методик позволил выявить отчетливую взаимосвязь между уровнем запроса родителей на социальную поддержку и их удовлетворенностью организацией среды в МБДООУ № 182.

1. Родители с высоким уровнем запроса на поддержку (n=12).

Данная группа демонстрирует ярко выраженную ориентацию на позитивное и просоциальное взаимодействие с ДООУ. Средние значения по шкалам «Информационная открытость» (7.91) и «Профессионализм педагогов» (7.82) находятся в зоне максимальных показателей. Это свидетельствует о том, что эти родители склонны к сотрудничеству, доверию, готовности принимать помощь и стремлению к установлению партнерских отношений с детским садом. Они воспринимают взаимодействие как процесс взаимопомощи и эффективного решения задач развития ребенка.

Высокие показатели удовлетворенности: показатели по шкалам «Психологический климат» (7.75) и «Социальная поддержка» (7.66) являются максимальными среди всех групп. Это указывает на отсутствие барьеров в общении и высокую оценку усилий учреждения. Их активность в жизни ДООУ, если она проявляется, носит характер конструктивного участия и поддержки инициатив специалистов.

2. Родители со средним уровнем запроса на поддержку (n=10).

Данная группа занимает промежуточное положение. Показатели по ключевым шкалам «Информационная открытость» (6.15) и «Социальная поддержка» (5.85) заметно ниже, чем в первой группе, но выше, чем в третьей. При этом значения по удовлетворенности профессионализмом кадров (6.45) остаются достаточно стабильными.

Такой профиль отражает поведенческую гибкость, сочетающуюся с потенциальной дистанцированностью. Эти родители могут проявлять как готовность к сотрудничеству, так и стремление ограничивать контакты с ДООУ формальными рамками. Их оценка взаимодействия в большей степени зависит от конкретной ситуации и оперативности решения возникающих вопросов.

3. Родители с уровнем запроса ниже среднего (n=8).

В этой группе четко доминируют низкие показатели удовлетворенности качеством среды. Средние значения по шкалам «Информационная открытость» (4.10) и «Социальная поддержка» (3.95) являются наивысшими в плане критичности (наименьшими по баллу). Это указывает на выраженное стремление к автономии семьи, эмоциональную дистанцию и, в ряде случаев, недоверие к предлагаемым формам помощи.

Показатели по шкалам «Профессионализм» (4.40) и «Психологический

климат» (4.25) – самые низкие среди всех групп. Это свидетельствует о слабой выраженности ориентации на сопричастность к жизни учреждения. Взаимодействие часто воспринимается как формальная необходимость.

Интерпретация: Низкий уровень запроса на социальную поддержку, связанный с трудностями в коммуникации с ДООУ и непониманием спектра возможностей учреждения, компенсируется закрытостью семьи. Такая стратегия ведет к снижению информированности и затрудняет построение глубоких доверительных отношений между детским садом и родителями.

Таким образом, результаты сравнительного анализа наглядно демонстрируют, что между двумя методиками существует согласованность: родители, которые показывают высокий уровень запроса на поддержку, проявляют высокую удовлетворенность и доверие к ДООУ. А те, кто демонстрируют более низкие результаты по запросам, склонны к более критичному или дистанцированному восприятию образовательной среды.

В результате, исследование позволило не только выявить доминирующие типы отношения родителей к детскому саду, но и установить их взаимосвязь с уровнем востребованности социальной поддержки.

Библиографический список

1. Конвенция о правах ребенка: [принята 20.11.1989] // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 45. – Ст. 955.
2. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. – Москва: Проспект, 2023. – 64 с. – Текст: непосредственный.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: [федеральный закон № 223-ФЗ: принят Государственной Думой 08.12.1995: по состоянию на 2024 г.]. – Москва: Эксмо, 2024. – 96 с.
4. Об образовании в Российской Федерации: [федеральный закон № 273-ФЗ: принят Государственной Думой 21.12.2012]. – Москва: КноРус, 2023. – 224 с. – Текст: непосредственный.
5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: [Федеральный закон № 124-ФЗ: принят Государственной Думой 03.07.1998]. – Москва: Омега-Л, 2023. – 42 с.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации: [федеральный закон № 197-ФЗ: принят Государственной Думой 21.12.2001]. – Москва: Юрайт, 2024. – 280 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: [утвержден приказом Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155]. – Москва: Просвещение, 2023. – 32 с.
8. Федеральная образовательная программа дошкольного образования: [утверждена приказом Минпросвещения России от 25.11.2022 № 1028]. – Москва: Сфера, 2023. – 214 с.

9. Абрамова, Г. С. Возрастная психология / Г. С. Абрамова. – Москва: Академия, 2022. – 704 с.
10. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина. – Санкт-Петербург: Питер, 2022. – 688 с.
11. Антипова, Т. В. Современные формы взаимодействия ДОО и семьи в условиях реализации ФОП ДО / Т. В. Антипова. – Москва: Сфера, 2024. – 128 с. – Текст: непосредственный.
12. Арнаутова, Е. П. Педагог и семья / Е. П. Арнаутова. – Москва: Карапуз, 2024. – 264 с.
13. Блонский, П. П. Психология и педагогика. Избранные труды / П. П. Блонский. – Москва: Юрайт, 2020. – 184 с.
14. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Санкт-Петербург: Питер, 2023. – 398 с. – Текст: непосредственный.
15. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – Москва: АСТ, 2022. – 672 с.

© М. А. Горшкова, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 316.346.32-053.6

Н. В. Григорьева, С. А. Столярова
**МОЛОДЁЖЬ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ:
ВОЗРАСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ**

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева» Российская Федерация,
г. Красноярск

В статье рассмотрены возрастные, социальные и психологические предпосылки, обуславливающие роль молодёжи как основного субъекта социальной активности.

Ключевые слова: молодёжь, социальная активность.

N. V. Grigoreva, S. A. Stoliarova
**YOUTH AS A SUBJECT OF SOCIAL ACTIVITY: AGE AND SOCIO-
PSYCHOLOGICAL BACKGROUND**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article discusses the age, social and psychological prerequisites that determine the role of young people as the main subject of social activity.

Keywords: youth, social activity.

Молодёжь традиционно рассматривается как стратегический ресурс развития общества, носитель инновационного потенциала и движущая сила социальных изменений. Именно в молодёжном возрасте происходит интенсивное формирование ценностных ориентаций, гражданской идентичности и социальных компетенций, закладываются модели поведения, которые во многом определяют будущее страны. Вместе с тем социальная активность не возникает стихийно – она имеет глубокие объективные корни в самой природе молодёжи как особой социально-демографической группы. Молодые люди находятся в уникальной жизненной фазе, когда внутренняя готовность к преобразованию действительности сочетается с незавершённостью социального становления, что создаёт мощный потенциал для проявления инициативы. Цель настоящей статьи – определить какие возрастные, социальные и психологические характеристики делают молодёжь основным субъектом социальной активности.

В качестве теоретической основы в работе используется интегративное определение, предложенное В.В. Загребиним, согласно которому молодёжь – социально-демографическая группа, состоящая из индивидов, имеющих социальный статус молодых и являющихся по самоидентификации молодыми, с характерными для них возрастными социально-психологическими свойствами и социальными ценностями, которые обуславливаются уровнем социально-

экономического, культурного развития, особенностями социализации в обществе [1, с. 1]. Данное определение ценно тем, что объединяет объективный (социальный статус) и субъективный (самоидентификация) критерии, а также подчёркивает зависимость характеристик молодёжи от конкретно-исторических условий, в которых происходит её становление. Из этого следует важный вывод: молодёжь не является однородной и статичной категорией – её черты подвижны и определяются той социальной средой, в которой происходит взросление. Следовательно, и формы проявления социальной активности будут различаться в зависимости от контекста социализации конкретного поколения.

Опираясь на указанное определение, можно выделить ключевые черты молодёжи как социальной группы. К ним относятся:

- 1) транзитивность – нахождение в процессе перехода от зависимого детства к самостоятельной взрослой жизни;
- 2) высокая социальная мобильность – готовность к изменению социального статуса и освоению новых ролей;
- 3) формирование ценностно-нормативной системы – активный поиск смысло-жизненных ориентиров;
- 4) инновационный потенциал – восприимчивость к новому и готовность к творческому преобразованию действительности;
- 5) специфические формы самоорганизации – склонность к созданию неформальных объединений и ориентация на референтные группы сверстников.

Каждая из этих черт вносит свой вклад в предрасположенность молодёжи к социальной активности. Транзитивность означает, что молодой человек ещё не связан жёсткими социальными обязательствами и потому более свободен в выборе направлений деятельности. Высокая социальная мобильность позволяет быстро реагировать на возникающие возможности. Инновационный потенциал способствует поиску нестандартных решений социальных проблем, а склонность к самоорганизации создаёт естественную основу для формирования инициативных групп и сообществ.

С психологической точки зрения молодёжный возраст обладает рядом специфических особенностей, непосредственно влияющих на готовность к социальной активности. Как отмечает О.В. Курышева, характеризуя молодёжь, целесообразно обратиться к синонимичному понятию «молодость», которое акцентирует внимание на значении начала, свежести, расцвета. Молодость – это особое ощущение мира, устремлённость в будущее, оптимизм, жизнелюбие и жажда деятельности. Именно эти качества создают ту внутреннюю энергию, которая ищет выход в социально значимых действиях. В то же время, добавляет исследователь, специфика социального статуса молодёжи проявляется в том, что эта группа находится в ситуации «неполного» вхождения в общество и характеризуется промежуточным положением между детством и взрослостью [3, с. 69]. Молодой человек уже не играет роли ребёнка, но в то же время ещё не является полноценным носителем ролей взрослых людей. Эта двойственность создаёт особое психологическое напряжение: с одной стороны, молодые люди стремятся к самостоятельности и признанию, с другой – объективно ограничены в

возможностях их достижения. Именно в таком промежуточном состоянии социальная активность становится для молодёжи способом преодолеть разрыв между стремлением к взрослому статусу и его фактической недоступностью.

Дополнительным фактором, усиливающим предрасположенность молодёжи к социальной активности, выступает характерное для современного общества размытие формальных критериев взрослости. Если в индустриальную эпоху вхождение во взрослость обуславливалось набором чётких социально-биографических маркеров – окончание учёбы, уход из родительского дома, начало профессиональной карьеры, вступление в брак и рождение детей, – то сегодня эти события всё более растягиваются во времени, а их обязательность перестаёт восприниматься как социальная норма [3, с. 69-70]. Значительная часть молодых людей продолжает обучение до 25-30 лет, откладывает создание семьи или вовсе отказывается от неё, что уже не встречает общественного осуждения. В этих условиях на смену социально заданным маркерам зрелости приходят индивидуальные критерии, среди которых – способность самостоятельно принимать решения, нести ответственность за результаты своих действий, оказывать влияние на окружающую действительность. Именно социальная активность – добровольчество, участие в проектной деятельности, создание общественных объединений – предоставляет молодым людям пространство для обретения и демонстрации этих качеств. Таким образом, в ситуации, когда традиционные пути обретения взрослого статуса становятся всё менее определёнными, социальная активность начинает выполнять функцию альтернативного канала подтверждения собственной состоятельности и значимости.

К. Манхейм охарактеризовал молодёжь как «социальный резерв», который актуализируется в периоды быстрых общественных изменений, и отмечал, что динамические общества всегда опираются на связь с молодёжью [4]. Своеобразный «резервный» характер этой группы проявляется в неполной включённости в статусную структуру общества, что позволяет молодым людям быть более мобильными и независимыми. Молодёжь, согласно К. Манхейму, ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе – она представляет собой потенциал, готовый к любому начинанию. Эта идея хорошо объясняет, почему именно молодые люди становятся основной движущей силой социальной активности: их переходный статус, ещё не скованный жёсткими социальными обязательствами, создаёт уникальную свободу для инициативы и преобразований.

Понятие «социальная активность» является междисциплинарным и разрабатывается в социологии, психологии и педагогике. В.З. Коган определял социальную активность как «сознательную и целенаправленную деятельность личности и её целостные социально-психологические качества, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности» [2]. Данное определение подчёркивает неразрывную связь между внутренними качествами личности и её внешней деятельностью: активность не может быть сведена ни к одним лишь внутренним побуждениям, ни к чисто внешним действиям – она представляет собой их синтез.

Структура социальной активности многокомпонентна. Согласно подходу Р.М. Шамионова, она включает [5, с. 384]:

- 1) мотивационно-ценностный компонент (побуждения, интересы, ценностные ориентации);
- 2) когнитивный (знания о социальной действительности и способах решения проблем);
- 3) деятельность-практический (реальные действия по преобразованию среды);
- 4) рефлексивный (осмысление собственной деятельности и её результатов).

Все они тесно взаимосвязаны, и именно их совокупное развитие обеспечивает формирование устойчивой социальной активности.

Как подчёркивает Р.М. Шамионов, социальная активность личности не является врождённым качеством, а выступает результатом социализации, присвоения социального опыта. Она формируется в деятельности и через деятельность, представляя собой высшую форму активности [5, с. 379]. Этот тезис имеет прямое отношение к молодёжи: поскольку социализация в молодёжном возрасте ещё не завершена, молодые люди находятся в активной фазе формирования социальных компетенций. Участие в общественно значимой деятельности становится для них одновременно и проявлением уже сформированной активности, и механизмом её дальнейшего развития. Возникает своеобразная «петля обратной связи»: чем больше молодой человек вовлекается в социальную активность, тем выше становится его социальная компетентность, а чем выше компетентность, тем более сложные и масштабные формы активности он способен реализовать.

Таким образом, социальная активность молодёжи не является случайным или сугубо ситуативным явлением. Она имеет глубокие объективные корни в возрастных, социальных и психологических характеристиках этой группы. Транзитивность, высокая мобильность, формирующаяся ценностная система, инновационный потенциал и потребность в самореализации создают благоприятную почву для проявления инициативы. Промежуточный социальный статус и размывание формальных критериев взрослости превращают социальную активность в альтернативный канал подтверждения собственной состоятельности и значимости. Переходный социальный статус и дефицит ресурсов делают участие в социальных проектах важным инструментом социализации и приобретения недостающих компетенций. Особый «резервный» характер молодёжи, отмеченный К. Манхеймом, объясняет, почему именно эта группа становится движущей силой общественных преобразований. Незавершённость социализации делает молодёжь той группой, которая не просто способна, но и объективно нуждается в проявлении социальной активности как в условии полноценного личностного развития. Понимание этих предпосылок необходимо для выстраивания эффективной системы поддержки молодёжных инициатив и создания условий, в которых социальный потенциал молодого поколения может быть реализован в полной мере.

Библиографический список

1. Загребин, В. В. Подходы к определению категории «Молодёжь» / В. В. Загребин. – Текст : электронный // Концепт. – 2014. – № 2. – С. 1-6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-kategorii-molodyozh> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Коган, В. З. Общественная активность личности как социально-психологическая проблема : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата психологических наук / В. З. Коган. – Москва, 1970. – 22 с. – Текст : непосредственный.
3. Курышева, О. В. Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы / О. В. Курышева. – Текст : электронный // Logos et Praxis. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-harakteristika-molodezhi-kak-vozrastnoy-gruppy> (дата обращения: 20.05.2026).
4. Лисовский, В. Т. Социология молодежи / В. Т. Лисовский. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – 460 с. – Текст : непосредственный.
5. Шамионов, Р. М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы / Р. М. Шамионов. – Текст : электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2018. – № 4. – С. 379-394. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-lichnosti-i-gruppy-opredelenie-struktura-i-mehanizmy> (дата обращения: 20.05.2026).

© Н. В. Григорьева, С. А. Столярова, 2026

УДК 316.647.5

К. А. Дукачева, И. Г. Синьковская
**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ Г. КРАСНОЯРСКА О
БУЛЛИНГЕ В ШКОЛЕ**

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация, г. Красноярск

В статье представлены результаты эмпирического исследования представлений старшеклассников г. Красноярска о проблеме школьного буллинга. На основе анализа теоретических подходов и данных анкетного опроса 111 учащихся 8-11 классов выявлены ключевые особенности восприятия насилия в подростковой среде: фрагментарность распознавания скрытых форм агрессии, доминирование пассивных стратегий реагирования и критически низкая информированность о ресурсах поддержки, особенно о роли социального работника. Особое внимание уделено региональной специфике и практическим рекомендациям для совершенствования профилактической работы в образовательных организациях.

Ключевые слова: буллинг, школьная среда, старшеклассники, социальная работа, профилактика, кибербуллинг, межведомственное взаимодействие, Красноярск.

К. А. Dukacheva, I. G. Sinkovskaya
**HIGH SCHOOL STUDENTS' PERCEPTIONS OF SCHOOL
BULLYING IN KRASNOYARSK**

Siberian State University of Science and Technology named after
Academician M.F. Reshetnev
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article presents the results of an empirical study on high school students' perceptions of school bullying in Krasnoyarsk. Based on the analysis of theoretical approaches and survey data from 111 students in grades 8-11, key features of adolescents' perception of violence in the school environment were identified: fragmented recognition of hidden forms of aggression, the predominance of passive response strategies, and critically low awareness of support resources, particularly regarding the role of the social worker. Special attention is given to regional specifics and practical recommendations for improving preventive work in educational institutions.

Keywords: bullying, school environment, high school students, social work, prevention, cyberbullying, interagency cooperation, Krasnoyarsk.

Изучение проблемы школьного насилия берет свое начало в работах норвежского психолога Д. Олвеуса, который в 1970-х годах впервые научно описал феномен буллинга как преднамеренное, систематически повторяющееся агрессивное поведение, характеризующееся дисбалансом власти [7]. В отличие от конфликта, где стороны относительно равны и способны к диалогу, в ситуации

буллинга жертва лишена возможности защититься, что делает насилие особенно травматичным [4, с. 27].

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся высокой распространённостью буллинга в российских школах. По данным Общероссийского народного фронта (2023), с травлей в той или иной форме сталкивались 32 % школьников, однако лишь 12 % из них обращались за помощью к взрослым [3]. Особую тревогу вызывает трансформация форм насилия: наряду с традиционными вербальными и физическими проявлениями всё большее распространение получает кибербуллинг – агрессия в цифровом пространстве, не имеющая временных и пространственных границ [8].

Теоретический анализ проблемы позволяет выделить несколько ключевых подходов. Поведенческий подход, разработанный Д. Олвеусом, акцентирует внимание на систематичности и асимметричности отношений в ситуации буллинга. Социально-психологический подход (Г.Г. Москальчук, Н.В. Кузнецова) рассматривает насилие как продукт групповой динамики и нормализации девиантного поведения в подростковой среде [4, 6]. Концепция социального конструирования насилия подчёркивает, что эффективность профилактики определяется не формальными инструкциями, а соответствием реальным представлениям и ожиданиям целевой группы.

Особое значение имеет возрастная специфика: в старшем школьном звене доминируют скрытые формы агрессии – вербальная (оскорбления, прозвища), реляционная (социальное исключение, игнорирование) и цифровая (кибербуллинг), тогда как физическая агрессия встречается значительно реже [6, с. 117]. Как отмечает Центр безопасного интернета в России (2024), кибербуллинг часто дополняет традиционные формы насилия, усиливая чувство безысходности у жертв [8].

Эмпирическое исследование «Представления старшеклассников г. Красноярска о буллинге в школе» было проведено методом анкетного опроса в онлайн-формате (платформа Яндекс.Формы) среди 111 учащихся 8–11 классов пяти общеобразовательных школ г. Красноярска. Выборка формировалась с учётом географического разнообразия (Ленинский, Советский, Октябрьский и Центральный районы) и гендерного состава (57,7 % девушек, 42,3 % юношей), что соответствует структуре старшего звена в регионе.

Анализ данных позволил получить следующие результаты.

Личный опыт столкновения с буллингом. Прямой опыт насилия имели 45,0 % респондентов, из них 25,2 % – неоднократно. Ещё 65,8 % наблюдали буллинг по отношению к другим, что подтверждает роль свидетеля как массового участника процесса. Однако обращение за помощью зафиксировано лишь у 30,0 % пострадавших. Эти данные согласуются с общероссийскими показателями и указывают на наличие психологических, а не технических барьеров к обращению.

Формы агрессии. Среди пострадавших доминируют скрытые формы насилия: вербальные оскорбления и прозвища – 76,0 %, социальное исключение (в т.ч. в чатах) – 64,0 %, кибербуллинг – 50,0 %, физическая агрессия – лишь 14,0 %.

Это подтверждает тезис о возрастной трансформации буллинга: у старшеклассников насилие уходит в социально-психологическую и цифровую сферы, где оно труднее диагностируется взрослыми без специальной подготовки [4, с. 53].

Поведенческие стратегии. Наиболее частая стратегия реагирования – молчание (63,1 %), за которым следуют обращение к друзьям (48,6 %) и родителям (42,3 %). Обращение к официальным фигурам значительно ниже: школьный психолог – 25,2 %, классный руководитель – 18,0 %, социальный работник – 9,0 %. Качественный анализ открытых ответов выявил три ключевые причины отказа от обращения: недоверие к результату («Учителя всё равно ничего не сделают»), страх усугубления ситуации («Будет хуже, если узнают») и чувство стыда («Сам(а) виноват(а)»).

Информированность о ресурсах поддержки. Социальный работник упомянут лишь в 8,1 % анкет, причём в большинстве случаев – неопределённо («специалист по помощи») или с сомнением («Соцработник? А это кто?»). Для сравнения: о школьном психологе знают 72,1 % респондентов, о классном руководителе – 60,4 %. Этот факт подчёркивает диссонанс между закреплённой в Концепции профилактики буллинга на 2023–2027 гг. ролью социального работника как ключевого субъекта профилактики [1] и его «невидимостью» в субъективном восприятии подростков.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Представления старшеклассников о буллинге носят фрагментарный характер: подавляющее большинство (87 %) корректно распознают грубые формы насилия (оскорбления, драки), но лишь 54 % признают буллингом намеренное игнорирование в чате – одну из самых распространённых форм у старшеклассников.

2. Низкая обращаемость за помощью обусловлена не отсутствием осознания проблемы, а психологическими барьерами: недоверием к институциональным механизмам, страхом вторичной травматизации и нормализацией насилия («это просто шутки»).

3. Критически низкий уровень информированности о социальном работнике (8,1 %) свидетельствует о необходимости повышения видимости данной профессии через неформальные форматы взаимодействия с учащимися.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных для совершенствования профилактической работы в школах. Рекомендации включают: внедрение анонимных каналов обратной связи (онлайн-формы, ящики доверия); проведение просветительских кампаний с акцентом на реляционный и кибербуллинг; вовлечение старшеклассников в программы «активного свидетеля» (bystander intervention); активизацию работы социального работника через неформальные встречи и участие в школьных мероприятиях.

Только комплексный, возрастно-адекватный и доверительный подход, учитывающий реальные представления подростков, способен превратить профилактику буллинга из формальной процедуры в эффективный инструмент создания безопасной образовательной среды.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1, ст. 10.
2. Бутенко, В. Н., Сидоренко, О. А. Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей «Обидчиков» и «Жертв» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2015. – № 1. – С. 132–140.
3. ВЦИОМ. Травля в школе: масштаб проблемы и пути решения : аналитический обзор. – 18.09.2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-shkole-masshtab-problemy-i-puti-reshenija>
4. Москальчук, Г. Г. Буллинг в школе: диагностика, профилактика, коррекция. – М. : ВЛАДОС, 2021. – 192 с.
5. Общероссийский народный фронт. Юристы, психиатры, педагоги и представители НКО на площадке ОНФ обсудили школьную травлю и механизмы её профилактики : пресс-релиз. – 15.12.2020. – URL: <https://onf.ru/news/archive/2020-12-15-yuristy-psihiatry-pedagogi-i-predstaviteli-nko-na-ploshchadke-onf-obsudili-shkolnuyu>
6. Кузнецова, Н. В. Особенности проявления буллинга в старшем школьном возрасте: региональный аспект // Социальная педагогика. – 2024. – № 3. – С. 114–120.
7. Олвеус, Д. Буллинг в школе: что можно и нужно делать / Д. Олвеус ; пер. с англ. – М. : Когито-Центр, 2021. – 256 с.
8. Центр безопасного интернета в России. Опасный кибербуллинг : инфографика. – 2024. – URL: <https://safe-surf.ru/upload/infographika/cyberbullying.png>
9. ADPASS. Кибербуллинг среди подростков и детей в России. – 2025. – URL: <https://adpass.ru/kiberbullying-sredi-podrostkov-i-detej-v-rossii/>

© К. А. Дукачева, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 364.44

А. С. Евтушенко, И. Г. Синьковская
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ МОЛОДЕЖНОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева
Российская Федерация, г. Красноярск

В статье изучено представление студенческой молодежи о социально-ориентированном молодежном предпринимательстве. Также выявлены установки молодежи на участие в социальном предпринимательстве, уровень доступности информации о таких возможностях и отношение к ним.

Ключевые слова: молодежь, студенты, социальное предпринимательство, социально-ориентированный бизнес, предпринимательские инициативы.

A. S. Evtushenko, I. G. Sinkovskaya
**AWARENESS OF THE YOUTH OF THE CITY OF KRASNOYARSK
ABOUT SOCIAL SUPPORT MEASURES FOR FAMILIES WITH
CHILDREN IN THE KRASNOYARSK TERRITORY**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Russian Federation

The article examines the perception of student youth about social-oriented youth entrepreneurship. The attitudes of young people towards participating in social entrepreneurship, the level of accessibility of information about such opportunities, and their attitude towards them were also revealed.

Keywords: youth, students, social entrepreneurship, socially-oriented business, entrepreneurial initiatives.

В современных социально-экономических условиях предпринимательство становится не только инструментом экономического развития, но и важным фактором решения социальных проблем. Одним из ключевых направлений, набирающих популярность, является социально ориентированное предпринимательство, которое сочетает коммерческую деятельность с миссией по улучшению общества.

Особенно значимую роль в развитии этого направления играет молодежь, поскольку она открыта к новым идеям, обладает высокой мотивацией и стремлением к позитивным изменениям.

Общество сталкивается с множеством социальных проблем, требующих новых подходов и решений. В этом контексте социально ориентированное молодежное предпринимательство приобретает особую актуальность, так как сочетает в себе бизнес-методы и стремление к позитивным изменениям в обществе.

Молодые предприниматели не только создают экономически устойчивые

проекты, но и решают значимые социальные вопросы, такие как экология, образование, поддержка уязвимых групп населения.

Молодежное социальное предпринимательство получает на сегодняшний день все большее распространение как метод вовлечения молодых людей в решение социальных проблем.

Студенческая молодежь играет ключевую роль в развитии этого направления, так как обладает высокой мотивацией, креативностью и готовностью к экспериментам. Однако на пути развития социального предпринимательства существуют определенные барьеры, включая нехватку финансовых ресурсов, недостаток знаний и опыта, а также низкую осведомленность о возможностях данной сферы.

Проведенное исследование среди 59 студентов г. Красноярска позволило выявить ключевые тенденции в восприятии социального предпринимательства. Результаты показали, что большинство респондентов (59,3%) знакомы с термином поверхностно, но не могут четко его объяснить. Лишь 16,9% хорошо понимают суть этого направления, а 23,7% вообще не слышали о нем. При этом 84,7% студентов правильно определяют социальное предпринимательство как деятельность, сочетающую коммерческие методы с социальными целями, что свидетельствует о наличии базового понимания его двойственной природы.

Отношение к социальному предпринимательству как к карьерной перспективе оказалось неоднозначным. Только 3,4% респондентов готовы связать с ним свою профессиональную жизнь, тогда как 37,3% исключают такую возможность. Значительная часть опрошенных (30,5%) рассматривает это направление как один из вариантов, но их интерес требует дополнительной поддержки и мотивации.

Среди личностных качеств, необходимых для социального предпринимателя, студенты выделили ответственность (84,7%) и активную жизненную позицию (79,7%). Интересно, что эмпатия, традиционно считающаяся ключевой для этой сферы, заняла лишь пятое место (49,2%), что может указывать на восприятие социального предпринимательства скорее как бизнес-деятельности, чем как благотворительности.

Основными барьерами для начала предпринимательской деятельности студенты назвали нехватку финансовых ресурсов (93,2%), дефицит сетевых связей (54,2%) и недостаток информации (40,7%). Эти результаты подчеркивают необходимость комплексной поддержки, включающей финансовые механизмы, образовательные программы и наставничество.

Отношение к предпринимательству в целом оказалось более позитивным (64,4% положительных оценок), чем к социальному предпринимательству (49,2%). Это может быть связано с меньшей информированностью о последнем или с устойчивыми стереотипами о его «некоммерческом» характере.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости системной работы по популяризации социального предпринимательства среди студенческой молодежи. Важными направлениями такой работы должны стать: внедрение специализированных образовательных модулей, создание платформ для обмена

опытом, развитие финансовых инструментов поддержки стартапов и формирование позитивного имиджа социального предпринимательства.

Таким образом, исследование выявило значительный интерес студенческой молодежи к социальному предпринимательству, который пока не подкреплен достаточными знаниями и ресурсами. Преодоление этих барьеров станет ключевым фактором развития социально-ориентированного предпринимательства в молодежной среде.

Особое внимание следует уделить практико-ориентированному обучению, основанному на реальных кейсах, и созданию условий для реализации студенческих инициатив. Только комплексный подход позволит раскрыть потенциал молодежи в этой сфере и способствовать решению актуальных социальных проблем через предпринимательскую деятельность.

Что же может помочь преодолеть этот барьер? Опыт показывает, что наиболее эффективными оказываются:

- включение основ социального предпринимательства в учебные программы;
- создание студенческих бизнес-инкубаторов социальной направленности;
- организация встреч с действующими социальными предпринимателями;
- развитие системы грантовой поддержки студенческих инициатив.

Важно понимать, что современные студенты – это поколение, для которого ценность самореализации часто стоит наравне с материальным благополучием. Социальное предпринимательство как раз и предлагает эту возможность – делать доброе дело, не отказываясь от профессионального успеха и финансовой стабильности. Но чтобы этот потенциал раскрылся в полной мере, необходима системная работа по созданию благоприятной среды для молодежных социальных инициатив.

Сегодня мы стоим на пороге важных изменений в экономике и обществе. Социальное предпринимательство может стать тем мостом, который соединит деловую активность с решением насущных социальных проблем. И от того, насколько сегодняшние студенты ощутят себя частью этого движения, во многом зависит будущее нашей страны.

Библиографический список

1. Алиев, Д. Ф. Молодежное предпринимательство в России: современные тенденции / Д. Ф. Алиев. – Текст : непосредственный // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 5. – С. 322-338.
2. Андрюшина, Е. В. Социальное предпринимательство как инструмент решения молодежных проблем / Е. В. Андрюшина. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2024. – № 3. – С. 105-111.
3. Антонова, Н. В. Формирование предпринимательских компетенций у студенческой молодежи / Н. В. Антонова. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2022. – № 8. – С. 89-102.
4. Галеева, С. Ф. Социально-ориентированное предпринимательство: мировой опыт и российская практика / С. Ф. Галеева. – Москва : Инфра-М, 2023.

– 168 с.

5. Дроздова, О. Ю. Молодежное социальное предпринимательство: образовательные аспекты / О. Ю. Дроздова. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2023. – № 4. – С. 63-70.

6. Иванова, И. В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в сфере предпринимательства / И. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Социология образования. – 2022. – № 2. – С. 6-17.

7. Летова, Н. В. Государственная поддержка молодежного предпринимательства / Н. В. Летова. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 2. – С. 147-160.

8. Плешакова, И. Н. Развитие социального предпринимательства в регионах России / И. Н. Плешакова. – Текст : непосредственный // Региональная экономика. – 2024. – № 2. – С. 53-67.

9. Шовдра, Д. И. Социальное предпринимательство: теория и практика / Д. И. Шовдра. – Санкт-Петербург : Питер, 2023. – 224 с.

10. Молодежное предпринимательство в России: аналитический отчет. – Москва : НИУ ВШЭ, 2024. – 98 с. – URL: <https://www.hse.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

© А. С. Евтушенко, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 616-036.17

А. Е. Захарова

Научный руководитель - Ю. Ю. Шурыгина

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ХОСПИСНОЙ ПОМОЩИ

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

Данная статья посвящена сравнительному анализу отношения студенческой молодежи и населения в целом к технологии хосписа и паллиативной помощи.

Ключевые слова: хоспис, паллиативная помощь, студенческая молодежь, отношение к смерти, ВЦИОМ.

A. E. Zakharova

Scientific supervisor - Yu. Yu. Shurygina

ATTITUDE OF STUDENTS TO HOSPICE CARE TECHNOLOGY

East Siberian State University of Technology and Management

Russian Federation, Ulan-Ude

This article is devoted to a comparative analysis of the attitude of students and the general population to the technology of hospice and palliative care.

Keywords: hospice, palliative care, students, attitude to death, VTSIOM.

При изучении дисциплины «Основы социально-медицинской этики» мы рассматривали исследование ВЦИОМ на тему «Отношение населения к хосписам и паллиативной помощи», которое было проведено в октябре 2022 г. В связи с актуальностью темы отношения населения к хосписам было принято решение провести подобное анкетирование студентов ВСГУТУ и сравнить изученные данные. Сравнительный анализ отношения студенческой молодежи и населения в целом к хосписам и паллиативной помощи представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет выявить специфику восприятия хосписа как пространства жизни, а не места смерти, в разных возрастных и социальных группах.

Хоспис – это многопрофильная программа, предусматривающая систему помощи тяжело больным людям в последние месяцы их жизни [1, с.104].

Паллиативная помощь – это комплекс мероприятий, направленных на облегчение боли и других тяжелых симптомов у людей с неизлечимыми заболеваниями [2].

Эмпирическую базу настоящего исследования составили результаты анкетирования, проведенного среди студентов Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. В опросе приняли участие 50 человек. Выборка характеризуется следующими параметрами: гендерный состав представлен 60% мужчин (30 человек) и 40% женщин (20 человек). Возрастной

диапазон респондентов - от 16 до 23 лет, при этом ядро выборки составили студенты 16-20 лет (82%). Специальности респондентов распределились следующим образом: «Защита в чрезвычайных ситуациях» (32%), «Сетевое и системное администрирование» (30%), «Международные отношения» (28%) и «Техносферная безопасность» (16%). Анкета включала как закрытые, так и полужакрытые вопросы, направленные на выявление уровня информированности, личного опыта, страхов и ценностных установок в отношении хосписов.

Для корректного сравнения из общего массива данных ВЦИОМ были отобраны наиболее показательные варианты ответов, характеризующие общественное мнение.

Согласно данным ВЦИОМ, более 60% населения России считают хосписы необходимыми для общества. В студенческой среде ВСГУТУ суммарный показатель поддержки (варианты «безусловно необходимы» и «скорее необходимы») составил 62%. Этот результат практически идентичен общероссийским данным, что свидетельствует о сформированном запросе на технологию хосписа даже у молодых людей, не имеющих личного опыта столкновения с терминальными состояниями [3].

ВЦИОМ фиксирует критически низкий уровень по существующим вопросам информированности о понятиях паллиативной помощи и хосписа: 69% респондентов не слышали о паллиативной помощи и хосписах или не знают значения этих понятий, и только 25% хорошо знакомы с этими понятиями. В студенческой выборке 54% заявили, что никогда не слышали о хосписах, а 36% обладают какой-либо информацией. Оба исследования подтверждают: проблема неосведомленности населения в вопросах паллиативной помощи и хосписа носит системный характер в России [3].

ВЦИОМ сообщает, что 72% опрошенных не знают, куда следует обращаться в случае необходимости получения паллиативной помощи и хосписа. В студенческом исследовании этот показатель еще выше - 94% студентов не знают о местонахождении хосписа в Улан-Удэ и это объективно обусловлено его фактическим отсутствием [3]. Судя по всему, этим 94% респондентов известно, что в городе Улан-Удэ работают только центр паллиативной помощи «Добромед».

ВЦИОМ приводит крайне негативную оценку того, что 76% респондентов оценили качество паллиативной помощи в России как низкое. Наше исследование не задавало прямого вопроса о качестве, однако 58% студентов высказались за домашний уход как предпочтительное место последних дней жизни, что может косвенно свидетельствовать о недоверии к системе специализированной помощи [3].

Следует отметить, что ряд вопросов в составленной нами анкете не имеет прямых аналогов в исследовании ВЦИОМ, что позволяет представить уникальные данные о восприятии хосписов студенческой молодежью.

В данном исследовании наиболее высокие баллы по вопросу о том, что вызывает наибольший страх у людей в ситуации тяжелой болезни набрали: «страх перед смертью» (56%), «одиночество близкого» (50%) и «боль» (44%). ВЦИОМ фиксировал страх потери контроля (49%), что в нашем опросе (при косвенном

измерении через пункт «потеря человеческого достоинства») составило 24%. Таким образом, мы можем утверждать, что для молодежи ключевыми экзистенциальными страхами являются сам факт смерти и эмоциональное страдание родных, а не процессуальные аспекты умирания.

58% студентов выбрали домашний уход, как предпочтительное место, где нужно проводить последние дни жизни, а 32% - специализированный уход и помощь. ВЦИОМ не задавал этого вопроса, что делает этот результат оригинальным вкладом представленного исследования. Высокая доля сторонников домашнего ухода может интерпретироваться как идеализация семьи и одновременно как недоверие к системе паллиативной помощи и хосписа.

В вопросе о том, что по мнению студентов является важным в работе хосписа - 56% студентов выбрали вариант «все вышеперечисленное» (доступность обезболивающих, профессиональный уход, психологическая поддержка, комфортные условия). Это свидетельствует о системном, целостном понимании студентами задач паллиативной помощи и хосписа - результат, который не был зафиксирован в опросе ВЦИОМ.

Население России (по данным ВЦИОМ) и студенческая молодежь ВСГУТУ демонстрируют сходство в базовой поддержке института хосписов и паллиативной помощи, что говорит о принятии этой идеи как морально и социально оправданной. Однако оба исследования фиксируют критически низкий уровень информированности, незнание маршрутизации помощи или ее отсутствие в городе, пессимистическую оценку ее доступности. Ответы студентов, отражает те же проблемы, что и все население России в целом: информационный вакуум и идеализацию домашнего ухода. При этом студенты демонстрируют зрелое системное понимание задач хосписа, что является важным ресурсом для просветительской работы.

Библиографический список

1. Шурыгина, Ю. Ю. Социально-медицинская этика: учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2016. 168 с.
2. Palliative care [Электронный ресурс] / World Health Organization. - Geneva, 2002. - URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/palliative-care> (дата обращения: 15.04.2026).
3. ВЦИОМ: более 60% россиян не информированы о паллиативной медпомощи [Электронный ресурс] // Тверской хоспис «Анастасия»: сайт. - URL: <https://hospicetver.ru/page18296412.html> (дата обращения: 15.04.2026).

© А. Е. Захарова, 2026

УДК: 65.015

С. А. Завьялов, О. В. Логунова

**МНОГОДЕТНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА**

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологии
имени академика М. Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Российская Федерация

Актуальность обусловлена возрастающей ролью молодого поколения в определении будущих демографических тенденций. Многодетная семья должна рассматриваться в общем контексте формирования и реализации государственной социальной политики, поскольку ее проблемы являются частью проблем современного российского общества.

Ключевые слова: многодетная семья, государственная семейная политика, ценности семьи, студенческая молодежь.

S. A. Zavyalov, O. V. Logunova

**LARGE FAMILIES AS A STRATEGIC DIRECTION OF THE STATE'S
SOCIAL POLICY**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Russian Federation

This topic is relevant due to the growing role of the younger generation in determining future demographic trends. Large families should be considered in the overall context of the formation and implementation of state social policy, as their problems are part of the problems of modern Russian society.

Keywords: large families, state family policy, family values, student youth.

Из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина: «Преодолеть сложнейшие демографические вызовы, с которыми мы столкнулись, невозможно только с помощью денег, социальных выплат, пособий, льгот, отдельных программ. Гораздо важнее жизненные ориентиры человека. В основе семьи, в рождении ребёнка лежат любовь, доверие, прочная нравственная опора. Мы ни в коем случае и никогда не должны об этом забывать. У многих наших народов, слава богу, сохраняется традиция крепкой, многопоколенной семьи, где воспитываются четверо, пятеро и больше детей. Давайте эти замечательные традиции сберечь и возродить. Многодетность, большая семья должны стать нормой, образом жизни для всех народов России. А семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, источник нравственности. Поддержка семьи, материнства, детства должна охватывать работу всех без исключения сфер государственного управления, нашу экономическую, социальную, инфраструктурную политику, просвещение и образование, здравоохранение, конечно. Деятельность всех общественных

объединений, наших традиционных религий тоже необходима именно для укрепления семьи. Сбережение и приумножение народа России – наша задача на предстоящие десятилетия, и сразу скажу больше: на поколения вперед. Это будущее Русского мира, тысячелетней, вечной России» [1].

Совокупность демографических, социальных и ценностных факторов придаёт многодетной семье статус стратегического приоритета государственной политики России. Данный статус реализуется через разветвлённую систему мер социальной поддержки, социального сопровождения при участии сети учреждений социального обслуживания, реализующих традиционные и инновационные технологии, общественных институтов, социального бизнеса, средств массовой информации. Государство последовательно усиливает поддержку данной категории: принят Указ Президента Российской Федерации от 23 января 2024 года № 63, закрепивший единый бессрочный статус многодетной семьи, запущен национальный проект «Семья», на федеральном и региональном уровнях расширен перечень пособий, льгот и социальных гарантий, пособий, в т.ч. материнский капитал, адресная помощь на развитие личного хозяйства, ипотечные каникулы для семьи, звание «Мать-героиня», орден «Родительская слава», всероссийские конкурсы «Многодетная семья России», развитие служб ранней помощи и др. Всё это свидетельствует о том, что многодетная семья из объекта ситуативной помощи превращается в стратегический приоритет государственной политики.

В своих выступлениях на разных площадках Президент РФ В.В. Путин часто обращается к присутствующим с призывами по сохранению семьи. В начале статьи была приведена выдержка из одного выступления. Дополним эту мысль ещё высказываниями. Обращаясь в своем приветственном слове, В.В. Путин к участникам всероссийской конференции «Демографический перелом в России: пути достижения» отметил, что приоритетной общенациональной задачей в настоящее время выступает совершенствование демографической политики, поддержка рождаемости и многодетности, обеспечение достойного качества жизни российских семей. Президент подчеркнул: важно воспитывать подрастающее поколение в духе ценностей многодетной, многопоколенной и дружной семьи, заботы о детях и старших родственниках. Чем больше семей живут в гармонии и согласии, тем гуманнее и сильнее наше общество, тем увереннее будущее Отечества [2]

Выступая на пленарной сессии Всемирного русского народного собора, Президент назвал сбережение и приумножение народа нашей страны задачей будущих поколений. Нравственная составляющая, возрождение традиций многодетности, формирование в обществе положительного образа большой семьи выступают основным способом решения поставленной задачи [1].

И. Щеголев, полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе, также подчеркивает, что перелома в вопросе демографии не добиться только мерами государственной поддержки и социальными пособиями. Каждая российская семья должна чувствовать заботу и уверенность в завтрашнем дне [3].

Из приведенных формулировок четко следует тот факт, что сохранение,

развитие и популяризация семьи как социального института, в т.ч. многодетной не только задача социального государства. Это еще и ценность, которую должно в себе воспитывать и поддерживать современное общество. Особенно это касается представителей современного молодого поколения, обладающих высоким уровнем образования и интеллектуальной активностью, поскольку в ближайшие годы им принимать ключевые решения о создании семьи и количестве в них детей.

Государственная политика в отношении многодетности играет одну из ключевых ролей в формировании репродуктивных установок молодёжи. Она выступает не только как система материальной помощи, но и как мощный социальный сигнал, который демонстрирует приоритеты государства и общества в целом. Современная политика ориентирована на создание условий, при которых многодетная семья становится не только возможной, но и экономически приемлемой моделью жизни.

Сравнивая результаты социологических исследований, проведенных ВЦИОМ по оценке отношения россиян к многодетности, видно что с 2014 года заметно сократилась доля тех, кто считает достаточным рождение одного ребенка (2014 год – 10 %, 2024 год – 3 %); в российском обществе в последние годы наблюдается сдвиг в сторону увеличения ориентации на многодетность. В 2014 году троих и более детей называли в качестве ориентира 34 % опрошенных, в 2024 году – 48 %. Однако модель многодетной семьи в большей степени присуща россиянам среднего и старшего возрастов. По мнению социологов, поколение зумеров выбивается из общего «тренда» (39% vs. 65-73 % в предшествующих поколениях). Впрочем, это может быть обусловлено и особенностями жизни молодых людей 18-23-го возраста, которые ещё не задумываются о своём семейном будущем даже на ближайшие 3-4 года, и взгляды, оценки и намерения которых имеют определяющее значение для государственной демографической политики [4, 5].

Согласно другому исследованию ВЦИОМ, среди российской молодежи наблюдается рост позитивного отношения к многодетным семьям. В возрастной группе 18-24 лет увеличилось как желаемое число детей (с 2,1 до 3,1), так и ожидаемое (с 1,9 до 2,4) [6]. Согласно материалу центра, за последние 20 лет репродуктивные идеалы россиян стали более «многодетными» – в 2005 году среднее ожидаемое число детей составляло 1,9, в этом году – 2,4. Желаемое число детей увеличилось с 2,4 до 3,2 [7].

Особого внимания заслуживает студенческая молодёжь и их мнение. Студенты представляют собой специфическую подгруппу, которая сочетает высокий уровень образования и интеллектуальной активности с минимальным жизненным и родительским опытом, в тоже время они полностью или частично финансово несамостоятельны. Репродуктивные установки студенческой молодежи во многом формируются под влиянием теоретических представлений, идеалов и страхов, а не реальной практики родительства. Именно поэтому изучение отношения студентов к вступлению в брак/созданию своей семьи/многодетности позволяет выявить не только общие тенденции, но и те субъективные барьеры,

которые особенно сильно проявляются у образованной молодёжи с ещё неустоявшимся социальным и материальным статусом.

На отношение молодёжи к многодетности и их репродуктивные установки влияет целый комплекс взаимосвязанных факторов, которые можно разделить по основаниям на экономические, карьерные, социальные, культурно-идеологические, психологические и педагогические. Сочетание этих факторов определяет, насколько семья с детьми/многодетная семья воспринимается молодыми людьми как желаемая и реалистичная модель будущего.

В исследовании приняла участие группа студентов Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва в возрасте от 18 до 25 лет, целью которого было выявление отношения студенческой молодёжи города Красноярска к многодетности, включающее ценностные установки, практические репродуктивные планы, оценку гибкой (поэтапной) модели формирования семьи, а также восприятие влияния государственной поддержки и пропаганды многодетности на свой счет.

Методика исследования включала распространение ссылки на онлайн-анкету через студенческие чаты, группы в социальных сетях и личные сообщения. Анонимность участия и добровольный характер опроса способствовали достаточно высокой искренности ответов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что практические намерения студентов существенно скромнее, чем их ценностные оценки. Большинство молодых людей ориентируются на малодетную семью как на наиболее реалистичный сценарий своей жизни.

Полученные результаты показывают, что студенческая молодёжь в целом лояльна к идее многодетности, но реализует её крайне осторожно, предпочитая постепенный и продуманный подход. Это открывает перспективы для целенаправленной работы по снижению барьеров и формированию более уверенных практических намерений. Обобщая результаты проведённого анкетирования, можно констатировать, что отношение респондентов к многодетности носит противоречивый и неоднозначный характер. С одной стороны, ценностные установки демонстрируют умеренно позитивный фон: почти половина респондентов (45,2 %) признаёт многодетность важной социальной ценностью, а 25,8 % относятся к многодетным семьям положительно. С другой стороны, практические репродуктивные планы остаются довольно скромными – большинство студентов (61,3 %) в идеале и реально планируют иметь двух детей, а доля тех, кто видит себя в многодетной семье, крайне мала.

Одним из наиболее значимых результатов исследования стало подтверждение предпочтения студентами гибкой (поэтапной) модели формирования семьи. Почти 45 % респондентов выбрали вариант начинать с одного или двух детей и только позже, при благоприятных условиях, переходить к рождению последующего ребенка. Более половины (51,6 %) считают, что такой подход заметно облегчает создание большой семьи. Это говорит о рациональном и осторожном подходе молодёжи к репродуктивным решениям: студенты не отвергают многодетность полностью, но рассматривают её как возможный следующий этап жизненного цикла, а не как стартовую модель.

Второй важный вывод касается корреляции между ценностями и планами. Между ними существует слабая или средняя связь. Ценностные установки выглядят довольно позитивно: 25,8 % относятся к многодетным семьям положительно, а 45,2 % считают многодетность важной ценностью для общества. Однако в идеале 61,3 % хотят иметь двух детей, а реально планируют иметь двух детей только 61,3 %, при этом 35,5 % реально планируют только одного ребёнка. Количество тех, кто реально видит себя в многодетной семье падает практически до нуля. Разрыв между идеальными и реальными планами составляет 20-25 процентных пунктов, что говорит о слабо-средней корреляции между ценностями и практическими намерениями. Это подтверждает, что внешние факторы (пропаганда, меры поддержки) сильнее влияют на общие представления, чем на личные планы. Государственная семейная политика и современные информационные кампании на разных уровнях пока недостаточно эффективно преодолевают субъективные барьеры, например, неуверенность в родительской компетенции, страх потери работы/карьеры, экономическая неопределённость и др.

Результаты проведённого исследования позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций, направленных на повышение готовности студенческой молодёжи к многодетности и формирование более уверенных репродуктивных планов. Во-первых, учитывая подтверждённый интерес студентов к гибкой (поэтапной) модели семьи, рекомендуется разработать и внедрить в вузах специальные образовательные программы и консультационные проекты, которые помогают молодым людям планировать создание своей семьи, ориентированной как минимум на 2-3 детей. Во-вторых, необходимо включить в работу вузов элементы наставничества, разработать обучающие модули по семейной психологии, педагогике и планированию семьи. Положительный эффект может дать вовлечение выпускников вуза, ставших многодетными родителями, в качестве спикеров и наставников в информационные кампании. В-третьих, пропагандистские кампании должны быть переориентированы с общего позитивного образа многодетности на показ поэтапного и реалистичного пути её достижения. Молодому поколению важно видеть не только «идеальную большую семью», но и успешные истории постепенного перехода от малодетной к многодетной модели. С нашей точки зрения, включение предложенных рекомендаций в действующие информационно-рекламные кампании позволит снизить разрыв между ценностными установками и практическими планами молодёжи, особенно студенческой молодёжи, повысить их уверенность в собственных силах и, в конечном итоге, способствовать формированию более благоприятного отношения к многодетности.

Библиографические ссылки

- 1 Президент России : [официальный сайт]
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863>. – Текст : электронный.
- 2 Президент России : [официальный сайт]
<http://www.kremlin.ru/events/president/letters/79597>. – Текст : электронный.
- 3 Президент России : [официальный сайт]
<https://www.hse.ru/news/expertise/1152319263.html>. – Текст : электронный.

4 НИУ ВШЭ : [официальный сайт] <https://www.pnp.ru/social/vciom-rasskazal-ob-otnoshenii-rossiyan-k-mnogodetnosti.html>. – Текст : электронный.

5 ВЦИОМ : [официальный сайт]. – URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie>. – Текст : электронный.

6 Региональное информационное агентство КУЗБАСС : [официальный сайт]. – URL : <https://kuzbass.media/2025/05/14/98206.html>. – Текст : электронный.

7 Коммерсантъ: [официальный сайт]. – URL : <https://www.kommersant.ru/doc/7712895>. – Текст : электронный.

© С. А. Завьялов, О. В. Логунова, 2026

УДК 316.62

Д. А. Иванов, В. В. Богданов

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЭМПАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПСИХОЛОГА В СОВРЕМЕННОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ**

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева,
Российская Федерация, г. Красноярск

В статье рассматривается значимость использования эмоционального интеллекта и эмпатии в качестве инструментов работы с морфогенетическими полями в практике психологического консультирования. Авторы показывают, что эмоциональный интеллект может рассматриваться как психологический механизм взаимодействия человека с морфогенетическими полями (прием информации через эмпатию и интуицию, воздействие через эмоциональную регуляцию). Особое внимание уделяется системным расстановкам как терапевтической практике, наглядно демонстрирующей значимость эмоционального интеллекта и требующей у специалиста развития эмоционального интеллекта и эмпатии. Делается вывод, что ЭИ и эмпатия могут выступать не только как профессионально важные качества консультанта, но и как инструменты «настройки» на поле клиента.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмпатия, морфогенетическое поле, системные расстановки, психологическое консультирование.

D. A. Ivanov, V. V. Bogdanov

**EMOTIONAL INTELLIGENCE AND EMPATHY AS A PSYCHOLOGIST'S
TOOL IN MODERN COUNSELING**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk

The article discusses the importance of using emotional intelligence and empathy as tools for working with morphogenetic fields in the practice of psychological counseling. The authors show that emotional intelligence can be considered as a psychological mechanism of human interaction with morphogenetic fields (receiving information through empathy and intuition, influencing through emotional regulation). Particular attention is paid to systemic constellations as a therapeutic practice that clearly demonstrates the importance of emotional intelligence and requires the development of emotional intelligence and empathy in a specialist. It is concluded that EI and empathy can act not only as professionally important qualities of a consultant, but also as tools for «tuning» in the client's field.

Key words: emotional intelligence, empathy, morphogenetic field, systemic constellations, psychological counseling.

В современной психологии наблюдается значительный интерес к

личностным качествам терапевта, которые оказывают ключевое влияние на эффективность профессиональной деятельности психолога. Одним из важнейших таких качеств являются развитые эмпатия и эмоциональный интеллект (далее ЭИ). Эти личностные ресурсы тесно взаимосвязаны, они помогают специалисту воспринимать, понимать и регулировать эмоции как свои, так и других людей. Эффективное использование этих качеств значительно увеличивает вероятность успешного завершения терапевтического процесса [16, с. 5].

ЭИ прочно утвердился в современной психологии как важная компетенция, определяющая эффективность межличностного взаимодействия и профессиональной деятельности [13, с. 146]. Эмпатия позволяет психологу лучше воспринимать переживания и эмоции клиентов, что способствует установлению тесного контакта и созданию атмосферы доверия. Согласно современным данным, именно сочетание когнитивной и эмоциональной эмпатии обеспечивает наиболее точное понимание клиента без потери профессиональной объективности [9, с. 34]. Высокий уровень ЭИ помогает психологу не только осознавать и регулировать свои собственные эмоциональные реакции, но и эффективно распознавать и учитывать эмоциональное состояние клиента. Эти два качества оказывают взаимное влияние, повышая общую эффективность взаимодействия и работы психолога [4, с. 78].

Одновременно с этим, по нашему мнению, в групповых и индивидуальных психотерапевтических работах наблюдается достаточно бурное применение, условно новых методов терапии, таких как Системные расстановки, Терапия души, ВсеЛенская терапия и др. Ключевая особенность данных методов – использование в работе свойств морфических (морфогенетических) полей. Данные методы пока не включены в широкую научную дискуссию и подробное научное обоснование, хотя динамично развиваются и получили широкое практическое распространение. Концепция морфогенетического поля, введенная в научный оборот выдающимся русским биологом Александром Гавриловичем Гурвичем еще в 1910 – 1920-х годах, предлагает фундаментальное объяснение феноменов упорядоченности живых систем и их способности к самоорганизации [6, с. 5]. А.Г. Гурвич не только постулировал существование биологического поля, но и открыл его физический носитель – митогенетическое (биофотонное) излучение живых тканей [7, с. 12–15].

На первый взгляд, морфические поля и ЭИ относятся к разным сферам научного знания. Однако, как показывает практика, эмпатия и часть навыков эмоционального интеллекта, могут быть трактованы как психологический механизм, опосредующий взаимодействие человека с морфогенетическими полями – как на уровне приема информации из этих полей (через эмпатию и интуицию), так и на уровне активного воздействия на них (через эмоциональную регуляцию).

Цель данной статьи – показать значение ЭИ в качестве инструмента работы с морфогенетическими полями в практике психологического консультирования, опираясь на труды, посвященные изучению морфогенетических полей и их развитие в современных исследованиях.

Особый интерес для изучения и понимания механизмов взаимодействия ЭИ с полевыми свойствами представляют классические психологические теории, заложившие основы для изучения бессознательных процессов во взаимодействии со свойствами морфогенетических полей. Среди них – психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология К.Г. Юнга и теория поля К. Левина. Эти подходы, наряду с теорией морфогенетического поля, создают метафорическую многомерную модель для понимания того, как ЭИ может служить инструментом работы с коллективными и бессознательными аспектами психики.

В современной психологии существует несколько подходов описания ЭИ. Зарубежные исследователи Дж. Мэйер, П. Сэловей и Д. Карузо определяют ЭИ как способность к идентификации, использованию, пониманию и управлению эмоциями [28, с. 11]. Дополнив данную модель, Д. Гоулман расширил это понятие, включив в него социальные компетенции и личностные черты [5, с. 352]. В российской психологии ЭИ так же не остался без внимания. Так Д.В. Люсин предложил модель, согласно которой ЭИ представляет собой способность к пониманию и управлению эмоциями, как собственными, так и чужими [16, с. 264-278], а Е.А. Сергиенко с коллегами разработали тест ЭИ (ТЭИ), основанный на модели способностей [22, с. 45-61]. В статье Т.В. Корниловой и соавторов описано, что структура черт ЭИ включает четыре компонента: благополучие, социальность, эмоциональность и самоконтроль [12, с. 46–68]. Эти компоненты обеспечивают способность человека к эмоциональной саморегуляции и эффективному социальному взаимодействию. Более того, особое значение для процесса психологического консультирования имеет связь ЭИ с эмпатией [11, с. 57-68].

Различение эмоций связано с возможностями их выражения. С эволюционной точки зрения важно, чтобы люди имели возможность дифференцировать не только собственные эмоции, но и эмоции окружающих. Такие перцептивные способности обеспечивали успешную межличностную кооперацию. Овладение языком эмоций требует усвоения общепринятых в данной культуре форм их выражения, а также понимания индивидуальных проявлений эмоций у людей, с которыми человек живет и работает. Однако различать эмоции труднее, чем их выражать. Различение эмоций связано также с уровнем развития эмпатии [1, с. 83-84]. Согласно К. Роджерсу, эмпатический способ общения с другой личностью имеет несколько граней. Он подразумевает вхождение в личный мир другого и пребывание в нем «как дома», постоянную чувствительность к меняющимся переживаниям партнера по общению. Это похоже на ситуацию, когда человек как бы временно живет другой жизнью, деликатно пребывает в ней без оценивания и осуждения, воспринимая то, что другой едва осознает. Однако при этом отсутствуют попытки вскрыть неосознаваемые чувства, поскольку они могут оказаться травмирующими. Быть эмпатичным означает быть ответственным, активным, сильным и в то же время – тонким и чутким. Исследователи эмпатии отмечают ее зависимость от вспомогательных способностей, сходных с оценкой и выражением эмоций: умением понять точку зрения другого человека, точно идентифицировать эмоции других, испытывать те или иные соответствующие эмоции в ответ на эмоции других, общаться или действовать на основе этого внутреннего

опыта [1, с. 83-84].

В своей статье Пеньков А.М. и Поздняков В.М. обобщают выводы нескольких исследований по влиянию ЭИ и эмпатии на процесс психологического консультирования [18, с. 60-70]. Где они пишут, что у Н.Ю. Ярыгиной с соавторами подчеркивается, что обычно при подготовке психологов внимание уделяется развитию их интеллекта и знаниям. Развитие же личностных качеств, важных для консультирования, не является приоритетной задачей. Поэтому формирование необходимых личностных и профессиональных свойств у будущих психологов-консультантов в вузе является очевидной лакуной [27, с. 55-56]. Схожего мнения придерживается и М.В. Сизикова, которой установлено, что «для успешности психолога консультанта эмпатия важна не столько как личностное качество, а скорее, как процесс эмпатического отражения чувств клиента в ходе терапевтической работы, то есть как техника или инструмент работы с клиентом» [23, с. 31]. А.А. Панкратова и М.Е. Николаева установили, что с эффективностью психологического консультирования положительно коррелировали параметры эмоционального интеллекта и профессиональная самооэффективность консультанта [17, с. 21-37].

Так же в данной статье приводят пилотажное эмпирическое исследование влияния ЭИ и эмпатии в области семейного консультирования. Анализ данных проведенного ими эмпирического исследования показал, что существует положительная корреляция между удовлетворенностью консультированием со стороны клиентов и способностью психолога к контролю эмоций, управлению эмоциями клиентов, а также к проявлению эмпатии. На основе анализа можно сделать вывод, что эмпатия, ЭИ и контроль эмоциональных проявлений являются важными компетенциями для психологов-консультантов [18, с. 60-70].

Подытоживая, можно сделать вывод, что ЭИ и эмпатия является некими инструментами для осознания и более точной диагностики того, что происходит с клиентом, определения его состояния и выявления причины дискомфорта.

Рассмотрим каким образом ЭИ и эмпатия связаны с морфогенетическими полями. А.Г. Гурвич, выдающийся русский биолог и эмбриолог, в 1910-1920-х годах разработал теорию морфогенетического (биологического) поля. Затем в монографии 1944 г. «Теория биологического поля» [6] он предложил новую концепцию поля: ученый постулировал, что существует особое биологическое поле (конкретной природы которого он не касался), которое создает в живых организмах специфическую для них молекулярную упорядоченность в виде неравновесных структур молекулярного порядка (неравновесных молекулярных констелляций). Это поле анизотропно, непрерывно и преемственно и область его действия не ограничивается клеткой, а захватывает и межклеточное пространство.

А.Г. Гурвич полагал, что разумно считать источником поля хроматин ядра, оговариваясь, что поле присуще не хроматину как определенному химическому соединению, а лишь его неравновесным молекулярным констелляциям. Источником энергии для формирования поля, по мнению А.Г. Гурвича, служат экзотермические химические реакции. Судьба молекулярных констелляций может быть различной: они могут распасться или входящие в их состав молекулы могут

прореагировать друг с другом и образовать устойчивые комплексы – вестигии (от лат. *vestigium* – след). При достаточно частом повторении таких процессов образующиеся вестигии могут формировать микроскопически видимые структуры и играть, таким образом, важную роль в гистогенезе. [2, с. 177-178].

А.Г. Гурвич видел перспективы применения своей теории для понимания психических процессов. В главе «Поле мозга и высшая нервная деятельность» он писал: «Полевой подход может быть распространен и на анализ процессов, происходящих в центральной нервной системе» [6, с. 130-135]. Он предполагал, что координация работы различных отделов мозга может осуществляться не только через нервные связи, но и через полевые взаимодействия, а индивидуальные различия в «полевой чувствительности» могут быть связаны с особенностями высшей нервной деятельности [6, с. 132-134].

Профессор, доктор психологических наук М.Ф. Секач в своей статье «Квантовая психология» освещает следующее: чтобы разобраться, как устроен наш мир, необходимо вспомнить школьный курс физики, и то, что Альберт Эйнштейн составил знаменитое уравнение $E = mc^2$, доказывающее, что энергия и материя настолько глубоко взаимосвязаны, что являются одной сущностью и фактически взаимозаменяемы. Отсюда идея того, что наш (субъективный) мозг влияет на (объективный) мир не может казаться абсурдной. Ведь, родившаяся из последующих экспериментов новая область науки – квантовая физика, доказывает следующее: атом состоит из материи только на 0,00001% (ядро атома) и на 99,99999% из энергии (облако электронов вокруг ядра), а соотношение между атомным ядром и электронным облаком, пишет Н. Бор, выглядит как горошина и джип. Вселенная состоит главным образом из энергии, существующей в огромной сети. И мы с вами на 99,9...% не материя, а состоим из энергии. Квантовое поле – энергия всей Вселенной, и мы есть часть этого энергетического поля. Наше тело и наш мозг, как и любой предмет нашего окружения – это сгусток энергии и часть огромного энергетического поля. Сила, одухотворяющая наше тело, есть форма энергии, – а значит, на 99,99999% «ничто» (энергия), как и весь мир. Все окружающие нас объекты не являются твердой материей, а представляют собой энергетические поля или информационные частоты. Любая материя в большей степени «ничто» (энергия), чем «что-то» (частицы). Более того, события, происходящие с объектами макромира, были предсказуемы, воспроизводимы и закономерны [21, с.4-8].

В створе нашей статьи важно подчеркнуть, что коммуникация в квантовом поле происходит главным образом через мысли и чувства. Но квантовое поле реагирует не на наши желания, а на наше состояние бытия. Осознанное намерение нуждается в энергетической подпитке, в катализаторе – и таким катализатором выступают приятные эмоции. Сердце и разум действуют сообща. Квантовое поле откликается лишь тогда, когда мысли и эмоции согласованы друг с другом, а значит передают один и тот же сигнал. Поскольку все потенциалы Вселенной существуют в форме волн, обладающих электромагнитным полем и по сути своей являющихся энергией, разумно предположить, что и наши мысли и чувства – это электромагнитное поле [21, с.4-8].

Изменение жизни, или изменение чего-то в жизни, есть изменение энергии, т. е. фундаментальная перестройка мыслей и эмоций, изменение электромагнитного поля человека. Чтобы этого добиться, необходимо согласовать энергию тела и разума [21, с.4-8].

Опираясь на вышеизложенное, уместно рассмотреть парадигму связи ЭИ и морфогенетических полей с позиции анализа подходов таких святых в психологии как Зигмунд Фрейд, Карл Густав Юнг и Курт Левин.

З. Фрейд – это первый ученый, кто разработал целостную теорию бессознательного, оказавшую огромное влияние на развитие психологии и психотерапии. Согласно Фрейду, психика человека состоит из трех структурных компонентов: сознание (то, что осознается в данный момент), предсознание (то, что может быть легко осознано) и бессознательное (то, что недоступно непосредственному осознанию, но влияет на поведение) [24, с. 25-30]. Фрейд выделил несколько ключевых характеристик бессознательного: вытеснение – механизм защиты, посредством которого неприемлемые для сознания импульсы и воспоминания удаляются в бессознательное; первичные процессы – способ функционирования бессознательного, характеризующийся сгущением, смещением и отсутствием учета логических и временных отношений; динамический характер – бессознательное содержит энергию (либидо), которая стремится к разрядке и может трансформироваться [24, с. 166-184].

В контексте теории морфогенетических полей идеи Фрейда о бессознательном приобретают новое звучание. Если предположить, что морфогенетическое поле является носителем коллективной информации, то индивидуальное бессознательное может рассматриваться как «точка входа» в это поле [25, с. 170-175]. Фрейдовское понятие вытеснения может быть интерпретировано как механизм, блокирующий доступ к определенным содержаниям поля, а динамический характер бессознательного – как проявление полевых сил, действующих на психику. Для ЭИ, предположительно, это означает, что способность распознавать и управлять эмоциями включает в себя умение подстраиваться и «считывать» на бессознательном уровне информации из поля. Высокий уровень ЭИ позволяет консультанту распознавать проявления вытесненного материала в поведении и эмоциональных реакциях клиента, а также дифференцировать собственные бессознательные содержания от тех, которые резонируют с полем клиента.

К.Г. Юнг, ученик и последователь З. Фрейда, значительно расширил понимание бессознательного, введя понятие коллективного бессознательного. Если Фрейд фокусировался на личном бессознательном, содержащем вытесненный индивидуальный опыт, то Юнг постулировал существование более глубокого слоя психики, общего для всего человечества [26, с. 45-50]. В понимании Юнга, коллективное бессознательное – это универсальный, трансперсональный слой психики, содержащий общечеловеческий опыт, который передается по наследству и не зависит от индивидуальной истории человека [26, с. 3-5].

Отдельной строкой стоит выделить архетипы Юнга – универсальные, врожденные паттерны восприятия, мышления и поведения, составляющие содержание коллективного бессознательного [26, с. 55-60]. Основные архетипы

включают: Самость, Тень, Аниму/Анимуса, Великую Мать, Мудрого Старца, Трикстера и др. Но самое интересное в работах Юнга для нашего исследования, можно выделить синхронию – принцип актуального смыслового совпадения событий, не связанных причинно-следственной связью, которую Юнг рассматривал как проявление коллективного бессознательного в реальном мире [26, с. 85-90]. Не вооруженным взглядом прослеживается связь между теорией Юнга и концепцией морфогенетического поля Р. Шелдрейка. Р. Шелдрейк признавал, что его идея о морфогенетических полях, содержащих коллективную память вида, близка к юнговскому понятию коллективного бессознательного [25, с. 320]. Он писал: «Если гипотеза морфического резонанса верна, идея Юнга о коллективном бессознательном стала бы мейнстримной идеей» [25, с. 11].

Опираясь на работы Юнга, эмпатия и интуиция (компоненты ЭИ) могут быть поняты как способность воспринимать архетипические паттерны, активированные в поле клиента. Если консультант обладает высоким уровнем ЭИ и способен «резонировать» с универсальными паттернами архетипических тем (например, «инициация», «потеря рая», «возвращение героя») и распознать это в клиенте, психологическая работа может быть более продуктивной. Что касается феномена синхронии, часто наблюдаемый в психотерапевтической практике (совпадения, имеющие глубокий смысл для клиента), может интерпретироваться как проявление связи между эмоциональным состоянием клиента и морфогенетическим полем.

К. Левин, один из основоположников социальной психологии, первый ученый в психологическом сообществе, погрузившийся в теорию поля, как психологической среды, оказавшую огромное влияние на понимание поведения человека в социуме [15, с. 15-20]. Левин полагал, что поведение индивида может быть трактована как функция поля, выраженная формулой $B = f(P, E)$, где поведение (B) является функцией взаимодействия личности (P) и окружения (E) [15, с. 25]. Так же он выделил понятие жизненное пространство (*Lifespace*) как совокупность всех факторов, влияющих на поведение человека в данный момент, включая как внутренние (потребности, цели, ожидания), так и внешние (социальная среда, физические условия) [15, с. 30-35]. Но, кроме этого, было определено понятие психологическая среда (*Psychological environment*) – среда в том виде, в каком она существует для данного человека в данный момент, с учетом его восприятия и интерпретации [15, с. 45-50].

Левин полагал, что векторы и валентности, это силы, действующие в жизненном пространстве – позитивная валентность притягивает человека к объекту, негативная отталкивает [15, с. 85-90]. Отдельной нотой выделил понятие групповой динамики, то есть поведения группы как целостной системы, подчиняющейся законам поля, отличным от законов поведения индивида [15, с. 10-15].

Анализируя теорию поля Левина, можно проследить некоторую взаимосвязь с концепцией морфогенетических полей, поскольку обе теории представляют поле как целостную систему, где изменение одной части влияет на все остальные. Эмоциональный интеллект в теории Левина можно интерпретировать как инструмент анализа поля, способность консультанта воспринимать

(чувствовать) структуру жизненного пространства клиента, включая неосознаваемые векторы и валентности через эмпатию и интуицию. А знаменитое представление Левина о процессе изменений как последовательности реализации этапов: размораживание → изменение → замораживание [15, с. 30-35]. Высокий уровень ЭИ позволяет консультанту создавать условия для «размораживания» дезадаптивных полевых паттернов клиента.

Особенно ярко можно проследить ЭИ как инструмента работы с морфогенетическими полями – это системные расстановки. Расстановка создает некое коммуникативное пространство, «информирующего» (Б. Ульсамер), или «знающего поля» (А. Мар), которое содержит в себе информацию обо всех членах системы, их переживаниях, и дает доступ к глубоким слоям исследуемой ситуации. Находясь в этом поле, «заместители» или «представители» (люди, которые в процессе расстановки замещают (представляют) членов семьи клиента) начинают испытывать эмоции и чувства замещаемых персонажей. Это возможно благодаря замещающему восприятию, которым мы все обладаем, даже не подозревая об этом. Этот феномен, лежащий в основе впечатляющих и наглядных реакций заместителей, был неоднократно описан [3, 14], но пока согласованной теории и обоснованного научного объяснения для этого аспекта расстановок нет. Большая часть объяснений опирается на концепцию морфического резонанса Р. Шелдрейка, которую он развил на основе теории морфогенетических полей. Есть попытки объяснить этот метод с точки зрения теории языковых структур (Л. Витгенштейн) или квантовой физики [8, с. 188-189].

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать ряд выводов о возможной метаморфической связи ЭИ, эмпатии и морфогенетических полей в контексте психологического консультирования.

ЭИ и эмпатия это профессионально важные качества консультанта. Эмпирические исследования убедительно демонстрируют, что эмоциональный интеллект и эмпатия являются ключевыми компетенциями психолога-консультанта. Существует положительная корреляция между удовлетворенностью консультированием со стороны клиентов и способностью психолога к контролю эмоций, управлению эмоциями клиентов, а также к проявлению эмпатии. Высокий уровень ЭИ позволяет консультанту точнее распознавать эмоциональное состояние клиента, дифференцировать собственные переживания от «привнесенных» и создавать безопасное пространство для терапевтической работы.

Морфогенетическое поле может пониматься как теоретическая основа для понимания трансперсональных феноменов. А.Г. Гурвич, введя понятие морфогенетического поля и открыв его физический носитель – митогенетическое (биофотонное) излучение, создал естественнонаучный фундамент для объяснения феноменов дистанционного взаимодействия между живыми системами. Его идея о том, что полевой подход может быть распространен на анализ процессов, происходящих в центральной нервной системе, открывает перспективы для понимания психических феноменов с позиции полевой парадигмы. А в контексте квантовой физики, где материя на 99,99% состоит из энергии [21, с. 4-8], идея о том, что мысли и чувства человека представляют собой электромагнитное поле, не

выглядит абсурдной.

Наследие классических психологических теорий просматривается как мост между ЭИ и полевыми свойствами. Психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология К.Г. Юнга и теория поля К. Левина создают концептуальную основу для понимания того, как эмоциональный интеллект может быть инструментом работы с морфогенетическими полями.

Системные расстановки представляют собой уникальную терапевтическую практику, в которой наиболее наглядно проявляются феномены, потенциально объяснимые через концепцию морфогенетических полей. Феномен «замещающего восприятия», когда заместители начинают испытывать чувства замещаемых персонажей, не имея о них предварительной информации, требует широкого научного изучения. Высокий уровень эмоционального интеллекта и эмпатии расстановщика является необходимым условием для эффективной работы в этой модальности.

Концепция морфогенетических полей (как в трактовке А.Г. Гурвича, так и тем более в интерпретации Р. Шелдрейка) не является общепринятой в академической науке и требует развернутой научной дискуссии. Предложенная в статье связь между ЭИ, эмпатией и полевыми феноменами требует эмпирической верификации. Тем не менее, сам факт того, что методы, апеллирующие к свойствам морфических полей (Системные расстановки, ВсеЛенская терапия и др.), динамично развиваются и получают широкое распространение, свидетельствует о существовании феноменов, которые современная наука пока не может полностью объяснить. И в этом контексте эмоциональный интеллект и эмпатия могут выступать не просто как профессионально важные качества, но и как инструменты «настройки» консультанта на поле клиента, позволяющие эффективно работать с теми аспектами человеческой психики, которые выходят за рамки индивидуального опыта и линейного восприятия.

И в заключении, хочется завершить данную статью словами Ричарда Фейнмана, американского физика, получившего Нобелевскую премию в 1965 году «Не ошибусь, если скажу, что квантовую механику не понимает никто. Если можете, перестаньте мучить себя вопросом, как такое может быть? Этого не знает никто».

Библиографический список

1. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена / И.Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78–87.
2. Белозеров, О. П. А. Г Гурвич и создание концепции биологического поля (к 150-летию со дня рождения ученого) //Редакционная коллегия. – 2024. – С. 177.
3. Богданов, В. В. Основы системных техник. Часть 1. [Б.м.]: Издательские решения, 2025. – 224 с.
4. Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. М.: Филинь, 1996. – 187 с
5. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман; перевод с

английского А. П. Исаевой. – Москва: АСТ, 2012. – 480 с.

6. Гурвич, А.Г. Теория биологического поля / А. Г. Гурвич. – Москва: Советская наука, 1944. – 156 с.

7. Гурвич, А. Г. Митогенетическое излучение: физико-химические основы и приложения в биологии и медицине / А. Г. Гурвич, Л. Д. Гурвич. – 3-е изд., расшир. и доп. – Москва: Медгиз, 1945. – 284 с.

8. Захарова, Л. М. Презентация метода системных семейных расстановок по Б. Хеллингеру, как перспективного направления научных исследований и практического применения в различных профессиональных сферах / Л. М. Захарова // Форум Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук. – 2012. – № 1. – С. 187–195.

9. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2013. 576 с.

10. Кашицева, Д. И. Эмпатия и эмоциональный интеллект как ключевые личностные ресурсы в профессиональной деятельности психолога / Д. И. Кашицева // Лучшая студенческая статья 2025: сборник статей XX Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 25 апреля 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2025. – С. 159–162.

11. Корнилова, Т. В. Единство интеллекта и аффекта в множественной регуляции эмпатии / Т. В. Корнилова. – Текст: непосредственный // Национальный психологический журнал. – 2022. – № 1. – С. 94–103.

12. Корнилова, Т. В. Латентные профили эмоционального интеллекта: российская и китайская выборки / Т. В. Корнилова, Ц. Чжоу, В. А. Савельева. – Текст: непосредственный // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 46–68.

13. Крутик, И. Ю. Понятие и структура эмоционального интеллекта в отечественной и зарубежной науке: сравнительный анализ / И. Ю. Крутик // Психологический *Vademecum*. – 2025. – С. 146–149.

14. Лаор, И. Скрытая сторона семейных расстановок. – М.: «Onebook.ru», 2017. – 136 с.

15. Левин, К. Динамическая теория личности / К. Левин; перевод с английского. – Москва: Смысл, 2001. – 572 с.

16. Люсин, Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

17. Панкратова, А. А., Николаева М. Е. Связь эмоционального интеллекта с эффективностью деятельности и качеством профессиональной жизни у начинающих психологов-консультантов // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14. № 3. С. 21–37.

18. Пеньков, А. М. Эмоциональный интеллект и эмпатические способности психолога-консультанта в работе с проблемными семьями / А. М. Пеньков, В. М. Поздняков // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 60–70.

19. Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 248–250.

20. Рыбак, Е. В. Становление понятия «эмоциональный интеллект» в психологии / Е. В. Рыбак, И. А. Андреева // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / Под общей редакцией С. В. Беспаловой. Том 6. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2017. – С. 98–99.
21. Секач, М. Ф. Квантовая психология / М. Ф. Секач // Живая психология. – 2014. – Т. 2, № 2(2). – С. 4–8.
22. Сергиенко, Е. А. Разработка объективной методики измерения эмоционального интеллекта / Е. А. Сергиенко, Е. А. Хлевная, Е. И. Осипенко // Организационная психология. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 45–61.
23. Сизикова, М. В. Эмпатия как фундаментальное измерение работы психолога-консультанта // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 9. С. 28–31.
24. Фрейд, З. (1915). Бессознательное (The Unconscious). В Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud (Том XIV, стр. 159–215). London: Hogarth Press.
25. Шелдрейк, Р. Новая наука о жизни: гипотеза морфического резонанса / Р. Шелдрейк; перевод с английского. – Москва: Эксмо, 2005. – 352 с.
26. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг; перевод с немецкого. – Москва: Ренессанс, 1991. – 304 с.
27. Ярыгина, Н. Ю., Марухин Е. Е., Мухина Т. Г., Логинов В. И., Яркова Д. Д. Эмпатия как профессионально важное качество личности будущих психологов-консультантов // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 7. С. 49–56.
28. Mayer, J.D., Salovey, P. The intelligence of emotional intelligence // Intelligence. N.Y., 1993. P. 433–442.

© Д. А. Иванов, В. В. Богданов, 2026

УДК 613.8

В. Р. Кондракова¹, И. Г. Синьковская^{2,1}
**ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К СОВРЕМЕННЫМ МЕТОДАМ
КОНТРАЦЕПЦИИ**

Сибирский Федеральный Университет, Российская Федерация,
г. Красноярск¹

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика
М.Ф. Решетнева, Российская Федерация, г. Красноярск²

В статье рассмотрены специфика молодежного абортивного поведения, распространенность нежелательной беременности среди студенческой молодежи, представлены результаты исследования информированности и отношения студенческой молодежи к современным методам контрацепции.

Ключевые слова: контрацепция, барьерная контрацепция, гормональная контрацепция, нежелательная беременность, статистика.

V. R. Kondrakova¹, I. G. Sinkovskaya^{2,1}
**STUDENTS' ATTITUDE TOWARDS MODERN CONTRACEPTION
METHODS**

Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk¹
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk²

The article examines the specifics of youth abortion behavior, the prevalence of unwanted pregnancies among students, and presents the results of a study on the awareness and attitude of students towards modern contraceptive methods.

Keywords: contraception, barrier contraception, hormonal contraception, unwanted pregnancy, statistics.

Тема контрацепции тесно связана с абортивным поведением. Это можно заметить в снижении потребности в прерывании беременности. Чем эффективнее используется контрацепция, тем меньше вероятность в нежелательной беременности, следовательно, меньше потребности в абортах. По данным Росстата, в 2023 году в России сделано 467 586 операций, в 2022 году 503 809 операций. Статистика снижается, на 2024 год зафиксировано меньше 400 тыс. процедур [1]. Но число остаётся высоким, и тема абортот остаётся обсуждаемой в обществе, вопросы сексуального и репродуктивного здоровья молодёжи приобретают особую значимость. Контрацепция – использование методов для предотвращения нежелательной беременности [2]. Представляет широкий спектр, от гормональных препаратов до барьерных методов. Цель контрацепции – контроль за репродуктивным здоровьем, предотвращение нежелательной беременности.

Актуальность исследования отношения студентов к современным методам контрацепции обусловлена необходимостью понимания уровня информированности, ценностных ориентиров и поведения молодежи в сфере репродуктивного

здоровья. В условиях информатизации и цифровизации студенческая молодежь сталкивается с множеством источников, в том числе противоречивых и недостоверных, что влияет на формирование их отношения к современным методам контрацепции. Исследование проводилось среди студентов-бакалавров 1-4 курсов очного отделения ИППС СФУ методом анкетного опроса. Была выдвинута гипотеза о том, что студенты относятся к современным методам контрацепции положительно.

Первый блок вопросов связан с индикатором «Социально-демографическая характеристика». По результатам подавляющее большинство опрошенных составляют женщины, чем мужчины (71% и 29% соответственно).

Второй блок вопросов связан с индикатором «Информированность студентов ИППС о современных методах контрацепции». Все опрошенные осведомлены о существующих средствах контрацепции. Больше всего респонденты знают о барьерной контрацепции (презервативы) и гормональной контрацепции (27% и 23% соответственно), что может указывать их частую распространённость. Кроме того, наиболее эффективными контрацептивами студенты тоже выделили презервативы и гормональные таблетки (38% и 34% соответственно). Половина опрошенных частично информированы о побочных эффектах современных методов контрацепции, которые связаны с особенностями организма (например, головные боли, тошнота, головокружение, кровотечения).

На вопрос про ответственное сексуальное поведение значительное большинство респондентов (70%) выразили абсолютное согласие с тем, что осведомлённость о контрацепции способствует ответственному сексуальному поведению. Это говорит о признании важной роли знаний о контрацепции в принятии ответственных решений в сексуальной сфере. 8% затрудняются с ответом и считают, что осведомлённость о контрацепции не способствует ответственному сексуальному поведению, что указывает на неуверенность и недостаточную осведомлённость о контрацепции.

Какие методы контрацепции вам известны? (Выберите все известные варианты?)

563 ответа

Презервативы	152	27%
Гормональные контрацептивные таблетки	130	23.1%
Прерванный половой акт	95	16.9%
Внутриматочные спирали (ВМС)	85	15.1%
Стерилизация	69	12.3%
Календарный метод	18	3.2%
Химический метод (кремы, гели, свечи)	14	2.5%
Никакие не известны	0	

Рисунок 1- Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие методы контрацепции вам известны? (Выберите все известные варианты?)»

Третий блок вопросов связан с индикатором «Отношение студентов ИППС к источникам информации». Чуть менее половины респондентов (46%) обращаются к онлайн-ресурсам (сайты, форумы, блоги). На вопрос о надёжности интернет-источники стоят на втором месте (35%). Лидером оказался источник – медицинские работники (39%), в то время как в предыдущем вопросе данный источник информации оказался менее распространённым (11%). Родители являются значимым источником информации (20%), но студенты считают их не столь надёжными (18%). Университеты играют незначительную роль как источник информации (2%), и студенты считают этот источник малонадёжным (3%).

Четвёртый блок вопросов связан с индикатором «Отношение студентов ИППС к применению контрацепции». Более половины опрошенных (76%) считают, что контрацепцию нужно использовать всегда. Возможно, такое мнение сформировалось из личного опыта, мнением семьи и друзей, медицинских специалистов. Часть респондентов (37%) не применяют методы контрацепции, что свидетельствует о планировании рождения ребёнка или об отсутствии половой жизни, когда вопрос контрацепции неактуален. Большинство, кто использует контрацепцию, отдаёт предпочтение презервативам (34%). Это объясняется их распространённостью, невысокой стоимостью, двойной защитой: не только от нежелательной беременности, но и от венерических заболеваний. На выбор метода контрацепции существенно влияют факторы – эффективность и безопасность для здоровья (30% и 23% соответственно). Более половины респондентов считают, что ответственность за выбор и применение контрацепции должна быть обоюдной, где вопросы репродуктивного здоровья решаются партнёрами совместно.

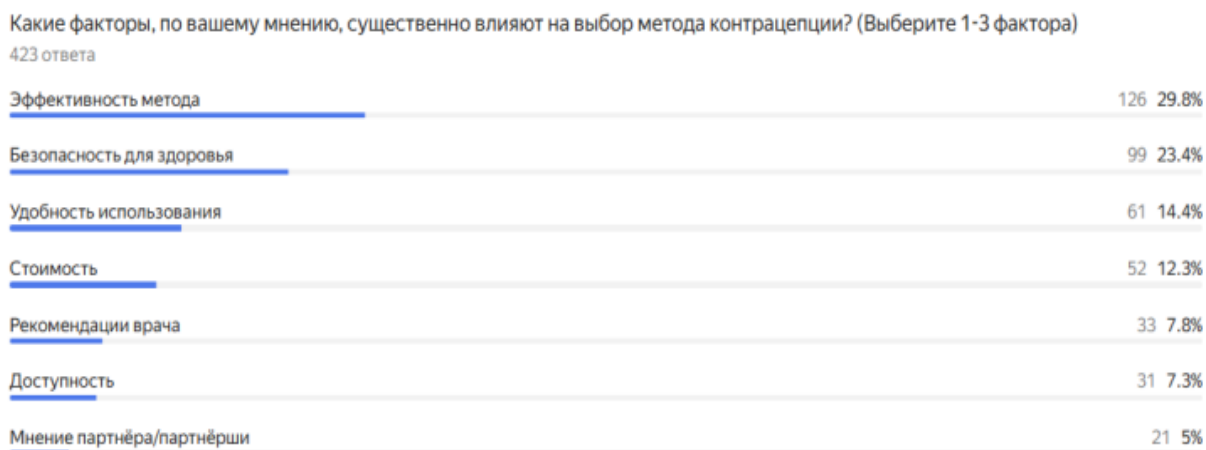

Рисунок 2- Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие факторы, по вашему мнению, существенно влияют на выбор метода контрацепции? (Выберите 1-3 фактора)»

Наибольшее беспокойство у опрошенных при использовании или возможности использования средств контрацепции вызывают такие факторы, как на первом месте - неловкость, стеснение при покупке, на втором месте – страх побочных эффектов, и на третьем – те, у кого не возникает проблем (22%, 20% и 19% соответственно). Значимыми рисками при использовании контрацепции

студенты отметили неэффективность метода и риск наступления нежелательной беременности, также побочные эффекты (32% и 30% соответственно).

Заключительный блок вопросов связан с индикатором «Отношение студентов ИППС к политике формирования грамотности молодёжи в сфере контрацептивного поведения». Более половины опрошенных считают, что проведение просветительских мероприятий в университете по вопросам контрацепции либо желательны, либо обязательны (40% и 34% соответственно). Формат мероприятия большая часть респондентов (44%) предпочитают встречи с медицинскими работниками, что говорит о доверии к экспертам в области здравоохранения. Больше всего студенческая молодёжь ИППС хотела бы видеть в программах просвещения темы про методы контрацепции и их эффективность и правильное использование, советы.

По результатам видно, что студенты осведомлены о различных методах контрацепции. Понимают наличие рисков и опасений по использованию определённых методов контрацепции. Хотя они и получают информацию из интернет-источников, но доверяют сведениям о контрацепции у квалифицированных работников в области здравоохранения. Стоит отметить, что подавляющее большинство респондентов признает взаимосвязь между осведомленностью о контрацепции и ответственным сексуальным поведением. Это подтверждает важность образовательных программ, направленных на повышение знаний о контрацепции, с целью снижения рисков нежелательной беременности и распространения инфекций, передающихся половым путем, что выражает положительное отношение к современным методам контрацепции. Следовательно, можно сделать вывод, что гипотеза подтвердилась.

Библиографический список

1. Росстат раскрыл регионы-лидеры по росту и сокращению числа аборт. Здравоохранение // medvestnik.ru: [сайт]: – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Rosstat-raskryl-regiony-lidery-po-rostu-i-sokrasheniu-chisla-abortov.html>

2. Современные виды контрацепции, классификация. Медицинский центр «Амадеус» // amadeusmed.ru: [сайт]: – URL: <https://amadeusmed.ru/helpful/sovremennye-vidy-kontratseptsii-preimushchestva-i-nedostatki-raznykh-sposobov/>

© В. Р. Кондракова, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 364.04

Н. С. Конышев, И. Г. Синьковская
**ГРАНТОВАЯ ПОДДЕРЖКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ В
КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ**

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева
Российская Федерация, г. Красноярск

В статье представлены результаты исследования системы грантовой поддержки некоммерческих организаций (НКО) в Красноярском крае. На основе качественного анализа мнений сотрудников сектора выявлены основные барьеры в получении и реализации грантов, дана оценка эффективности взаимодействия с грантодающими структурами. Особое внимание уделено проблеме устойчивости НКО и влиянию проектного финансирования на системное развитие общественных инициатив. Сделан вывод о необходимости оптимизации механизмов отчетности и институциональной поддержки организаций.

Ключевые слова: некоммерческие организации, грантовая поддержка, общественные инициативы, Красноярский край, проектная деятельность, гражданское общество.

N. S. Konyshchev, I. G. Sinkovskaya
GRANT SUPPORT FOR PUBLIC INITIATIVES IN KRASNOYARSK KRAI
Siberian State University of Science and Technology
named after Academician M. F. Reshetnev
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article presents the results of a study of the grant support system for non-profit organizations (NPOs) in the Krasnoyarsk Territory. Based on a qualitative analysis of the opinions of the sector's employees, the main barriers to obtaining and implementing grants have been identified, and an assessment of the effectiveness of interaction with grant-giving structures has been given. Special attention is paid to the problem of NGO sustainability and the impact of project financing on the systemic development of public initiatives. It is concluded that it is necessary to optimize the reporting mechanisms and institutional support of organizations.

Keywords: non-profit organizations, grant support, public initiatives, Krasnoyarsk Territory, project activities, civil society.

Становление гражданского общества в современной России неразрывно связано с формированием устойчивой экономической базы для деятельности некоммерческих организаций [1]. В условиях ограниченности собственных средств именно грантовая поддержка выступает ключевым механизмом выживания и институционализации третьего сектора. Красноярский край обладает масштабной и исторически укорененной экосистемой распределения субсидий, флагманом

которой выступает программа «Партнерство». Тем не менее, анализ статистики последних лет выявляет серьезное противоречие: при стабильных объемах финансирования качественный рост сектора замедляется, а состав организаций–победителей практически не меняется. Количественные отчеты фондов не всегда способны отразить реальные трудности, с которыми сталкиваются сотрудники организаций «на местах». В связи с этим целью нашего исследования стало определение того, как именно специалисты оценивают действующие программы поддержки и с какими латентными барьерами они сталкиваются в своей повседневной проектной практике [5].

Для достижения поставленной цели нами была разработана качественная стратегия социологического исследования, основным методом которого послужило полуформализованное глубинное интервью. Выбор данного метода продиктован необходимостью фиксации развернутых нарративов, субъективных эмоций и глубинных мотивов респондентов, недоступных при стандартном анкетировании. В качестве экспертов выступили руководители и сотрудники некоммерческих организаций Красноярского края, обладающие длительным стажем работы в секторе (от 8 до 26 лет) и имеющие опыт реализации инициатив различного масштаба – от сугубо локальных до межрегиональных и федеральных. Материалы интервью подверглись качественному контент–анализу на основе системы разработанных эмпирических индикаторов, включающих оценку бюрократической нагрузки, доступности информации, потребности в методическом сопровождении и стратегического влияния грантов на устойчивость организаций [4].

Результаты анализа административно–бюрократических барьеров свидетельствуют о том, что процесс разработки качественной заявки требует от специалистов колоссальных ресурсов. По оценкам экспертов, при наличии готовой концепции на формирование пакета документов уходит около недели непрерывной работы, а при разработке идеи «с нуля» этот процесс растягивается до одного месяца. Респонденты подчеркивают, что хотя переход на единую электронную платформу частично снизил техническую нагрузку, региональные программы (в частности, «Партнерство») по–прежнему остаются наиболее сложными для восприятия заявителями. Самым критическим барьером, вызывающим острую неудовлетворенность практиков, выступает система обратной связи от грантодателей. В большинстве фондов экспертиза ограничивается выставлением сухих баллов без развернутых текстовых комментариев, что лишает организацию возможности провести работу над ошибками. Даже при наличии комментариев, в случае получения низких оценок инициативным группам часто приходится механически переписывать проекты в угоду экспертам, игнорируя собственное видение проблемы [3].

Оценивая информационную доступность конкурсов, участники исследования охарактеризовали текущее положение дел как парадоксальное: в регионе наблюдается переизбыток информации при одновременных логистических просчетах организаторов. Существует множество эффективных цифровых площадок и каналов оповещения, однако очные обучающие семинары зачастую

проводятся в локациях с крайне неудобной транспортной развязкой, что физически отсекает от участия активистов из отдаленных территорий края. В контексте потребности в методической поддержке эксперты высоко оценивают работу кураторов фондов и деятельность краевых ресурсных центров, которые успешно обучают основам построения логики проекта и связыванию запланированных мероприятий с бюджетом. Вместе с тем, контент-анализ позволил выявить острейший дефицит бесплатного и доступного юридического сопровождения некоммерческих организаций, что существенно тормозит их развитие [2].

Уровень проектной грамотности в Красноярском крае оценивается практиками как средний («на тройку по пятибалльной шкале»), при этом фиксируется тревожная тенденция к стагнации местных организаций на фоне стремительного роста компетенций активистов из других регионов. Главными методологическими «провалами» заявителей остаются неспособность выстроить измеримую модель проекта, неумение грамотно обосновать актуальность социальной проблемы и полное отсутствие навыков оценки качественного социального эффекта от проведенных мероприятий. Говоря о стратегическом влиянии грантов, эксперты признают, что субсидии позволяют обучать команды и системно развиваться, однако на практике большинство организаций направляют эти средства исключительно на организацию разовых досуговых событий. Формируется «грантовая игла», при которой устойчивость инициативы полностью зависит от внешних вливаний, а не от долгосрочной стратегии самой некоммерческой организации. Для оптимизации сложившейся системы респонденты предлагают наладить регулярные очные встречи лидеров сектора с грантодателями, кардинально усовершенствовать механизмы предоставления обратной связи после независимой экспертизы и усилить содержательное наставничество для начинающих проектных команд.

Библиографический список

1. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.
2. О краевых социальных грантах: Закон Красноярского края от 09.07.2020 № 9-4044 (ред. от 22.12.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации Красноярского края.
3. Мерсиянова, И. В. Доверие к НКО и государственная поддержка гражданского общества / И. В. Мерсиянова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 2. – С. 7-32.
4. Некоммерческий сектор в регионах России: векторы развития: монография / под ред. Л. И. Яковсона. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 340 с.
5. Журнал «Партнерство – 20 лет объединяем людей». Специальный выпуск, посвященный юбилею грантовой программы Красноярского края. – Красноярск: АНО «Краевой центр поддержки и развития общественных инициатив», 2025.

© Н. С. Кобышев, И. Г. Синьковская, 2026

УДК: 617.58-036.8

М. М. Максимович¹, Т. И. Терехович², С. Н. Шнитко³,

РИНОСИНУСИТЫ У ДОПРИЗЫВНИКОВ

Учреждение здравоохранения «25-центральная районная поликлиника», районная медицинская комиссия, Беларусь г. Минск¹

Государственное учреждение «Республиканский научно-практический центр медицинской экспертизы и реабилитации», Беларусь г. Минск²

Военно-медицинский институт в Учреждении образования «Белорусский государственный медицинский институт», Беларусь г. Минск³

В статье рассмотрены риносинуситы, их осложнения, приводящие к снижению качества жизни граждан и влияют на показатели годности к военной службе.

Ключевые слова: риносинусит, отит, магнитотерапия, качество жизни, годность к военной службе.

M. M. Maksimovich¹, T. I. Tserakhovich², S. N. Shnitko³

RHINOSINUSITIS IN PRE-CONSCRIPTION PERSONNEL

Healthcare Institution «25th Central District Polyclinic» District Medical Commission, Belarus Minsk, ¹

State Institution «Republican Scientific and Practical Center for Medical Examination and Rehabilitation» Belarus, Minsk²

Military Medical Institute at the Belarusian State Medical Institute, Belarus, Minsk³

This article discusses rhinosinusitis and its complications lead to a decrease in quality of life for citizens and affect fitness for military service.

Key words: rhinosinusitis, otitis, magnetic therapy, quality of life, suitability for military service.

Формирование хронических очагов патологии в ЛОР-органах приводит к развитию широкого спектра заболеваний системного характера, снижению качества жизни граждан и влияет на показатели годности к военной службе [4].

Распространенность риносинуситов, возможность развития осложнений, рефлекторное влияние назальной обструкции на другие органы и системы влияет на качество жизни и категорию годности к военной службе. Одним из ведущих моментов при хронических риносинуситах является возникновение стойкого нарушения дренажной функции естественного соустья [3, 7].

Осложнением риносинуситов чаще всего является отит [3, 4]. Несмотря на значительные достижения современной медицины в лекарственной, научной и технологической областях, заболеваемость отитом также увеличивается по всему миру. По данным разных исследователей заболеваемость отитом достигает до 30% [6, 7]. Наравне с риносинуситами отит также приводит к снижению качества жизни, а его осложненные формы влияют на снижение

трудоспособности, зачастую – на возможность осуществляться некоторые виды трудовой деятельности, на временную или стойкую негодность к военной службе.

Анализ структуры болезней, явившимися причинами временной негодности и негодности к военной службе, по классам болезней согласно МКБ-10 и статьям расписания болезней «Требований к состоянию здоровья граждан, связанных с воинской обязанностью» [2] болезни ЛОР-органов занимают восьмое ранговое место по временной негодности, составляют около 2% среди причин негодности к военной службе.

В практике оториноларингологии широко применяются различные виды физиотерапевтического лечения, среди которых – местная магнитотерапия. Данные литературы и наши наблюдения свидетельствуют о клинической эффективности применения местной магнитотерапии в комплексной медицинской реабилитации лиц с риносинуситами [3, 5].

Цель исследования – оценка применения местной магнитотерапии при риносинуситах у допризывников.

Материал и методы. Изучена медицинская документация допризывников (n=26), при проведении медицинского освидетельствования, при приписке к призывному участку, у которых в анамнезе имелись сведения о заболевании риносинуситом и было вынесено итоговое заключение: временно не годен к военной службе до 12 месяцев.

Военно-врачебная экспертиза проводилась в соответствии с требованиями действующей нормативной документации по медицинскому освидетельствованию граждан, связанных с воинской обязанностью [1, 2].

Результаты. Пациентам в комплексном лечении и реабилитации назначали местную магнитотерапию при подостром и вялотекущем остром воспалении, воспалительно-аллергическом течении, рецидивах.

Подбирали индукторы небольшого размера, устанавливали контактно на нужную область: нос, проекцию придаточных пазух носа, сосцевидного отростка, подчелюстную область. Время воздействия – 5-7 минут на поле 7-10 раз. Отмечено противовоспалительное, противоотечное, обезболивающее действие. Противорецидивные курсы проводили с интервалом 6 месяцев.

При последующем медицинском освидетельствовании граждан положительные экспертные результаты получены в большинстве случаев. Годными к военной службе признаны 15 человек. Признаны годными к военной службе с незначительными ограничениями 11 граждан.

Вывод: местная магнитотерапия повышает эффективность проводимого лечения, реабилитации при риносинуситах и снижает социальную напряженность при проведении призывной комиссии.

Библиографический список

1. Закон Республики Беларусь от 03.04.2024 г. № 363-З «Об изменении законов по вопросам обеспечения национальной безопасности» // Консультант Плюс: справочно-правовая система. - URL

:http://www.consultant.ru/document/cons_doc.

2. Постановление Министерства обороны Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 03.01.2020 г. № 1/1 «Об утверждении Инструкции об определении требований к состоянию здоровья граждан, связанных с воинской обязанностью». // Консультант Плюс : справочно-правовая система. - URL : <http://www.consultant.ru/document/cons>.

3. Сакович, А. Р., Долина И. В. Риносинуситы: учебно-метод. пособие / А. Р. Сакович, И.В. Долина // Минск, БГМУ. – 2018. – 24 с.

4. Синёва, Е. Л. Распространенность и структура заболеваний ЛОР-органов у детей / Е. Л. Синёва, В. Б. Панкова, Е. О. Саранча // Вестник оториноларингологии. – 2015. – 80(2):48 -52.

5. Улащик, В. С. Электромагнитотерапия: новые данные и технологии / под общ. ред. В. С. Улащика // Минск: Бел. наука. – 2018. – 323 с.

6. Ульянов, Ю. П. Острый средний отит / Ю. П. Ульянов, Х. Д. Шадыев // Уч. пособие. – 2008. – 113 с.

7. European Position Paper on Rhinosinusitis and nasal polyps 2012 (EPOS 2012) / W.J.Fokkens [et.al] // Rhinol Suppl. 2012. №23. P. 1-298.

© М. М. Максимович, Т. И. Терехович, С. Н. Шнитко, 2026

УДК 364.4

А. Р. Махова, И. Г. Синьковская
**ОЦЕНКА СПЕЦИАЛИСТАМИ МОЛОДЕЖНЫХ ЦЕНТРОВ
ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика
М.Ф. Решетнева,
Российская Федерация, г. Красноярск

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на оценку эффективности комплексных мер профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Рассмотрены основные виды и характеристики правонарушений, а также ключевые направления деятельности молодежных центров в сфере профилактики. На основе анализа мнений специалистов (психолога, методиста и специалиста по работе с молодежью) выявлены актуальные подходы к организации профилактической работы, существующие трудности и предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, несовершеннолетние, молодежный центр, оценка эффективности, специалисты.

A. R. Makhova, I. G. Sinkovskaya
**ASSESSMENT BY YOUTH CENTER SPECIALISTS OF THE
EFFECTIVENESS OF JUVENILE DELINQUENCY PREVENTION
MEASURES**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article presents the results of an empirical study aimed at assessing the effectiveness of comprehensive measures to prevent juvenile delinquency by youth center specialists. The main types and characteristics of offenses, as well as the key areas of activity of youth centers in the field of prevention, are considered. Based on the analysis of the opinions of specialists (a psychologist, a methodologist, and a youth work specialist), current approaches to the organization of preventive work, existing difficulties, and proposals for its improvement are identified.

Keywords: delinquency prevention, minors, youth center, effectiveness assessment, specialists.

Проблема профилактики правонарушений среди несовершеннолетних остается одной из наиболее актуальных в современной России. Несмотря на принимаемые меры, тревожные тенденции, такие как «омоложение» преступности, рост насильственных и групповых преступлений, а также увеличение числа правонарушений, совершаемых подростками в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, сохраняются. В этих условиях эффективная деятельность

специализированных учреждений, в частности молодежных центров, приобретает ключевое значение. Они призваны не только организовывать досуг и занятость молодежи, но и проводить комплексную, системную работу по устранению причин и условий, способствующих девиантному поведению. Однако для повышения качества этой работы необходим объективный анализ ее эффективности, в том числе через оценку самих специалистов, непосредственно реализующих превентивные меры.

Целью данного исследования является определение оценки специалистами молодежных центров эффективности комплексных мер профилактики правонарушений среди несовершеннолетних (на примере МЦ «Свое дело» г. Красноярск). Объект исследования – специалисты молодежного центра, предмет – их субъективная оценка результативности применяемых профилактических мер.

Теоретический анализ показал, что правонарушения среди несовершеннолетних характеризуются высокой степенью общественной опасности, преобладанием корыстно-насильственной мотивации, значительной долей групповой преступности и рецидива [1; 6].

Среди основных причин выделяются неблагополучие в семье, негативное влияние сверстников, недостатки в организации досуга и трудоустройства, а также проблемы социальной адаптации. В этих условиях деятельность молодежных центров, таких как МЦ «Свое дело», реализуется в рамках Федерального закона № 120-ФЗ и включает широкий спектр направлений: организацию занятости и полезного досуга, правовое просвещение, взаимодействие с семьей, реализацию реабилитационных программ, а также проведение культурно-досуговых и спортивно-массовых мероприятий [2; 5].

Эмпирическое исследование проводилось с использованием метода свободного интервью. В нем приняли участие три специалиста отдела профилактики негативных проявлений в молодежной среде МЦ «Свое дело»: специалист по работе с молодежью, методист и психолог. Выборка является целевой, что позволило получить глубокую экспертную информацию о содержании и проблемах профилактической работы.

Анализ ответов респондентов показал следующее. Все специалисты имеют значительный опыт работы в центре (с момента его основания или с момента создания отдела). Их функциональные обязанности охватывают весь спектр деятельности: от разработки и прогнозирования мероприятий (специалист по работе с молодежью) и методического обеспечения (методист) до психологического сопровождения, диагностики и коррекции (психолог). Основным мотивом для работы в отделе профилактики стало желание помогать людям, интерес к созданию безопасной и развивающей среды для молодежи, а также возможность предупредить отклонения в поведении.

В отношении организации профилактической работы специалисты выделили несколько ключевых аспектов:

1. Начало взаимодействия всегда строится на установлении доверительного контакта и создании атмосферы безопасности.
2. Выявление подростков группы риска осуществляется преимущественно

через психологическую диагностику, наблюдение и анализ индивидуально-личностных особенностей.

3. Комплексная профилактическая работа включает в себя разработку и реализацию программ, проведение тренингов, мастер-классов, инструктажей, а также межведомственное взаимодействие, в частности со школами в рамках проекта «Ресурсный центр медиации».

4. Современные подходы реализуются через такие проекты, как «Служба профилактики» (вторичная и третичная профилактика) и «Ассоциация работающей молодежи», а также через фестивали психологических практик и обучение волонтеров.

5. Физическая культура и спорт единогласно признаны эффективным инструментом социализации и профилактики, способствующим формированию здорового образа жизни, дисциплины и ответственности.

Основными нормативно-правовыми документами, регулирующими деятельность, респонденты назвали Конституцию РФ и Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Анализ трудностей и факторов удовлетворенности работой позволил выявить ключевые проблемы. Среди трудностей специалисты отметили: сложности в коммуникации и установлении доверительных отношений с подростками, их неготовность делиться проблемами; разнообразие интересов и потребностей молодежи, требующее индивидуального подхода; риски, связанные с защитой персональных данных участников цифровых проектов.

В то же время, позитивные аспекты работы, по мнению респондентов, значительно перевешивают трудности. Специалисты ценят свою работу за: возможность общения с молодежью, которая заряжает новыми идеями и энергией; осознание собственной пользы и вклада в развитие личности подростков; возможность для творческой самореализации и постоянного профессионального развития.

Таким образом, оценка специалистов свидетельствует о том, что в МЦ «Свое дело» сложилась система комплексной профилактической работы, основанной на современных подходах (медиация, проектная деятельность, межведомственное взаимодействие) и ориентированной на индивидуальные потребности молодежи. Однако существуют объективные трудности, связанные с коммуникативными барьерами и необходимостью адаптации нормативной базы к специфике работы с молодежью. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации деятельности молодежных центров, разработки программ повышения квалификации специалистов и совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ. // Справочная правовая система

«КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2026).

2. Российская Федерация. Законы. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон № 120-ФЗ: [принят Гос. Думой 21 мая 1999 г.: одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 г.]. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2026).

3. Богданов, А. В. Основные направления деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних / А. В. Богданов, Е. Н. Хазов. // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 158-161.

4. Закирова, А. Б. Социальная работа с несовершеннолетними правонарушителями / А. Б. Закирова, Ю. В. Валишина. // Бюллетень науки и практики. – 2021. – № 12. – С. 550-553.

5. ММАУ «Молодежный центр «Свое дело» : официальный сайт. – Красноярск. – URL: <https://vk.com/svoedelomc> (дата обращения: 04.03.2026).

6. Рябцев, Г. В. Причины и условия преступности несовершеннолетних / Г. В. Рябцев. // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2021. – № 1 (6). – С. 169-175.

© А. Р. Махова, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 316.62

Т. Д. Миллер

СЕМЬИ КАК КЛИЕНТСКАЯ КАТЕГОРИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Новосибирский государственный технический университет

Российская Федерация, г. Новосибирск

В статье анализируется эффективность медиации для разрешения семейных конфликтов в работе специалиста по социальной работе. Рассматриваются основные принципы и преимущества процедуры, а также ограничения её применения.

Ключевые слова: медиация, семейный конфликт, социальная работа, разрешение споров.

T. D. Miller

FAMILIES AS A CLIENT CATEGORY IN SOCIAL WORK

Novosibirsk State Technical University

Russian Federation, Novosibirsk, sky5375@yandex.ru\

The article analyzes the effectiveness of mediation in resolving family conflicts in the work of a social worker. It examines the basic principles and advantages of the procedure, as well as the limitations of its application.

Keywords: mediation, family conflict, social work, dispute resolution.

В жизни каждого человека неизбежно наступают моменты, когда привычный уклад рушится под давлением внешних обстоятельств или внутренних противоречий. В социологии и психологии подобные моменты определяются как трудная жизненная ситуация. Однако наиболее разрушительной разновидностью ТЖС является семейный конфликт. Его парадокс заключается в том, что семья, являясь главным ресурсом поддержки, в моменты кризиса также может стать катализатором всех бед. Ведь в случае продолжительной ссоры страдают все члены семьи, что может привести к формированию различных травм. Одним из инновационных методов по работе с подобными ситуациями является медиация [2]. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать эффективность медиации для разрешения семейных конфликтов в деятельности специалиста по социальной работе. Основной проблемой выступает низкий уровень информированности семей о возможностях процедуры медиации.

Медиация – это процесс урегулирования споров с участием нейтрального посредника (медиатора), который помогает сторонам прийти к взаимоприемлемому решению. В семейных спорах этот подход особенно эффективен, поскольку позволяет сохранить отношения, учесть интересы всех участников, включая детей, и избежать публичности судебного разбирательства. В основе медиации лежат несколько ключевых принципов. Добровольность участия: никто не может быть принуждён к процедуре, и согласие с её результатом также

является добровольным. Конфиденциальность: информация, полученная в ходе медиации, не подлежит разглашению без согласия сторон, за исключением случаев угрозы жизни или совершения преступления. Нейтральность и беспристрастность медиатора: он в равной степени поддерживает обе стороны и не может принимать вознаграждения, вызывающие сомнения в его объективности. Важен и принцип равноправия: каждая сторона имеет одинаковое право высказываться и участвовать в принятии решений. Наконец, медиация строится на сотрудничестве, ориентирована на налаживание коммуникации и взаимопонимания, а ответственность за результат несут сами стороны, тогда как медиатор отвечает за безопасность и соблюдение стандартов процедуры.

В России медиация активно внедряется в сферу семейных отношений. Предметом семейной медиации могут быть самые разные конфликты: расторжение брака, раздел имущества, определение места жительства детей, порядок общения с детьми, взыскание алиментов и другие вопросы. Медиация хорошо подходит для урегулирования таких споров, потому что её основная задача – помочь семьям преодолеть грядущие перемены и сохранить нормальные отношения, особенно если в семье есть дети. Медиатор помогает сторонам не только изложить свои позиции, но и увидеть общие интересы, по-новому взглянуть на ситуацию и понять друг друга не только разумом, но и сердцем. Эффективность медиации в семейных спорах обусловлена рядом факторов. Она позволяет учесть интересы всех сторон, найти гибкие компромиссы и признать эмоции участников, что особенно важно при разводах и спорах о детях. Медиация способствует сохранению отношений и снижению напряжённости, что необходимо для дальнейшего совместного воспитания. Благодаря конфиденциальности удаётся избежать огласки чувствительных тем, а сама процедура обычно экономит время и средства по сравнению с судом. Участники сохраняют контроль над процессом и могут принимать решения, учитывающие уникальные обстоятельства их семьи. Однако медиация не применима в случаях домашнего насилия, жестокого обращения с детьми, запугивания, серьёзного дисбаланса сил, психических заболеваний, недееспособности, наркотической зависимости или намеренного введения в заблуждение.

В России процедура медиации регулируется Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» [1]. В качестве эмпирического исследования было проведено интервью с практикующими медиаторами, выяснилось, что самым главным является соблюдение основных принципов медиации, и если хоть один из них нарушается в начале, или в ходе процедуры, случай становится немедиабельным. Соблюдение всех принципов обязательно для обеих сторон, и через равноправное обращение с каждым клиентом, вовлеченность в процесс самих клиентов и построение хорошего диалога может гарантировать выгодное для обеих сторон разрешение конфликта. Также после процедуры обычно снижается уровень открытой вражды и стороны могут сохранять контакт и после медиации, но стоит отметить, что каждый случай индивидуален и по опыту специалиста исход бывает разный, так как зависит от самих сторон. По мнению эксперта

основной проблемой в развитии медиации в семейных спорах в Российской Федерации является отсутствие информированности у граждан, и некоторые даже не догадываются о возможности разрешения спора таким образом, что иногда может негативно сказаться на исходе конфликта. Проведённое эмпирическое исследование показало, что медиация является высокоэффективным инструментом для разрешения семейных конфликтов в деятельности специалиста по социальной работе. Она позволяет не только урегулировать спорные вопросы, но и способствует сохранению хороших отношений в семье, и формированию конструктивного диалога между сторонами. Однако достижение максимальной эффективности медиации напрямую зависит от соблюдения её ключевых принципов. Основной проблемой, препятствующей более широкому применению медиации в семейных спорах, выступает низкий уровень информированности населения о возможностях и преимуществах данной процедуры. Для повышения эффективности работы специалиста по социальной работе необходимо не только владеть технологией медиации, но и активно заниматься просветительской деятельностью, информируя семьи о современных способах мирного разрешения споров.

© Т. Д. Миллер, 2026

УДК 616.98

К. Н. Назарова, И. Г. Синьковская
**ИНФОРМИРОВАННОСТЬ МОЛОДЕЖИ О СЛУЖБЕ РАННЕЙ
ПОМОЩИ**

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева
Российская Федерация, г. Красноярск

В статье изучена информированность молодежи о службе ранней помощи. Также выяснено, насколько распространены мифы и стереотипы о службе ранней помощи среди молодежи, отношение молодежи к обращению за поддержкой и влияние социальных факторов на информированность о ранней помощи.

Ключевые слова: служба ранней помощи, ранняя помощь, информированность, социальная поддержка семей, стигматизация, социологическое исследование, профилактика семейного неблагополучия.

К. А. Nazarova, I. G. Sinkovskaya
YOUTH AWARENESS OF THE EARLY INTERVENTION SERVICE

Siberian State University of Science and Technology
named after Academician M. F. Reshetnev
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article examines the awareness of youth about the early intervention service. It also found out how widespread myths and stereotypes about the early intervention service are among young people, the attitude of young people towards seeking support and the influence of social factors on awareness of early intervention.

Key words: early intervention service, early intervention, awareness, social support for families, stigmatization, sociological research, prevention of family dysfunction.

Проблема доступности ранней помощи семьям с детьми продолжает оставаться одной из самых актуальных в социальной сфере и системе здравоохранения. В последние десятилетия наблюдается развитие сети служб ранней помощи в регионах Российской Федерации, однако уровень информированности населения, особенно молодежи, о возможностях данных служб остается недостаточным. Молодежь является ключевой целевой аудиторией, так как именно в этом возрасте формируются репродуктивные установки, представления о родительстве и готовность обращаться за помощью в вопросах воспитания и развития детей. Недостаточная информированность о функциях служб ранней помощи, показаниях для обращения и порядке получения услуг способствует позднему выявлению нарушений развития у детей, увеличивает риск семейного неблагополучия и снижает профилактический потенциал системы ранней помощи [1].

Целью данного исследования является анализ уровня информированности молодежи о службе ранней помощи, выявление факторов, влияющих на осведомленность, а также разработка рекомендаций для улучшения информационно-просветительской работы среди молодежной аудитории. Основные задачи исследования включают:

- анализ службы ранней помощи как института социальной поддержки семей с детьми, с акцентом на значимость раннего вмешательства для развития ребенка;
- обзор существующих социологических исследований по уровню осведомленности населения о службах ранней помощи;
- разработка и обоснование методики социологического исследования для изучения информированности молодежи о службе ранней помощи;
- проведение собственного социологического исследования, анализ полученных данных и формулировка выводов.

Данная тема является важной, поскольку высокий уровень информированности молодежи о службе ранней помощи может способствовать своевременному обращению семей за поддержкой, профилактике нарушений развития у детей и снижению риска социального сиротства [2].

Служба ранней помощи – это структурное подразделение организации социального обслуживания, здравоохранения или образования, предназначенное для выявления, профилактики и коррекции нарушений развития у детей раннего возраста (от рождения до 3 лет), а также для оказания психолого-педагогической, медико-социальной поддержки семьям, воспитывающим таких детей. В соответствии с Концепцией развития ранней помощи в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2016 г. № 1839-р, основными принципами ранней помощи являются междисциплинарный подход, семейно-центрированность, добровольность и доступность услуг [3].

Ранняя помощь – это не только педагогическая или медицинская, но и социальная проблема. Влияние служб ранней помощи выходит далеко за пределы коррекционной педагогики, затрагивая профилактику семейного неблагополучия, снижение нагрузки на систему здравоохранения и социальной защиты, а также улучшение качества жизни семей с детьми. Стигматизация обращения в службы ранней помощи, связанная с ошибочным восприятием их как учреждений «для неблагополучных семей» или «для детей с инвалидностью», ведет к социальной изоляции семей, нуждающихся в поддержке, и препятствует своевременному получению помощи. Молодежь, в частности, оказывается в зоне риска, так как она не всегда осведомлена о возможностях ранней помощи, показаниях для обращения и порядке получения услуг [4].

Основными направлениями деятельности служб ранней помощи являются: скрининг развития детей раннего возраста, диагностика нарушений развития, разработка индивидуальных программ ранней помощи, консультирование родителей, проведение коррекционно-развивающих занятий с детьми, обучение родителей методам ухода и развития детей, а также координация взаимодействия

между различными ведомствами (здравоохранением, образованием, социальной защитой). Меры по развитию системы ранней помощи направлены не только на коррекцию уже имеющихся нарушений, но и на их профилактику, а также на снижение социальной стигматизации семей, обращающихся за поддержкой [5].

Существует множество социологических исследований, посвященных анализу уровня информированности различных социальных групп о службах ранней помощи, особенно среди родителей и специалистов. Эти исследования показывают, что осведомленность населения о существовании и функциях служб ранней помощи в целом недостаточна, при этом существуют значительные пробелы в знаниях о показаниях для обращения и порядке получения услуг. Исследования также выявляют, что среди населения распространены мифы и стереотипы, связанные с деятельностью служб ранней помощи, что ведет к стигматизации обращающихся семей и снижению эффективности профилактических мер [6].

Ранее проведенные исследования показали, что уровень информированности населения о службах ранней помощи зависит от ряда факторов, включая доступность информации, наличие детей раннего возраста, образовательный уровень и социальную среду [7]. Важно отметить, что исследования, проведенные в разных регионах России, показали схожие результаты: несмотря на наличие нормативной базы и развитие сети служб ранней помощи, население не всегда знает о их существовании, а также часто имеет недостоверную информацию о целевой аудитории и порядке обращения.

Несмотря на значительный прогресс в развитии системы ранней помощи в Российской Федерации, пробелы в знаниях молодежи остаются. Большая часть молодежи не знает о существовании служб ранней помощи в своем городе, не понимает, в каких случаях следует обращаться, а также ошибочно полагает, что услуги предоставляются только на платной основе. Также наблюдается недостаток информации о возможностях поддержки семей с детьми раннего возраста, что приводит к распространению предвзятых мнений и стигматизации обращения за помощью.

Таким образом, анализ существующих социологических исследований показывает важность продолжения просвещения молодежи о службе ранней помощи и устранения мифов о ее целевом назначении, что поможет повысить доступность ранней помощи для семей с детьми и улучшить качество жизни семей, нуждающихся в поддержке.

Для проведения исследования в данной работе выбран социологический метод, который позволяет получить объективные данные о степени информированности молодежи о службе ранней помощи. Основным методом сбора данных – анкетирование, которое представляет собой эффективный способ получения информации от группы респондентов. Анкета состоит из закрытых вопросов, что позволяет собрать количественные данные для статистического анализа.

Анкетирование помогает не только измерить уровень знаний молодежи о службе ранней помощи, но и выявить основные источники информации, а также

определить, какие аспекты функционирования служб ранней помощи остаются неизвестными для большинства респондентов. В качестве метода анализа данных использована статистическая обработка результатов, что позволило выделить ключевые тенденции и зависимости.

Объектом исследования являются молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, проживающие в городе Красноярске, так как именно эта возрастная группа находится на этапе формирования репродуктивных установок и родительских практик. Молодежь в данном возрасте либо планирует создание семьи, либо уже имеет детей, что делает ее наиболее релевантной для изучения информированности о службах, поддерживающих семьи с детьми раннего возраста.

Предметом исследования является уровень информированности молодежи о службе ранней помощи, то есть степень осведомленности о существовании, функциях, показаниях для обращения и порядке получения услуг.

Гипотеза исследования заключается в том, что уровень информированности молодежи о службе ранней помощи, несмотря на наличие нормативной базы и развитие сети данных служб, остается недостаточным. Ожидается, что многие респонденты будут не знать о существовании служб ранней помощи в Красноярске, ошибаться в понимании их целевой аудитории и не владеть информацией о порядке обращения.

Основными задачами исследования являются:

1. Оценка общего уровня осведомленности молодежи о существовании, функциях и направлениях деятельности службы ранней помощи.
2. Выявление факторов, влияющих на информированность (наличие детей, возраст, уровень образования, доступ к информации).
3. Определение барьеров, препятствующих повышению уровня знаний, таких как мифы и стереотипы о службе ранней помощи.
4. Разработка рекомендаций по улучшению информирования молодежи службе ранней помощи.

Выборка исследования состоит из 36 человек, представляющих возрастную группу от 18 до 35 лет. Респонденты были выбраны случайным образом из числа студентов высших и средних профессиональных учебных заведений, а также молодых специалистов, проживающих в городе Красноярске, что позволяет охватить широкую аудиторию и получить репрезентативные данные.

Социологическое исследование показало, что уровень информированности молодежи о службе ранней помощи является недостаточным. На вопрос «Знаете ли Вы, что такое «служба ранней помощи»?» только 13,89% респондентов ответили, что знают и могут объяснить суть, 52,78% что-то слышали, но не могут точно сформулировать, а 33,33% впервые слышат об этом. Это подтверждает низкий уровень осведомленности молодежной аудитории о данном институте социальной поддержки.

О наличии служб ранней помощи в городе Красноярске знают лишь 8,33%

респондентов, причем только 2,78% из них смогли указать, где они находятся и как туда обратиться. 44,44% слышали, что такие службы существуют, но не владеют подробностями, а 47,22% не слышали о наличии служб ранней помощи в Красноярске.

При ответе на вопрос о целевой аудитории службы ранней помощи только 22,22% респондентов дали правильный ответ, указав, что СРП предназначена «для любых семей с детьми от 0 до 3 лет, нуждающихся в поддержке». 41,67% опрошенных ошибочно полагают, что служба ориентирована только на семьи с детьми-инвалидами, а 19,44% – только на неблагополучные семьи. Это свидетельствует о наличии устойчивого стереотипа о «закрытости» службы ранней помощи для обычных семей.

Что касается роли образовательных учреждений, 91,67% респондентов считают, что они должны активно участвовать в распространении информации о службе ранней помощи. Это подтверждает важность образовательных программ и просветительских мероприятий в школьных и вузовских учебных заведениях.

Более 60% молодежи (13,89% готовы активно участвовать, 47,22% возможно готовы) выразили потенциальную готовность участвовать в волонтерских акциях и просветительских мероприятиях, связанных с информированием о службе ранней помощи, что свидетельствует о высоком интересе и готовности молодежи активно вовлекаться в социальные и образовательные проекты.

На основании полученных данных можно сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, уровень информированности молодежи о службе ранней помощи является низким: только 13,89% респондентов могут объяснить суть работы СРП, а 33,33% впервые слышат о ней. Молодежь часто ориентируется на Интернет как главный источник информации (38,89%), однако медицинские учреждения (33,33%) также играют значительную роль, в то время как образовательные организации остаются недостаточно задействованными в просвещении (только 8,33%).

Во-вторых, выявлены устойчивые стереотипы о целевой аудитории служб ранней помощи: 41,67% респондентов ошибочно полагают, что СРП предназначена только для семей с детьми-инвалидами, а 19,44% – только для неблагополучных семей. Это создает стигматизирующий барьер для обращения за помощью.

В-третьих, несмотря на низкий уровень информированности, 63,89% респондентов при возникновении соответствующей ситуации готовы обратиться в службу ранней помощи, а 91,67% считают, что образовательные учреждения должны активно участвовать в распространении информации о СРП.

Исследование подтвердило низкий уровень информированности молодежи о службе ранней помощи, однако выявило высокий потенциал для просветительской работы: молодежь демонстрирует готовность к обращению при наличии информации и поддерживает активное участие образовательных учреждений в просвещении. Необходимы дальнейшие усилия для улучшения информированности, особенно по вопросам целевой аудитории служб ранней

помощи, показаний для обращения и порядка получения услуг.

Для дальнейшего улучшения ситуации рекомендуется продолжить исследование в этой области с фокусом на разработку эффективных методов распространения достоверной информации о службе ранней помощи среди молодежи, а также на оценку эффективности существующих образовательных программ и внедрение модулей о ранней помощи в учебные планы средних профессиональных и высших учебных заведений.

Библиографический список

1. Анкета «Социологическое исследование «Информированность молодежи о службе ранней помощи»» [Электронный ресурс]. – URL: <https://forms.gle/example> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Айвазян, Е. Б., Борисов, О. В., Быкова, А. В. Ранняя помощь детям и их семьям : научно-методическое пособие. – Москва : Теревинф, 2019. – 240 с.
3. Об утверждении Концепции развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2016 г. № 1839-р. – URL: <http://government.ru/docs/24461/> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Васильева, Т. В. Служба ранней помощи как институт профилактики семейного неблагополучия // Отечественный журнал социальной работы. – 2022. – № 1. – С. 56–64.
5. Быкова, А. В. Информированность родителей о службах ранней помощи: результаты социологического исследования / А. В. Быкова, Е. Б. Айвазян // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2020. – № 5. – С. 18–25.
6. Иванова, Е. С., Литвинова, М. А. Информированность студентов о службах ранней помощи: опыт эмпирического исследования // Молодой ученый. – 2024. – № 12 (451). – С. 210–215. – URL: <https://moluch.ru/archive/451/99678/> (дата обращения: 25.03.2026).
7. Петрова, Н. В., Соколов, Д. А. Информированность молодежи о социальных услугах для семей с детьми: региональный аспект // Социология и общество. – 2023. – № 2. – С. 89–97.

© К. А. Назарова, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 364.464

А. Х. Ооржак, И. Г. Синьковская

**ОЦЕНКА СПЕЦИАЛИСТАМИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОМОЩИ СЕМЬЯМ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ:
ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ БАРУН-ХЕМЧИКСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ ТЫВА**

Сибирский государственный университет науки и технологий

имени академика М. Ф. Решетнева

Российская Федерация, г. Красноярск

В данной статье анализируются современные технологии поддержки семей в социально опасном положении. Работа включает теоретическое обоснование методов социальной защиты и прикладное социологическое исследование, проведенное на базе Центра социальной помощи семье и детям Барун-Хемчикского района (Республика Тыва). Проведена оценка эффективности работы специалистов центра, выявлены ключевые показатели результативности оказываемой помощи и определена специфика организации социальной работы в региональном контексте.

Ключевые слова: семья, семья в социально опасном положении, дети, специалисты по социальной работе, социальная помощь, центр социальной помощи семье и детям, социальный патронаж.

A. Kh. Oorzhak, I. G. Sinkovskaya

**ASSESSMENT BY SPECIALISTS OF THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL
ASSISTANCE TO FAMILIES IN A SOCIALLY DANGEROUS SITUATION:
A STUDY BASED ON THE BARUN-KHEMCHIKSKY DISTRICT OF THE
TUVA REPUBLIC**

Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev

Russian Federation, Krasnoyarsk

This article analyzes modern technologies for supporting families in a socially dangerous situation. The work includes a theoretical substantiation of social protection methods and an applied sociological study conducted on the basis of the Center for Social Assistance to Families and Children in the Barun-Khemchiksky District (Republic of Tuva). The effectiveness of the center's specialists was assessed, key indicators of the effectiveness of the provided assistance were identified, and the specifics of the organization of social work in the regional context were determined.

Keywords: family, socially vulnerable family, children, social workers, social assistance, social assistance center for families and children, social patronage.

Семья, как основополагающий элемент общества, играет ключевую роль в формировании личности и обеспечении благополучия подрастающего

поколения. Однако, в современном мире все больше семей сталкиваются с проблемами, которые ставят их в социально опасное положение. Эти семьи, лишенные должного воспитания, ухода и защиты, нуждаются в комплексной профессиональной помощи [1]. Эффективность данной помощи напрямую зависит от качества работы специалистов социальных центров. Настоящая статья посвящена оценке специалистами социального центра организации помощи семьям в социально опасном положении, на примере Центра социальной помощи семье и детям Барун-Хемчикского района Республики Тыва.

Проблема социально опасных семей остается одной из самых острых в современном обществе. Количество таких семей растет, что требует постоянного совершенствования практик социальной работы и повышения профессиональной компетентности специалистов. Важно не только оказывать помощь, но и объективно оценивать результаты этой деятельности для ее дальнейшего улучшения. Данное исследование направлено на выявление оценки специалистами эффективности работы с семьями в социально опасном положении.

Специалисты «Центр социальной помощи семье и детям Барун-Хемчикского района» обладают значительным опытом работы, однако существуют объективные трудности, замедляющие процесс оказания помощи. К ним относятся: недостаток кадров, высокая нагрузка, низкая оплата труда, а также недостаточная материально-техническая база. Эти факторы напрямую влияют на качество и оперативность оказываемой помощи, создавая дополнительные барьеры для семей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Представления специалистов об эффективности деятельности неоднозначны. Большинство (75%) считают, что оказываемая помощь в целом эффективна, однако при этом отмечают, что положительные изменения носят временный характер [1]. Причиной такой ситуации чаще всего называют сохранение деструктивных моделей поведения в семьях, таких как злоупотребление алкоголем, и отсутствие у родителей мотивации к переменам. Это подчеркивает необходимость долгосрочной и комплексной работы, ориентированной на глубинное изменение ценностей и установок.

Специалисты предлагают ряд мер по повышению эффективности. Первостепенное значение уделяется усилению профилактической работы, направленной на раннее выявление семейного неблагополучия и предупреждение его развития. Предлагается также улучшить межведомственное взаимодействие, более тесно интегрируя усилия различных служб и ведомств. Важным аспектом является повышение квалификации сотрудников, в том числе освоение новых, инновационных технологий социальной работы, а также улучшение материального обеспечения специалистов.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что работа с семьями в социально опасном положении требует постоянного совершенствования. Необходимо не только наращивать усилия по оказанию непосредственной помощи, но и создавать условия для ее устойчивости и долгосрочности. Дальнейшее развитие системы социальной поддержки должно быть ориентировано на индивидуальные потребности каждой семьи, с учетом региональной

специфики и привлечением всех заинтересованных сторон.

Для достижения максимальной результативности, помимо уже озвученных мер, важно развивать систему наставничества и обмена опытом между специалистами, а также активизировать работу по привлечению добровольцев и общественных организаций. Комплексный подход, включающий социальную, психологическую, правовую и материальную поддержку, является ключом к успешной реабилитации семей и обеспечению благополучия детей.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120 последняя редакция – ФЗ : принят Государственной Думой 21 мая 1999 года – URL : - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/. – Текст : электронный.

2. Официальный портал Республики Тыва [Электронный ресурс] - URL: <https://rtyva.ru/>.

© А. Х. Ооржак, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 617-3

А. В. Пацеев¹, Е. А. Сущеня², О. А. Рудых³, Т. И. Терехович⁴
**СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ТЕРАПИИ
ПАЦИЕНТОВ С ГОНАРТРОЗОМ**

Учреждение здравоохранения «Поликлиника Национальной академии наук Беларуси», Республика Беларусь г. Минск¹

Учреждение образования «Белорусский государственный медицинский университет», г. Республика Беларусь г. Минск²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», Российская Федерация, г. Красноярск³

Государственное учреждение «Республиканский центр медицинской реабилитации и бальнеолечения», Республика Беларусь г. Минск⁴

Высокоинтенсивная лазерная и магнитная терапия позволяют проводить высококачественное восстановительное лечение гонартрозов, улучшает качество жизни и социальную активность пациентов.

Ключевые слова: гонартроз, высокоинтенсивная магнитотерапия, высокоинтенсивная лазеротерапия, качество жизни.

A.V. Patseev¹, E.A.Suschenya², O.A. Rudykh³, T.I.Tserakhovic⁴
**SOCIAL SIGNIFICANCE OF REHABILITATION THERAPY
FOR PATIENTS WITH GONARTHROSIS**

Healthcare Institution «Polyclinic of the National Academy of Sciences of Belarus», Republic of Belarus, Minsk¹

Educational Institution «Belarusian State Medical University», Republic of Belarus, Minsk²

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev», Russian Federation, Krasnoyarsk³

State Institution «Republican Center for Medical Rehabilitation and Balneotherapy», Republic of Belarus, Minsk⁴

This article discusses High-intensity laser and magnetic therapy enable high-quality restorative treatment of gonarthrosis, improving patients' quality of life and social activity.

Key words: gonarthrosis, high-intensity magnetic therapy, high-intensity laser therapy, quality of life.

Здоровье человека включает в себя несколько взаимосвязанных составляющих – психологическую, физическую и социальную. Физическое и психическое здоровье являются основными при оценке качества жизни человека и заботе о нем как о пациенте.

Высокое качество жизни позволяет человеку реализовывать свои планы, иметь активную жизненную позицию в любом возрасте. Увеличение продолжительности жизни, зачастую малая подвижность, нерациональное питание, приводящее к ожирению, являются предрасполагающими причинами для развития дегенеративно-дистрофических изменений в суставах. Остеоартрозы развиваются постепенно, зачастую не заметно для человека. При их прогрессировании возникает ограничение подвижности как из-за нарушений структуры суставов, так и из-за болевых ощущений. Все это приводит к снижению работоспособности и качества жизни. По данным ВОЗ, в 2020 году остеоартритом страдали 595 миллионов человек. при этом боли в суставах беспокоят 8 из 10 человек. В 365 миллионах случаев остеоартроз затрагивает коленный сустав (гонартроз), что делает гонартроз социально значимой проблемой [2].

Гонартроз относится к заболеваниям с неуклонным прогрессированием и возраст-ассоциированной патологией, приводящей к длительной нетрудоспособности и инвалидизации, что относится к социально-экономическому бремени.

В настоящее время нет лекарственных средств и технологий, способных полностью восстановить гиалиновый хрящ. Все лечение направлено на замедление дегенерации и частичное восстановление дефектов.

При лечении гонартрозов сегодня используются медикаментозные, физиотерапевтические и хирургические способы. Применение лекарственных средств является наиболее распространенным при назначении лечения. При этом зачастую лечение выполняется пациентами с нарушением рекомендаций: принимаются лекарственные средства не по рекомендации врача-специалиста или курс лечения является недостаточным. На это влияет и значительная стоимость медикаментов, которая является неприемлемой для пациента, тем более что прием препаратов требуется длительное время – от нескольких лет до пожизненного использования. Боль и нарушение подвижности приводят к нетрудоспособности, что влечет за собой социальные затраты со стороны государства. Лечение зачастую заменяется приемом обезболивающих препаратов. Все это приводит к накоплению отрицательного опыта лечения, оно расценивается как неэффективное и вызывает дальнейшее отрицание советов специалистов.

К сожалению, в настоящее время врачи многих специальностей недооценивают роль физиотерапевтического воздействия на организм при лечении остеоартрозов. Применение физиотерапии самостоятельно или в комплексе и с медикаментозным и хирургическим лечением позволяет обеспечить необходимую полноту при проведении профилактики, лечения и реабилитации пациентов с заболеваниями суставов. В настоящее время активно проводится поиск новых эффективных технологий лечения.

Одним из наиболее эффективных способов воздействия на пораженные суставы при гонартрозе является применение высокоинтенсивного воздействия – магнитного (SIS-терапия) или лазерного (HILT-терапия).

Несмотря на относительно высокую стоимость процедур по сравнению с общепринятыми физиотерапевтическими методами, SIS и HILT-терапия позволяют быстрее добиться у пациентов ремиссии, значительно замедлить

дегенеративные изменения в коленных суставах, тем самым уменьшить сроки временной нетрудоспособности и уровень инвалидности.

Наш опыт применения позволяет говорить не только о значительном снижении болевого синдрома и улучшения качества жизни, а и о снижении риска прогрессирования заболевания и развития инвалидности. Значительное сохранение эффекта после применения комбинированной SIS и HILT-терапии позволяет говорить о доступности данных физиотерапевтических методов лечения даже при их достаточно высокой стоимости. При этом стоимости, в несколько раз меньшей, чем при лечении медикаментозными средствами.

Также нами используются высокоинтенсивные методов физиотерапии до и после эндопротезирования коленных суставов. У пациентов сокращается период послеоперационного восстановления и уменьшает количество осложнений, а также снижается необходимость протезирования других суставов.

Вывод: проведение восстановительного лечения гонартроза с использованием высокоинтенсивных физиотерапевтических методов лечения представляется перспективным и социально значимым вопросом.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
2. Медиация как форма решения семейных конфликтов // Комитет по образованию Администрации города Санкт-Петербурга. – URL: <http://pu43spb.kobr.gov.spb.ru/images/vospitanie/Mediaciya-kak-forma-resheniya-semejnyh-konfliktov.pdf>

© А. В. Пацеев, Е. А. Сущенко, О. А. Рудых, Т. И. Терехович, 2026

УДК 316.62

А. Г. Петунина

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНОЙ И СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ
СО СТРАТЕГИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ У ЛИЦ ЗРЕЛОГО
ВОЗРАСТА**

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика
М.Ф. Решетнева,
Российская Федерация, г. Красноярск

Статья посвящена вопросам изучения взаимосвязи личностной и ситуативной тревожности со стратегиями поведения в конфликтных ситуациях у лиц зрелого возраста.

Ключевые слова: стратегии поведения, конфликт, зрелый возраст.

A. G. Petunina

**THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONAL AND SITUATIONAL
ANXIETY AND CONFLICT BEHAVIOR STRATEGIES AMONG MATURE
INDIVIDUALS**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article is devoted to studying the relationship of personal and situational anxiety with conflict behavior strategies in adults.

Keywords: behavioral strategies, conflict, maturity.

Последние пять лет стали для России периодом серьезных испытаний: пандемия COVID-19, напряженная внешнеполитическая обстановка, начало специальной военной операции, инфляционные процессы и, наконец, трансформация цифрового пространства. От такой насыщенности событиями в обществе растет напряжение и тревожность. И неудивительно, что, по данным ВОЗ, уже 4,4% населения Земли живут с тревожными расстройствами [5].

Особенно в этой связи важен период зрелости (35-60). Здесь мы сталкиваемся с возрастным кризисом взрослости (39-45 лет). В этот период тревога достигает пика, когда сталкивается со страхом смерти и сожалений об упущенных возможностях.

Кризис связан с оценкой прожитого этапа и вопросами признания, в сочетании с физическим угасанием, страхом перед будущим и социальными проблемами. Суть проблемы в том, что человек имея реальные и конкретные источники стресса, ипотека, развод, страх потерять работу – и это длится годами, психика начинает потихоньку обрывать «броней». Сначала избегание неприятного, потом перфекционизм. Эти паттерны фиксируются на уровне нейронов, и чем дальше, тем сложнее мозг переучить. Социум воспринимает тревожность как неоправданную слабость, а не как заболевание. Тревожность в возрасте (39-45 лет)

часто остается недиагностированной, так как списывается на физические недомогания, либо маскируется под соматические заболевания, проявляется в физических симптомах: тахикардия, головные боли, хроническая усталость. Люди годами лечатся у специалистов без успеха, что усиливает тревогу.

Таким образом, тревожность проникает во все сферы жизни: снижает работоспособность, мотивацию и когнитивные функции, подрывает самооценку, ухудшает качество жизни. В этих условиях овладение навыками саморегуляции, управления стрессом, умение отличать норму от патологии и заботиться о психологической гигиене становятся не просто полезными, а необходимыми.

Конфликты неотъемлемая часть жизни каждого человека. Проявляются при несовместимости интересов, целей и потребностей нескольких сторон. У Эриксона конфликт шире, чем просто ссора или столкновение между людьми. Это еще и тот самый дискомфорт внутри, без которого не обходится ни один этап взросления [1].

Каждая стадия жизни связана с кризисом и то, как человек разрешал кризисы в детстве и юности, влияет на его поведение во взрослых конфликтах. Поэтому тревожность в зрелом возрасте и выбор стратегий в конфликтах связаны с тем, насколько успешно человек прошел предыдущие стадии развития. Середина жизни – это момент, когда человек оборачивается назад и подводит первые серьезные итоги, что уже достигнуто за прошедшее время и задает вопрос себе: что еще можно успеть сделать в будущем? Если рассматривать прошлое, то может произойти переоценка ценностей и прежние цели и блага окажутся чуждыми, доставшимися высокой ценой, а то и вовсе бесполезными. Дети выросли и ушли из дома, происходит кризис идентичности со сменой ролей. Смотреть в будущее не приятно: там страх смерти, сожаления и депрессии. Эриксон выделяет главный конфликт: подведение итогов жизни. Человек не достигший целостности эго (принятие своей жизни как единственно возможной) испытывает экзистенциальную тревогу, которая сигнализирует: «ты не решил главные вопросы своей жизни, ты не успел, ты избегаешь того, что действительно важно». В этот момент возникает отчаяние, ощущение что жизнь прожита зря, время не вернуть назад. И эта тревога будет проявляться в реакциях на конфликты:

- избегание – чтобы не сталкиваться со своей несостоятельностью;
- соперничество – попытка доказать себе и другим что я еще чего-то стою;
- приспособление – из страха потерять последние значимые для человека отношения.

На стратегии поведения в конфликте так же влияет конфликт между стагнацией и генеративностью. Если человек пересмотрев свою жизнь приходит к выводу, что ничего хорошего в жизни не было, все усилия были напрасными, он чаще всего скатывается в стагнацию. Это сопровождается отсутствием мотивации, цели в жизни, возможности и желания ставить новые задачи. Генеративность создает желание оставить что-то после себя, передать знания новому поколению, способность испытывать и выдерживать трудности превращая их в опыт. Когда мы видим, что наши действия помогают другим или меняют мир к лучшему, появляется внутренняя удовлетворенность и наполненность. Это

глубокая психологическая потребность оставить что-то ценное после себя.

При генеративности человек склонен к сотрудничеству в конфликтах, он готов совместно искать решение, которое удовлетворит всех. При стагнации к избеганию или соперничеству, как компенсация потери смысла, защиты себя и своей идентичности.

Взаимосвязь личностной и ситуативной тревожности со стратегиями поведения в конфликте у лиц зрелого возраста мы изучали с помощью методики Томаса-Килманна на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации (адаптация Н.В. Гришиной) и шкалы оценки уровня реактивной и личностной тревожности (Ч.Д. Спилберг, Ю.Л. Ханин) [2].

Гипотеза нашего исследования: у лиц зрелого возраста с высоким уровнем личностной тревожности статистически значимо чаще встречаются неконструктивные стратегии поведения в конфликте (избегание, приспособление).

В исследовании приняли участие 20 человек в возрасте от 35-39 до 60 лет. Из них 16 женщин и 4 мужчин.

Сводные данные диагностики тревожности по шкале Спилбергера – Ханина представлены в Таблица 1 и

Рисунок 1.

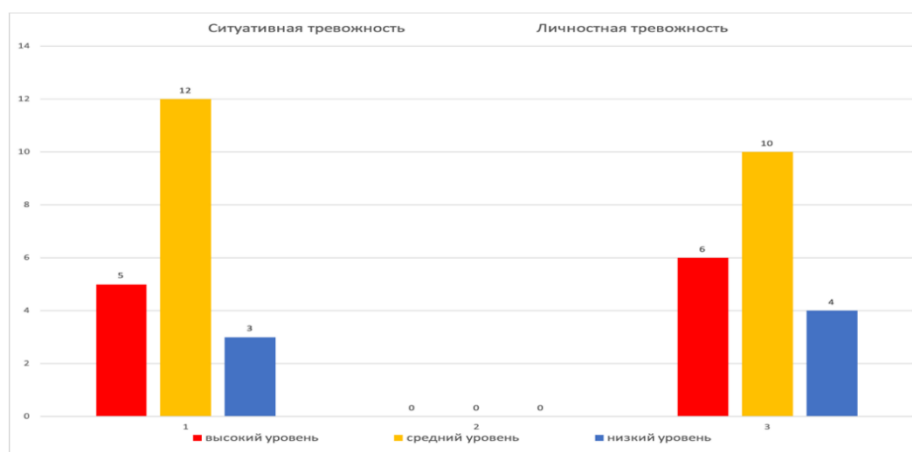

Рисунок 1 – Ситуативная и личностная тревожность по шкале тревожности Ч. Д. Спилбергера

Таблица 1 – Результаты тестирования по методике Спилбергера – Ханина

Уровень тревожности	Ситуативная тревожность (чел)	Личностная тревожность (чел)
Высокий	5	6
Средний	12	10
Низкий	3	4

Результаты исследования показали, что 6 человек обладают высоким уровнем личностной тревожности, все женщины. У них всегда присутствует постоянное ощущение внутреннего дискомфорта, недостаток уверенности в себе и постоянной угрозы своему благополучию. Высокая тревожность предполагает

склонность к появлению тревоги в ситуациях оценки своей компетентности. 10 человек обладают средним уровнем тревожности из них 2 мужчин и 8 женщин. В будущем у этих людей есть тенденция как к повышению уровня личностной тревожности, так и к уменьшению. Чтобы избежать увеличения личностной тревожности, важно создавать условия, способствующие укреплению уверенности в себе, развитию способности критически анализировать события, происходящие в их жизни и умению контролировать свои эмоциональные состояния. Низким уровнем личностной тревожности обладают 4 человека из них 2 мужчин и 2 женщин. Эти люди обладают внутренним состоянием комфорта и благополучия, они чувствуют себя уверенно, принимают себя и события в своей жизни. Но, низкая тревожность может иметь и обратную сторону медали, человек может совсем не переживать, даже когда это нужно. Такому человеку стоит развивать чувство ответственности – понимать, что от его действий зависят другие люди и результат. Внимательно относиться к своим мотивам деятельности – спрашивать себя: «почему я делаю это? действительно ли это важно?». Иногда бывает визуальный обман, человек кажется спокойным и уверенным, но на самом деле он просто вытесняет свою тревогу (прячет ее от себя), потому что боится выглядеть плохо. Ему важно показать себя в «лучшем свете» – тогда низкая тревожность играет роль защитной маски.

Высокий уровень ситуативной тревожности отмечен у 5 человек, все они женщины. Средний уровень ситуативной тревожности у 12 человек, из них 3 мужчины и 9 женщин. Низкий уровень у 3 человек, 1 мужчина и 2 женщины.

Для выявления стратегий поведения в конфликте у лиц зрелого возраста в данной выборке была проведена методика Томаса-Килманна в адаптации Н.В. Гришиной. Сводные данные диагностики по тесту Томаса-Килманна, *TKI* в адаптации Н.В. Шаньгина представлены в Таблица 2, Таблица 3, рисунок 2.

Таблица 2 – Связь высокой личностной тревожности со стратегиями поведения

№	соревнование	сотрудничество	компромисс	избегание	приспособление
1	0	8	7	6	9
2	2	8	9	7	4
3	4	8	8	4	6
4	6	6	8	5	5
5	4	6	10	5	5
6	2	6	8	2	12

Таблица 3 – Связь низкой личностной тревожности со стратегиями поведения

№	соревнование	сотрудничество	компромисс	избегание	приспособление
1	2	8	10	7	3
2	8	6	2	10	4
3	1	5	7	9	8
4	5	7	7	9	2

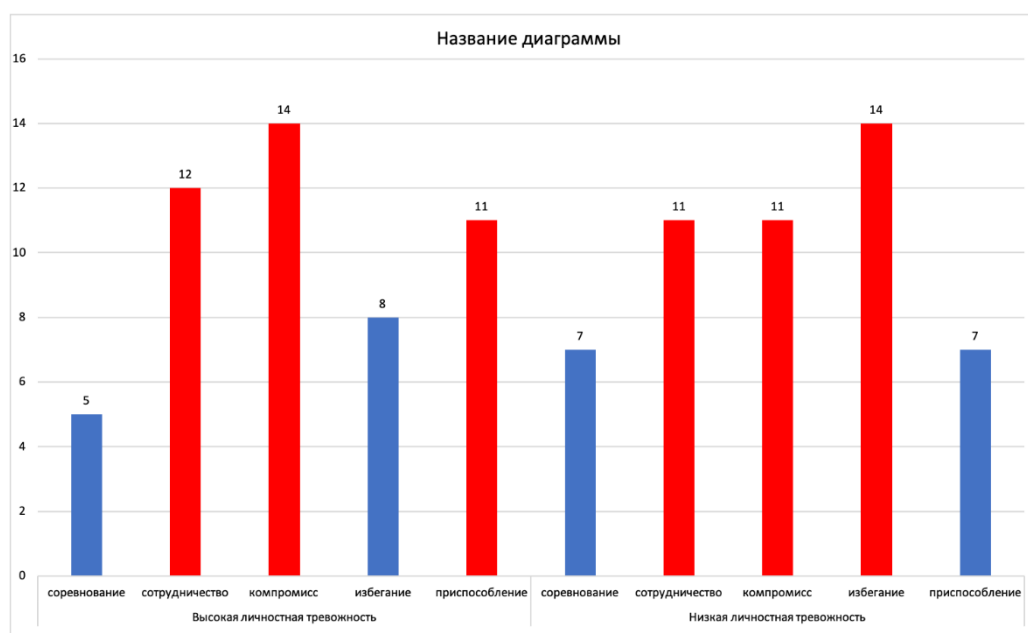

Рисунок 2 – Связь высокой и низкой личностной тревожности со стратегиями поведения

Результаты, приведенные на рисунке 2, говорят о том, что выбор в стратегии поведения у людей с высокой тревожностью и низкой, различен.

Самой часто используемой стратегией поведения в конфликте у респондентов с высокой тревожностью стала стратегия «компромисс» и «сотрудничество». Реже респонденты выбирали «приспособление», «избегание» и «соревнование». Такое выбор ответов, возможно связан с тем, что респонденты находятся в такой позиции, которая обязывает их общаться с людьми, поддерживать отношения на работе. В таких ситуациях выбор компромисса и сотрудничества является самым адаптивным вариантом и ведет к конструктивному разрешению конфликта. Самой часто используемой стратегией поведения в конфликте у лиц с низкой тревожностью стала стратегия «избегание», «компромисс» и «сотрудничество». Реже респонденты выбирали соревнование и приспособление. Возможно, выбор избегания связан с низкой значимостью (избегание как экономия ресурсов) или эмоциональной холодностью.

В результате проведенных исследований можно прийти к выводу, что высокая личностная тревожность не всегда ведет к дезадаптивному поведению. Трое испытуемых показали хорошие поведенческие стратегии в виде сотрудничества и компромисса. Это указывает на наличие компенсаторных механизмов. Тревожные испытуемые, обладающие навыками общения способны направлять энергию тревоги в конструктивное русло. Но в ряде случаев высокая личностная тревожность сочетается с пассивными, неэффективными стилями – это приспособление и избегание, но не связана с ними напрямую.

Таким образом гипотеза о прямой положительной связи высокой личностной тревожности с избеганием и приспособлением подтвердилась частично (на примере 30% выборки высокой тревожности).

Высокая тревожность может в равной степени сочетаться как с адаптивными (сотрудничество, компромисс) так и с неадаптивными стилями поведения.

Низкая личностная тревожность не является защитой от избегания в конфликте. Эффективным поведением в конфликте является гибкость стилей, а не уровень тревожности.

Библиографический список

1. Анциферова, Л. И. История жизни и личность Э. Эриксона – детерминанты его теории развития. / Л.И. Анциферова // Психологический журнал. – 2008. – №1. – С. 90-99. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_10120854_99705788.pdf (дата обращения: 16.04.2026).
2. Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов / А. Карелин – Москва : Манн, Эксмо, 2007. – 416 с.
3. Почему россияне стали тревожнее в 2025г. / Ю. Маляева – Текст : электронный // Ведомости. – 26. 12. 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2025/12/26/1166606-pochemu-rossiyane-stali-trevozhnee?from=copy_text (дата обращения: 16.04.2026).
4. Тревожные расстройства // Всемирная организация здравоохранения. – 8.09.2025. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/anxiety-disorders> (дата обращения: 16.04.2026).

© А. Г. Петунина, 2026

УДК 331.08

А. Д. Потылицына

Научный руководитель – П. Л. Полежаев

ФУНКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика
М.Ф. Решетнева, Российская Федерация, г. Красноярск

В статье проводится теоретико-практический анализ применения функций управления в социальных организациях. Рассматриваются сущность, содержание и современная трансформация классических управленческих циклов в условиях социально ориентированной деятельности. Особое внимание уделяется специфике планирования, организации, мотивации и контроля в некоммерческих, государственных и добровольческих структурах. Выявлены системные проблемы управленческой практики, снижающие результативность социальной работы.

Ключевые слова: функции управления, социальная организация, планирование, мотивация, контроль, эффективность управления, цифровизация социальной сферы.

A. D. Potylitsyna

Scientific supervisor - P. L. Polezhaev

FUNCTIONS OF MANAGEMENT IN A SOCIAL ORGANIZATION

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article presents a theoretical and practical analysis of the application of management functions in social organizations. The essence, content, and modern transformation of classical management cycles in socially oriented activities are examined. Particular attention is paid to the specifics of planning, organization, motivation, and control in non-profit, state, and volunteer structures. Systemic problems of management practice that reduce the effectiveness of social work are identified.

Keywords: management functions, social organization, planning, motivation, control, management efficiency, digitalization of the social sphere.

В современном динамично развивающемся обществе социальные организации играют ключевую роль в формировании, поддержании и трансформации социальной структуры, выступая важнейшим механизмом удовлетворения общественных потребностей и обеспечения устойчивого развития различных групп населения [1]. В условиях повышенной сложности социальных процессов, демографических сдвигов и трансформации государственной политики в сфере социального обслуживания изучение функций управления приобретает особую научную и практическую значимость [2]. От качества управленческого воздействия зависит не только достижение уставных целей конкретной организации, но и её способность своевременно адаптироваться к внешним вызовам,

рационально использовать ограниченные ресурсы и обеспечивать высокое качество предоставляемых услуг [3]. Управление в социальной сфере представляет собой сложный социально-психологический и организационный процесс, направленный на координацию усилий людей, согласование их интересов и трансформацию разрозненных действий в целенаправленную работу. Игнорирование или формальное исполнение управленческих функций неизбежно приводит к снижению эффективности, нецелевому расходованию средств, профессиональному выгоранию персонала и утрате доверия со стороны благополучателей [4]. Таким образом, глубокое понимание сущности, содержания и механизмов реализации функций управления выступает необходимым условием устойчивого функционирования социальных организаций в современных реалиях [5].

Понятие социальной организации охватывает целенаправленные объединения людей, сформированные для удовлетворения определённых общественных нужд или решения социальных задач [1]. Специфика таких объединений определяется их некоммерческой или социально-ориентированной природой, приоритетом общественного блага над извлечением прибыли, высокой степенью зависимости от внешней среды и необходимостью постоянной адаптации. В зависимости от правового статуса и источников финансирования социальные организации подразделяются на государственные, общественные и частные структуры, каждая из которых обладает уникальными особенностями функционирования [6]. Государственные учреждения опираются на бюджетное финансирование и действуют в рамках строго регламентированных нормативных требований, обеспечивая выполнение социальных гарантий на региональном и федеральном уровнях. Общественные организации формируются на добровольной основе, используют членские взносы, гранты и пожертвования, выступая посредниками между гражданами и властью. Частные социальные предприятия сочетают рыночные механизмы с социальной миссией, стремясь к финансовой самодостаточности при сохранении общественно полезной направленности [2]. По внутренней структуре организации могут быть бюрократическими, матричными, проектными или сетевыми, что обуславливает различные модели распределения полномочий и скорости принятия решений. Независимо от типологической принадлежности, все социальные организации объединяет общая сущность: целенаправленная координация действий участников на основе формальных и неформальных правил, обеспечивающая структурированное взаимодействие и эффективное использование ресурсов [7].

Сущность и содержание функций управления раскрываются через совокупность взаимосвязанных видов деятельности, направленных на обеспечение стабильного функционирования организации. Классический подход, заложенный А. Файолем, выделяет пять базовых функций: планирование, организацию, распорядительство, координацию и контроль [8]. В современной практике этот цикл трансформировался в более гибкую систему, включающую мотивацию, коммуникацию, инновации и принятие решений. Планирование выступает фундаментом управленческого процесса, предполагая определение миссии, стратегических целей, разработку программ действий и распределение ресурсов [10].

Организация обеспечивает создание эффективной структуры, распределение задач и установление чётких взаимосвязей между подразделениями, что позволяет избежать дублирования функций и повысить оперативность реагирования. Мотивация в социальной сфере имеет особую специфику: поскольку персонал и волонтеры часто руководствуются внутренними ценностями и стремлением к социальной справедливости, система стимулирования должна сочетать нематериальное признание, возможности профессионального роста и создание доверительной рабочей атмосферы [10]. Контроль завершает цикл, обеспечивая мониторинг выполнения планов, оценку эффективности реализуемых программ и своевременную корректировку деятельности на основе объективных данных [7]. Все эти функции образуют замкнутый процесс, в котором некачественное исполнение хотя бы одного элемента ведёт к сбою всей системы и снижению социального воздействия организации [3].

Практический анализ применения функций управления демонстрирует, как теоретические принципы воплощаются в реальных процессах учреждений различной правовой формы. На примере благотворительных фондов, реабилитационных центров и добровольческих движений прослеживается чёткая взаимосвязь между качеством управленческого воздействия и результативностью социальной работы. В фондах, ориентированных на помощь уязвимым категориям граждан, планирование носит долгосрочный характер и направлено на достижение устойчивых социальных изменений, при этом чётко определяется миссия и утверждаются бюджеты на основе принципа финансовой прозрачности [10]. Организация деятельности предполагает координацию работы специалистов, координаторов волонтерских программ и партнёрских учреждений, где важную роль играет делегирование полномочий и выстраивание горизонтальных связей. Мотивация добровольцев строится на признании их вклада, регулярных обучающих мероприятиях и формировании корпоративной идентичности, отражающей ценности сострадания. Контроль реализуется через публикацию отчётных документов, независимую оценку программ и сбор обратной связи, что обеспечивает подотчётность и укрепляет общественное доверие [5]. В государственных учреждениях социального обслуживания функции управления тесно интегрированы в нормативно-правовое поле: директор утверждает штатное расписание и смету, руководители подразделений несут ответственность за реализацию реабилитационных планов, а качество услуг контролируется через методические объединения и консилиумы. Общественные движения опираются на сетевую структуру, где региональные координаторы обеспечивают подбор участников, мониторинг активности и информационное сопровождение проектов [6]. Во всех случаях эффективное применение функций управления позволяет оптимизировать использование ресурсов, повышать качество услуг и достигать измеримых социальных результатов [5].

Несмотря на осознание важности управленческих функций, практика социальной сферы сталкивается с рядом системных проблем, снижающих общую эффективность. Одной из ключевых трудностей остаётся недостаточная ориентация на конечный результат и слабость систем оценки эффективности

управленческих кадров [4]. Нередко приоритет отдаётся отчётности о проведённых мероприятиях, а не достижению конкретных социальных показателей, что приводит к расплывчатости целей и субъективизму в оценке труда. Серьёзной проблемой выступает дефицит квалифицированных управленческих специалистов, сочетающих знания в области социальной работы с компетенциями в сфере стратегического планирования и проектного управления [10]. Традиционные образовательные программы часто разделяют отраслевую подготовку и менеджмент, не формируя у выпускников целостного понимания специфики руководства социальными учреждениями. Дополнительным фактором является недостаточно привлекательная система оплаты труда, высокая эмоциональная нагрузка и ограниченность карьерных траекторий, что выталкивает талантливых специалистов в коммерческий сектор. Не менее острой остаётся проблема неэффективной коммуникации между руководителями и подчинёнными: нечёткое формулирование задач, отсутствие обратной связи и закрытость в принятии решений порождают непонимание, дублирование функций и рост текучести кадров [10]. Распределение задач и ресурсов часто осуществляется без чёткого понимания приоритетов, что ведёт к перегрузке одних сотрудников, недоиспользованию потенциала других и снижению качества социального обслуживания [7].

Повышение эффективности управленческой деятельности в социальной сфере возможно через реализацию многоуровневой стратегии, сочетающей технологические, кадровые и организационные решения. Важнейшим направлением выступает цифровизация управленческих процессов, позволяющая заменить бюрократизированные процедуры гибкими, данными-ориентированными системами [18]. Создание единых информационных пространств, автоматизация документооборота и внедрение онлайн-платформ для подачи заявок позволяют руководителям оперативно отслеживать ключевые показатели, выявлять проблемные зоны и корректировать программы социальной поддержки. Параллельно необходимо развивать систему непрерывного повышения квалификации, внедряя программы, сочетающие отраслевые знания с современными методами управления, работой с KPI и системами сбалансированных показателей [2]. Формирование прозрачной организационной структуры, чётких регламентов и эффективных каналов обратной связи способствует снижению неопределённости и укреплению доверия внутри коллектива [4]. Внедрение культуры открытой коммуникации, регулярных совещаний и поощрения инициативы трансформирует управленческую среду из директивной в партнёрскую, что особенно важно в социальной сфере, где успех зависит от вовлечённости каждого участника. Дополнительно перспективным является развитие проектного управления, позволяющего гибко распределять ресурсы, ставить измеримые цели и оперативно адаптироваться к изменениям внешней среды [8; 16]. Комплексное применение этих мер создаёт условия для перехода от формального администрирования к результативному управлению, способному отвечать на вызовы современного общества [1; 5].

Библиографический список

1. Акимова, Ю. Н. Управление организацией : учебник и практикум для вузов / Ю. Н. Акимова. – Москва : Юрайт, 2025. – 364 с.
2. Благотворительный фонд «Подари жизнь» : официальный сайт. – URL: <https://podari-zhizn.ru/ru/who-we/komanda/pravlenie> (дата обращения: 09.12.2025).
3. Богданов, А. А. Социология организаций : учебник для вузов / А. А. Богданов, В. И. Зубков. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 414 с.
4. Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики» : официальный сайт. – URL: <https://волонтеры-медики.рф/> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Восколович, Н. А. Типология организаций : учебник и практикум для вузов / Н. А. Восколович, Е. Н. Жильцов, С. Д. Еникеева. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 338 с.
6. Дроздов, В. Н. Типы социальных организаций : учебник для вузов / В. Н. Дроздов, Г. А. Тимофеева. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 210 с.
7. Жучев, В. П. Управление персоналом организации : учебник и практикум для вузов / В. П. Жучев. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 523 с.
8. Краевое государственное бюджетное учреждение социального обслуживания «Реабилитационный центр для детей-инвалидов, детей и подростков с ограниченными возможностями «Радуга» : официальный сайт. – URL: <http://www.grcr.ru/> (дата обращения: 11.12.2025).
9. Леонова, Л. М. Управление персоналом : учебник и практикум для вузов / Л. М. Леонова. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 243 с.
10. Пригожин, А. И. Развитие организаций : учебник для бакалавриата / А. И. Пригожин. – Москва : Ленанд, 2022. – 267 с.

© А. Д. Потылицына, 2026

УДК 364.4

А. А. Попова

Научный руководитель – П. Л. Полежаев

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ**

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика
М.Ф. Решетнева, Российская Федерация, г. Красноярск

В статье рассматривается управленческая модель системы социальной поддержки участников специальной военной операции и членов их семей, обоснована актуальность перехода от разрозненных мер помощи к комплексному, проактивному сопровождению. Представлены результаты внедрения единой цифровой платформы, института социальных координаторов и межведомственного взаимодействия в пилотных регионах. В работе также освещены существующие организационно-управленческие барьеры и направления оптимизации системы сопровождения.

Ключевые слова: участник СВО, социальная поддержка, управленческая модель, межведомственное взаимодействие, цифровизация, социальный координатор, эффективность сопровождения.

A. A. Popova

Scientific supervisor – P. L. Polezhaev

**MANAGERIAL ASPECTS OF SOCIAL SUPPORT FOR SMO
PARTICIPANTS AND THEIR FAMILIES**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article examines the management model of the social support system for participants in special military operations and their family members, and substantiates the relevance of transitioning from fragmented assistance measures to comprehensive, proactive support. The article presents the results of the implementation of a unified digital platform, the institution of social coordinators, and interagency cooperation in pilot regions. The article also highlights the existing organizational and managerial barriers and areas for optimizing the support system.

Keywords: SMO participant, social support, managerial model, interagency interaction, digitalization, social coordinator, support efficiency.

В современных условиях система социальной работы с участниками специальной военной операции (далее – СВО) и их семьями требует принципиально новой управленческой архитектуры. Традиционные модели поддержки, ориентированные на реактивное сопровождение, не отвечают масштабам и динамике текущей ситуации. По данным Минтруда России, число участников СВО и членов их семей, нуждающихся в адресной помощи, превышает 1,2 млн человек [7].

Ключевым фактором эффективности становится не объём выделяемых ресурсов, а качество организации межведомственного взаимодействия, чёткость распределения полномочий и наличие сквозных механизмов контроля [2]. В ходе исследования выявлено, что без выстраивания единого управленческого контура даже масштабные меры поддержки рискуют остаться разрозненными и не дойти до адресата в нужный момент [5].

Практическим примером трансформации управленческих процессов стало создание единого цифрового сервиса «Меры поддержки участникам СВО» на портале «Госуслуги», оператором которого выступает Государственный фонд «Защитники Отечества» при поддержке Минцифры России [1]. Данный сервис позволяет в режиме «одного окна» подавать заявления на федеральные и региональные меры поддержки, отслеживать статус обращения и получать консультации. Параллельно развивается институт социальных координаторов, закреплённых за каждым участником СВО на уровне регионов [2].

С 2024 года реализуется переход к адаптивным индивидуальным программам реабилитации (далее – ИПР). Цифровая карта сопровождения, формируемая автоматически при регистрации, обеспечивает сквозную идентификацию и сокращает сроки межведомственного согласования с 20–30 рабочих дней до 3–5 суток [3]. Особую роль играет персонализация: координатор, закреплённый за каждым участником, несёт ответственность за весь маршрут сопровождения. Важно, что более 50% координаторов сегодня составляют ветераны СВО, прошедшие профильную подготовку, что существенно повышает уровень доверия и снижает коммуникационные барьеры [2]. Эффективность внедряемых управленческих решений наглядно демонстрирует динамика ключевых показателей системы поддержки (табл. 1).

Таблица 1 – Показатели системы социальной поддержки участников СВО в Российской Федерации (2023–2025 гг.) [1].

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г. (накопленный итог)
Охват мерами поддержки (участники СВО и члены семей)	450 тыс. чел.	1,2 млн чел.	>1,8 млн чел.
Прошедшие бесплатное профессиональное переобучение	5,8 тыс. чел.	12,5 тыс. чел.	19,3 тыс. чел.
Предоставленные высокотехнологичные протезы	2,3 тыс. ед.	4,5 тыс. ед.	7,1 тыс. ед.
Доля положительно решённых обращений в Фонд «Защитники Отечества»	94%	96%	96,5%
Получившие медицинскую помощь через Фонд	95 тыс. чел.	175 тыс. чел.	280 тыс. чел.
Получившие психологическую помощь	35 тыс. чел.	60 тыс. чел.	92 тыс. чел.

Особое направление в системе медицинской реабилитации участников СВО занимает челюстно-лицевая хирургия, поскольку минно-взрывные ранения данной области требуют высокотехнологичной помощи и длительного

восстановительного периода. Ведущую роль в оказании такой помощи играет Федеральное государственное бюджетное учреждение Национальный медицинский исследовательский центр «Центральный научно-исследовательский институт стоматологии и челюстно-лицевой хирургии» (далее – ФГБУ НМИЦ «ЦНИИСиЧЛХ») Министерства здравоохранения Российской Федерации, где с 2023 по 2026 год выполнено более 20 операций и проведено свыше 25 консультаций для военнослужащих, получивших тяжёлые ранения в ходе СВО [8]. В регионах, включая Красноярский край, важную функцию выполняет медико-производственный центр «Эпитетика» – единственный в Сибири центр, применяющий уникальную технологию лицевого протезирования на аттрактантах (магнитной фиксации), что обеспечивает пациенту комфорт и гигиеничность в отличие от традиционного крепления на клей [10].

С управленческой точки зрения ключевой проблемой является вовлечение частных клиник в систему государственной поддержки, поскольку большинство профильных центров, включая «Эпитетику», имеют негосударственную форму собственности. Механизм взаимодействия регулируется Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который гарантирует участникам СВО право на внеочередное получение медицинской помощи по программе обязательного медицинского страхования (далее – ОМС) в любой медицинской организации, включая частные, при наличии соответствующего договора с территориальным фондом ОМС [9]. Оплата услуг частных клиник осуществляется через систему субсидий на иные цели, предоставляемых из федерального бюджета региональным органам исполнительной власти, либо через механизм социального сертификата, позволяющего участнику СВО самостоятельно выбрать организацию-исполнителя реабилитации [7].

Дополнительным инструментом привлечения негосударственного сектора выступает взаимодействие с Государственным фондом «Защитники Отечества», который заключает договоры с аккредитованными медицинскими организациями на оказание реабилитационных услуг, в том числе челюстно-лицевого протезирования, за счёт средств целевых субсидий [1]. Однако на практике реализация данных механизмов затруднена административными ограничениями: длительной процедурой аккредитации частных клиник, несогласованностью отчётных требований между Минздравом, Фондом и региональными ведомствами, а также отсутствием единого перечня организаций, оказывающих высокотехнологичную помощь участникам СВО [8].

В целом, несмотря на масштабное внедрение цифровых сервисов и института социальных координаторов, инфраструктура поддержки продолжает сталкиваться с организационно-управленческими дисфункциями. Во-первых, сохраняется ведомственная разобщённость информационных баз: реестры Министерства обороны, органов социальной защиты и медицинских учреждений функционируют автономно, что провоцирует дублирование функций или утрату сведений о заявителях на этапе их маршрутизации [7]. Во-вторых, мониторинг эффективности носит преимущественно формальный характер, фокусируясь на

количественных метриках (объём оформленных выплат, число выданных заключений), тогда как качественные показатели – уровень снижения симптомов посттравматического стрессового расстройства, сохранение семейных связей, успешная профессиональная реинтеграция – не отслеживаются в едином контуре оценки [5]. Особую сложность представляет сопровождение добровольцев, не прошедших стандартную процедуру оформления статуса, которые вынуждены самостоятельно преодолевать бюрократические процедуры [3].

Оптимизация системы требует комплексных управленческих решений. Необходима полная интеграция информационных баз через единый реестр участников СВО с автоматической привязкой к единой государственной информационной системе социального обеспечения и государственной информационной системе в сфере здравоохранения. Важно перейти к риск-ориентированному планированию нагрузки на региональные центры, чтобы избежать перегрузки в периоды массовой ротации. Требуется внедрить систему обратной связи, основанную не только на «горячих линиях», но и на регулярных фокус-группах с участием семей участников СВО и независимых модераторов из некоммерческих организаций [6]. Как показал опыт ряда регионов, внедрение «временного статуса» на 90 дней при наличии косвенных доказательств участия в операции позволяет начать помощь до завершения бюрократических процедур, что критически важно в кризисный период [5].

Таким образом, эффективность социальной поддержки участников СВО определяется качеством управленческой архитектуры. Цифровизация, персональное координирование и системное межведомственное взаимодействие позволяют перейти от реактивного «погашения кризисов» к проактивному, человекоцентричному сопровождению, ориентированному на устойчивую социальную интеграцию.

Библиографический список

1. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный сайт. – 2026. – URL: <https://mintrud.gov.ru/> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Ульянина О. А. Организация системы межведомственного адресного сопровождения участников СВО и членов их семей / О. А. Ульянина, Н. Н. Дмитриева, Р. А. Прокопишин // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии: материалы V Всероссийской научно–практической конференции. – Екатеринбург: Уральский университет, 2023. – С. 76.
3. Российская Федерация. Приказы. Об утверждении требований к социальным координаторам, включая требования к их подготовке, и правила их деятельности: Приказ Минтруда России № 429н: принят 28 марта 2023 года // Контур Норматив: справочно-правовая система. – URL: <https://normativ.kontur.ru> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Российская Федерация. Указы. О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества»: Указ Президента РФ № 232: принят 3 апреля 2023 года // Государственный фонд

«Защитники Отечества». – URL: <https://fzo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

5. Российская Федерация. Приказы. Об утверждении порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм: Приказ Минтруда России № 486н: принят 13 июня 2017 года // Контур Норматив: справочно-правовая система. – URL: <https://normativ.kontur.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

6. Государственный фонд «Защитники Отечества»: ключевые показатели работы. – 2026. – URL: <https://fzo.gov.ru/otchety/> (дата обращения: 02.05.2026). –

7. Министерство обороны Российской Федерации: официальный сайт. – 2026. – URL: <https://sc.mil.ru/social/safety.htm> (дата обращения: 02.04.2026). –

8. ФГБУ НМИЦ «ЦНИИСиЧЛХ» Минздрава России: официальный сайт. – 2026. – URL: <https://cniis.ru/> (дата обращения: 21.04.2026).

9. Российская Федерация. Законы. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323-ФЗ: принят Государственной Думой 11 ноября 2011 года // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2026).

10. Медико-производственный центр «Эпитетика»: официальный сайт. – Красноярск, 2026. – URL: <https://epitetika.ru/> (дата обращения: 21.04.2026). –

© А. А. Попова, 2026

УДК 159.9:316.48

В. В. Пфунд, П. Л. Полежаев
**СЕМЕЙНЫЕ И РОЛЕВЫЕ КОНФЛИКТЫ У ВАХТОВЫХ
РАБОТНИКОВ:
ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ**

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика
М.Ф. Решетнева, Российская Федерация, г. Красноярск

В статье проводится теоретико-прикладной анализ специфики возникновения семейных и ролевых конфликтов у работников, осуществляющих трудовую деятельность вахтовым методом. Выявлены основные причины этих конфликтов, такие как дефицит общения и нарушение привычного семейного уклада. Для их решения предложен поэтапный алгоритм социальной помощи: от профилактики до поддержки при возвращении домой и взаимодействия с работодателем. Обосновывается важная роль социального работника как координатора, помогающего сохранить стабильность в семье вахтовика.

Ключевые слова: вахтовый метод, семейный конфликт, ролевой конфликт, социальное сопровождение, технологии социальной работы, медиация, социальный работник, системный подход, эмоциональное отдаление

V. V. Pfund, P. L. Polezhaev
**FAMILY AND ROLE CONFLICTS AMONG FIFO WORKERS:
SOCIAL SUPPORT TECHNOLOGIES**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article provides a theoretical and applied analysis of the specifics of family and role conflicts among workers who work on a rotational basis. The main causes of these conflicts, such as a lack of communication and disruption of the usual family structure, have been identified. To address these issues, a step-by-step algorithm for social assistance has been proposed, ranging from prevention to support upon return home and collaboration with the employer. The article highlights the crucial role of the social worker as a coordinator who helps maintain stability in the family of a rotational worker.

Keywords: shift work, family conflict, role conflict, social support, social work technologies, mediation, social worker, systemic approach, emotional distancing

В современном мире люди часто переезжают ради учебы или карьеры. Именно поэтому вахтовый метод стал для компаний одним из самых выгодных способов работать в отдаленных регионах, куда сложно привлечь специалистов. Однако данный формат трудовой занятости выступает сильным стрессом и нарушает баланс между работой и семьей. Традиционное представление о вахте как о сугубо финансово привлекательном решении игнорирует скрытые

деструктивные процессы внутри семейной системы, где длительное разделение супругов порождает глубокие ролевые противоречия. Раньше считалось, что семья вахтовика просто «привыкает» к такому графику работы. Сейчас же мы понимаем, что это сложная и постоянно меняющаяся система, которая закономерно проходит через свои кризисы [3].

Актуальность этой темы заключается в том, что социальным работникам всё чаще нужны конкретные и понятные методы помощи для семей, находящихся в условиях повышенного риска разрушения из-за долгих разлук. Современному специалисту важно понимать, почему в таких семьях растет напряжение и как помочь им конструктивно договориться [1].

Цель данной работы – разобраться, какие именно проблемы возникают у вахтовых рабочих и их семей, и предложить комплексную модель их социального сопровождения. Для достижения этой цели необходимо объяснить, почему старые взгляды на адаптацию семьи уже не работают, показать причины ролевых конфликтов у вахтовиков, выделить главные проблемы, которые создает долгая разлука, и систематизировать методы социальной помощи на разных этапах вахтового цикла. Объектом исследования являются изменения в семейных отношениях вахтовиков, а предметом – конкретные технологии социальной помощи и преодоления конфликтов в их семьях [8].

Раньше в отечественной науке стабильность семьи оценивали по тому, насколько постоянно супруги живут вместе и непрерывно выполняют свои семейные роли. Однако системный подход позволяет рассмотреть семью вахтовика как единый организм, где все части тесно связаны между собой и влияют друг на друга [6]. Главной сложностью в такой ситуации становится ролевой конфликт. Дело в том, что работнику приходится мгновенно переключаться между двумя совершенно разными режимами жизни. На вахте он вынужден подчиняться строгой дисциплине, правилам и сдерживать свои эмоции. А вернувшись домой, он сталкивается с ожиданием тепла, участия и активного общения, что требует серьезной психологической перестройки. Этот переход проходит очень непросто: даже небольшое недопонимание при встрече может спровоцировать череду взаимных упреков и быстро превратить обычную бытовую ссору в серьезный конфликт вплоть до развода. Именно поэтому социальному работнику важно разбираться в этих процессах, чтобы грамотно выбирать методы помощи и снижать уровень напряжения в семье [2].

Вторая серьезная проблема – это нехватка нормального общения из-за того, что семья вынуждена жить врозь. Звонки по строгому расписанию, плохая связь в удаленных регионах и сильная усталость после тяжелой смены мешают супругам полноценно делиться друг с другом важными чувствами и новостями [4]. Третья проблема связана с бытом. Пока вахтовик работает, его супруг(а) вынужден(а) в одиночку справляться со всеми домашними делами, воспитанием детей и решением финансовых вопросов, что приводит к сильному переутомлению. Когда вахтовик возвращается домой, часто возникает конфликт: он рассчитывает на заслуженный долгий отдых, а его партнер, измотанный бытом, ждет, что тот сразу включится в домашние дела и поможет по хозяйству. Наконец,

четвертая проблема – это постепенное эмоциональное отдаление друг от друга. Привыкая жить без одного из родителей, дети и супруги начинают справляться со всем самостоятельно. Из-за этого семья теряет навык принимать решения вместе, и каждый начинает жить своей отдельной, обособленной жизнью [5].

Чтобы эффективно решать и предотвращать эти проблемы, необходимо использовать различные методы социальной помощи, которые четко разделены по этапам вахтового цикла. Если рассматривать семейный кризис не как застывшую проблему, а как развивающийся процесс, это позволяет специалисту вовремя замечать изменения в атмосфере семьи и правильно на них реагировать [9]. Чтобы упорядочить все практические инструменты, автором была разработана комплексная модель помощи социального работника, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Матрица технологий социального сопровождения на различных этапах вахтового цикла

Этап вахтового цикла	Содержание и технологии работы	Ожидаемый социальный эффект
1. До отъезда (Профилактика)	Беседа о том, как спланировать жизнь в разлуке; раздача памяток для семьи; объяснение, куда обращаться за юридической и социальной помощью.	Семья меньше нервничает перед отъездом, супруги заранее договариваются о правилах общения на расстоянии и морально готовятся к расставанию.
2. Во время вахты (Поддержка на расстоянии)	Удаленные консультации по телефону и в мессенджерах; быстрая помощь в экстренных ситуациях; связь с юристами, психологами и соцзащитой.	Помогает быстро снять сильный стресс у супруга, оставшегося дома, и не дает мелким недомолвкам перерасти в серьезную ссору.
3. После возвращения (Реадаптация)	Беседа о мягком возвращении к быту; помощь в оформлении льгот и справок; направление к психологу или в группу поддержки при необходимости.	Помогает избежать резких бытовых ссор в первые дни и дает возможность плавно вернуться к своим семейным ролям.
4. Взаимодействие с работодателем (Организационный уровень)	Предложения ввести «семейные часы» для связи с домом; просьба сделать первые дни после вахты более щадящими; информирование работников о доступной помощи.	На предприятии создается более человечная атмосфера, работники меньше увольняются и чувствуют заботу компании об их семьях.

Предложенная модель помогает социальному работнику не просто ждать возникновения проблем, а заранее их предотвращать и грамотно управлять ситуацией. На этапе подготовки к отъезду специалист выступает как помощник и наставник, объясняя семье, как правильно поддерживать общение на расстоянии. Во время самой вахты главной задачей становится психологическая поддержка и быстрая помощь в кризисных ситуациях, чтобы мелкие бытовые ссоры не переросли в серьезный конфликт или развод. Когда вахтовик возвращается домой, фокус смещается на помощь семье в мягком возвращении к обычной жизни и справедливом перераспределении домашних обязанностей. Также очень важно

работать на уровне предприятия: когда социальные службы и руководство компании действуют сообща, это создает надежную внешнюю поддержку, которая помогает сохранить стабильность и мир внутри семьи. Кроме того, использование законных методов медиации (посредничества) подтверждает, что в решении семейных проблем гораздо важнее не применять формальные наказания, а учиться грамотно выстраивать диалог между людьми [7].

Анализ проблемы позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, семейные конфликты у вахтовиков возникают из-за того, что супругам тяжело справляться с резкой сменой ролей, им не хватает живого общения, и нарушается привычный домашний уклад. Во-вторых, решить эти проблемы можно только с помощью постоянной и поэтапной помощи социального работника, которая должна начинаться еще до отъезда вахтовика и продолжаться после его возвращения домой. В-третьих, главная польза такого подхода в том, что специалист помогает наладить общение внутри семьи, выступая не просто наблюдателем, а активным помощником и связующим звеном между семьей, работодателем и социальными службами. В будущем эту работу можно улучшить за счет создания удобных мобильных приложений для быстрой онлайн-помощи вахтовикам и внедрения специальных программ поддержки семей прямо на добывающих предприятиях.

Библиографический список

1. Анцупов, А. Я. Конфликтология : учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – Москва : Юрайт, 2023. – 586 с..
2. Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – Санкт-Петербург : Питер, 2018. – 461 с.
3. Серкин, В. П. Специфика реализации функций семьи при работе мужа вахтовым или сезонным методом / В. П. Серкин // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (20). – С. 146–155.
4. Вацлавик, П. Прагматика человеческих коммуникаций / П. Вацлавик, Д. Д. Бивин, Д. Д. Джексон. – Москва : Смысл, 2000. – 336 с.
5. Силин, А. Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири / А. Н. Силин. – Текст : электронный // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4 (40). – С. 109-123. – DOI 10.15838/esc/2015.4.40.7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-aspekty-vahtovogo-truda-na-territoriyah-severa-zapadnoy-sibiri> (дата обращения: 11.05.2026).
6. Симонова, Н. Н. Адаптация к работе вахтовым методом в экстремальных условиях Крайнего Севера : учебное пособие / Н. Н. Симонова. – Архангельск : САФУ, 2014. – 170 с. – ISBN 978-5-261-00899-6. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/96584> (дата обращения: 10.05.2026).
7. Смирнова, Е. А. Медиация и системный подход : теория и практика / Е.А. Смирнова. – Москва : Новая школа, 2020. – 288 с.
8. Федорова, Ю. А. Психологическое сопровождение развития

личности профессионала в условиях работы вахтовым методом / Ю. А. Федорова, Г. И. Гизатуллина // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 71-3. – С. 379–384.

9. Сысоев, В. В. Динамика конфликта в организации / В. В. Сысоев. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 208 с.

© В. В. Пфунд, П. Л. Полежаев, 2026

УДК 316.6

З. Д. Ращупкина, А. И. Манченко

Научный руководитель – И. В. Малимонов

**ПРОБЛЕМА РАННЕЙ БЕРЕМЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В
СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Сибирский институт бизнеса, управления и психологии,
Российская Федерация, г. Красноярск

В статье рассматривается такое противоречивое явление в брачно-семейных отношениях как ранняя беременность. Раскрывается проблема ранней беременности несовершеннолетних в современном обществе. Рассматривается вопрос отношения общества к беременности несовершеннолетних.

Ключевые слова: ранняя беременность, семья, родительское влияние, общественное мнение, профилактика ранней беременности

Z. D. Rashchupkina, A. I. Manchenko

Scientific supervisor - I. V. Malimonov

THE PROBLEM OF EARLY PREGNANCY IN MINORITY SOCIETY

Siberian Institute of Business, Management and Psychology,
Russian Federation, Krasnoyarsk

The article examines such a controversial phenomenon in marital and family relations as early pregnancy. It reveals the problem of early pregnancy among minors in modern society. The article also examines the attitude of society towards the pregnancy of minors.

Key words: early pregnancy, family, parental influence, public opinion, prevention of early pregnancy

В современном мире тема ранней беременности из года в год является одной из самых обсуждаемых. Проблема же ранней беременности традиционно рассматривается обществом сквозь призму медицины или социальной защиты, однако за статистическими данными и физиологическими рисками часто упускается из виду главное – личность самого подростка, его внутренний мир и психологическое состояние. Отношение к ранней беременности представляет собой сложный социально-психологический феномен, который формируется под влиянием множества факторов: от семейных ценностей и культурных традиций до стереотипов, транслируемых в медиaprостранстве.

В современной научной литературе под ранней беременностью принято понимать состояние гестации, наступившее у девушек в возрасте от 13 до 18 лет. Данный возрастной период характеризуется активной гормональной перестройкой и завершением физического созревания, однако, несмотря на появление менструации, организм девушки остается функционально незрелым для полноценного вынашивания плода и родоразрешения. В связи с этим беременность в столь

юном возрасте классифицируется как состояние повышенного риска как для здоровья матери, так и для будущего ребенка [2, с. 12].

Интерес представляет тот факт, что само понятие «ранняя беременность» является относительно новым для человеческой цивилизации. Исторически, на протяжении многих столетий, деторождение начиналось сразу с наступлением физиологической способности к зачатию. Однако социальные условия того времени кардинально отличались от современных: высокая смертность, иной уклад жизни и отсутствие альтернатив материнству делали ранние роды биологической необходимостью. В настоящее время, в условиях развитого общества и изменения социальных ролей женщины, беременность у несовершеннолетних рассматривается как серьезная медико-социальная и психологическая проблема [4, с. 312-315].

Акселерация привела к тому, что период полового созревания сместился на более ранний возраст (11–13 лет), в то время как социальная зрелость и психологическая готовность к родительству наступают значительно позже. Согласно данным социологических исследований, значительная часть беременностей в подростковом возрасте является незапланированной. Например, в мировой практике фиксируется высокий процент случаев наступления беременности у девушек младше 16 лет, при этом подавляющее большинство из них не были желанными [1, с. 238].

В общественном сознании долгое время существовал стереотип, что ранняя беременность – это удел девушек из неблагополучных и асоциальных семей. Современные реалии опровергают это утверждение. В настоящее время специалисты все чаще сталкиваются с «социальным дисбалансом»: подростки из финансово обеспеченных семей оказываются не менее уязвимыми. Отсутствие родительского внимания, компенсируемое материальными благами и вседозволенностью, зачастую приводит к более раннему началу половой жизни и пренебрежению средствами контрацепции, чем в семьях с более строгим контролем [3, с. 48].

Одной из ключевых граней проблемы является психологическая неготовность девушки к взаимодействию с взрослым миром в кризисной ситуации. Столкнувшись с беременностью, подросток часто испытывает страх и чувство вины, что провоцирует сокрытие факта беременности на ранних сроках и отказ от своевременного обращения к специалистам. Корень данной проблемы кроется в нарушении детско-родительских отношений: если девушка заранее уверена в негативной и агрессивной реакции семьи на новость о беременности, она будет откладывать разговор до последнего, лишая себя и плода необходимого медицинского наблюдения.

Принятие решения в такой ситуации требует деликатного подхода. Психологическое давление и ультиматумы со стороны родителей недопустимы, так как прерывание первой беременности в подростковом возрасте чревато тяжелыми последствиями для репродуктивной системы, вплоть до необратимого бесплодия, что в будущем станет для девушки тяжелой психологической травмой [3, с. 51].

Помимо медицинских рисков, ранняя беременность порождает целый комплекс социально-психологических проблем, которые зачастую оказывают более разрушительное влияние на личность, чем физиологические трудности:

1. Кризис в семейной системе. Страх перед осуждением заставляет девушку изолироваться от родных. Даже в семьях с благоприятным климатом возникает напряжение, связанное с появлением нового члена семьи, нередко развивается негласное соперничество между матерью и дочерью за право ухаживать за младенцем, что стирает ролевые границы.

2. Отношения с отцом ребенка. Юноши в силу возрастного инфантилизма и социальной незрелости тяжело переживают груз ответственности. Статистика показывает, что более 70% таких союзов распадаются в первые годы жизни ребенка, оставляя девушку один на один с проблемами.

3. Социальная изоляция. Молодые матери нередко сталкиваются с общественным осуждением, стигматизацией и разрывом социальных связей. Уход из школы и потеря контакта со сверстниками усиливают чувство изоляции. Экономические трудности, обусловленные отсутствием стабильного дохода, создают предпосылки для формирования «ловушки бедности», из которой сложно выбраться без посторонней помощи [6, с. 512 -514].

4. Образовательные и профессиональные проблемы. Беременность и уход за ребенком вынуждают большинство девушек прерывать обучение. Отсутствие аттестата о среднем образовании или профессиональной подготовки существенно ограничивает их возможности на рынке труда, что в долгосрочной перспективе приводит к низкому социально-экономическому статусу и зависимости от государственной поддержки или родственников.

5. Личностные деформации. Столкновение с осуждением и моральным давлением со стороны общества приводит к снижению самооценки, формированию устойчивого чувства одиночества, «инакости» и ненужности.

6. Риски для развития плода и ребенка. Психологическая нестабильность матери, ее растерянность и перенесенный стресс в период беременности могут негативно сказаться на формировании привязанности к ребенку. Впоследствии пережитые трудности могут проецироваться на стиль воспитания, делая его излишне жестким или противоречивым [1, с. 180-182].

Таким образом, беременность в возрасте до 18 лет представляет собой сложное многокомпонентное явление. Она нежелательна не только из-за высокого риска соматических осложнений, но и вследствие глубокого психологического кризиса, который переживает несовершеннолетняя. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире около 17 миллионов девушек младше 18 лет становятся матерями, причем значительная часть беременностей наступает вопреки желанию самих подростков. Актуальность проблемы подтверждается необходимостью комплексного подхода к ее решению, включающего не только медицинское просвещение, но и психологическую поддержку. Для понимания глубинных причин данного явления необходимо детально рассмотреть психологические особенности подросткового возраста, что и будет сделано в следующем параграфе.

Анализ научной литературы позволяет выделить комплекс взаимосвязанных факторов, способствующих наступлению беременности в подростковом возрасте. Данные факторы имеют как социальную, так и психологическую природу:

1. Первой причиной является низкий уровень сексуального просвещения. Подростки зачастую не обладают системными знаниями о физиологии репродуктивной системы, механизмах действия контрацептивных средств и последствиях незащищенных половых контактов. Определенный прогресс в снижении числа подростковых беременностей в России наметился в 1990-е годы, что было связано с так называемой «контрацептивной революцией» и расширением доступа к информационным ресурсам, включая интернет. Тем не менее, существующая система полового воспитания остается фрагментарной, и несовершеннолетние по-прежнему испытывают дефицит достоверных знаний о сексуальной безопасности [5, с. 184-186].

2. Вторым фактором выступает сексуальная раскрепощенность подростков, обусловленная доступностью алкогольной продукции, психоактивных веществ. Всё это снижает критичность мышления и способность к оценке рисков, что провоцирует раннее вступление в интимные отношения и пренебрежение средствами защиты, что с одновременным ослаблением социального контроля над молодыми семьями [8, с. 64] значительно повышает риск возникновения ранней беременности.

3. Особого внимания заслуживает проблема сексуального насилия. Исследования показывают, что около 10% девушек, забеременевших в возрасте до 15 лет, указывают на принудительный характер первого полового контакта. Чаще всего подобные ситуации возникают в неблагополучном социальном окружении, где девочка не имеет защитных механизмов и поддержки со стороны значимых взрослых [6, с. 521-522].

4. Низкий уровень образования и ограниченные когнитивные ресурсы также коррелируют с риском ранней беременности. Девушки, не завершившие обучение или имеющие низкую успеваемость, чаще оказываются в ситуации информационного вакуума относительно вопросов планирования семьи и репродуктивного здоровья.

5. Межличностные отношения и групповое давление играют существенную роль в принятии решений. Часть подростков соглашаются на ранние половые связи или сохраняют беременность под влиянием партнера, руководствуясь иллюзорным желанием «удержать» его, укрепить отношения или соответствовать ожиданиям референтной группы.

6. Неблагоприятные внешние факторы, такие как проживание в условиях бедности, насилия или эмоциональной депривации в семье, создают почву для поиска подростком «спасительных» отношений, которые, однако, часто приводят к незапланированной беременности [5, с. 188].

7. Асоциальные формы поведения (употребление наркотиков, алкоголя, беспорядочные половые связи) закономерно повышают риск наступления беременности. В состоянии измененного сознания подростки не способны к последовательному использованию контрацепции и адекватной оценке последствий

своих действий [6, с. 523].

8. Современная социокультурная ситуация характеризуется существенным снижением возможности системы семейного воспитания, но при наличии опыта ранней беременности в родительской семье и при формировании ценностей в семье, где и «формируется мировоззрение и определенная система ценностных ориентаций, усваиваются общественные нормы и правила поведения» [7, с. 121] формируются позитивная поведенческая норма к ранней беременности, приводящая к увеличению числа беременностей среди несовершеннолетних.

Таким образом, проблематика раннего материнства носит комплексный характер и требует системного подхода со стороны государства и институтов гражданского общества. Необходима не только профилактика, но и создание условий для минимизации социальных противоречий, с которыми сталкиваются юные матери, а также организация профессионального сопровождения семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Профилактика ранней беременности требует комплексного подхода, включающего внедрение программ полового воспитания в школах, обеспечение доступности контрацепции для подростков и создание сети психологической поддержки. Важно повышать осведомленность молодежи о рисках раннего материнства и формировать у них установки на ответственное репродуктивное поведение.

Библиографический список

1. Абрамова, Г. С. Возрастная психология: 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, –2019. – 450 с.
2. Баранов, А. А., Кучма В. Р., Сухарева, Л. М. Медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья подростков // Российский педиатрический журнал. 2. – 018. – № 5. – С. 10–15.
3. Захаров, А. И. Психологические особенности деторождения и воспитания в неполных семьях // Вопросы психологии. – 2020. – № 2. – С. 45–52.
4. Ильин, Е. П. Психология взрослости. Санкт-Петербург: Питер, 2017. – 544 с.
5. Кон, И. С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 2019. – 255 с.
6. Шнейдер, Л. Б. Основы семейной психологи. – Москва: Издательство Московского психолого-социального института. – 2018. – 928 с.
7. Современные вызовы и психологические ресурсы: монография / Артюхова Т.Ю., Бенькова О.А., Гончаревич Н.А., Ерошина А.А. [и др.]. Ульяновск: Зебра, 2021. – 291 с.
8. Малимонов, И.В., Король, Л.Г., Синьковская, И.Г., Рахинский, Д.В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журн. – 2015. – № 10. – С. 202-219. – URL: <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7923> (дата обращения: 12. 05. 2026).

© З. Д. Рашупкина, А. И. Манченко, 2026

УДК 316.6

Е. А. Селивохин
Научный руководитель – О. В. Логунова
**МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СОБЫТИЙНОМ
ВОЛОНТЕРСТВЕ**

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева
Российская Федерация, г. Красноярск

Рассматриваются особенности мотивации участия молодежи в событийном волонтерстве. Особое внимание уделено анализу внутренних и внешних мотивационных факторов, а также их влиянию на уровень вовлеченности и устойчивость добровольческой деятельности. Представлены результаты эмпирического исследования, подтверждающие преобладание смешанной мотивации у молодежи.

Ключевые слова: волонтерство, событийное волонтерство, молодежь, мотивация, добровольческая деятельность.

E. A. Selivokhin
Scientific supervisor – O. V. Logunova
MOTIVATION OF YOUTH PARTICIPATION IN EVENT VOLUNTEERING
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Russian Federation

The article examines the features of youth motivation in event volunteering. Special attention is paid to the analysis of internal and external motivational factors, as well as their influence on the level of involvement and sustainability of volunteer activities. The results of an empirical study confirming the predominance of mixed motivation among young people are presented.

Keywords: volunteering, event volunteering, youth, motivation, volunteer activity.

Современное общество характеризуется активным развитием добровольческой деятельности, которая все более прочно закрепляется в системе социальных практик и гражданских инициатив. В структуре современного волонтерского движения особое место занимает событийное волонтерство, представляющее собой форму добровольческого участия граждан в организации и проведении различных мероприятий общественного, культурного, спортивного, образовательного и патриотического характера. Значимость данного направления обусловлена тем, что оно выступает не только способом оказания безвозмездной помощи, но и эффективным механизмом вовлечения молодежи в общественно полезную деятельность, способствуя формированию у нее социальной ответственности, гражданской активности и устойчивой мотивации к участию в жизни

общества.

Молодежь является одной из наиболее активных социальных групп, наиболее восприимчивых к участию в добровольческой деятельности. Это связано с тем, что именно в молодежном возрасте особенно ярко проявляется стремление к самореализации, поиску своего места в обществе, расширению круга общения и накоплению социального опыта. Кроме того, участие в волонтерской деятельности предоставляет молодым людям возможность приобрести новые знания, развить коммуникативные и организационные навыки, а также сформировать профессиональные компетенции, которые в дальнейшем могут оказаться востребованными как в учебной, так и в трудовой деятельности.

Событийное волонтерство обладает рядом специфических особенностей, отличающих его от других форм добровольческой активности. Прежде всего, оно характеризуется ограниченностью во времени, поскольку связано с подготовкой и проведением конкретного мероприятия. Вместе с тем данная форма волонтерства отличается высокой интенсивностью, четкой организационной структурой и значительной социальной значимостью. Участие в подобных проектах позволяет молодежи не только внести реальный вклад в успешную реализацию общественно значимых событий, но и получить ценный практический опыт, связанный с организацией работы, взаимодействием с людьми, деятельностью в условиях высокой ответственности и необходимостью быстрого принятия решений. Все это делает событийное волонтерство важной площадкой личностного, социального и профессионального развития молодежи.

Ключевым фактором, определяющим вовлеченность молодежи в событийное волонтерство, выступает мотивация. Именно она задает направленность деятельности, определяет степень заинтересованности человека в участии, влияет на устойчивость его вовлеченности и готовность продолжать волонтерскую практику в дальнейшем. Мотивация представляет собой совокупность внутренних и внешних побуждений, которые побуждают человека к определенному виду деятельности, поддерживают активность и определяют отношение к выполняемой работе.

Применительно к событийному волонтерству целесообразно выделять три основных вида мотивации: внутреннюю, внешнюю и смешанную. Внутренняя мотивация основывается на личной заинтересованности человека в самой деятельности и включает такие факторы, как стремление к самореализации, интерес к содержанию мероприятия, желание быть полезным обществу, готовность оказывать помощь другим людям, а также потребность в личностном росте. Внешняя мотивация связана с теми стимулами, которые находятся вне самой деятельности, но оказывают значительное влияние на решение об участии. К ним относятся общественное признание, получение сертификатов и благодарностей, расширение карьерных возможностей, формирование положительного портфолио, приобретение опыта, который может быть учтен при трудоустройстве или дальнейшем профессиональном развитии. Вместе с тем наиболее устойчивой и продуктивной формой мотивации выступает смешанная мотивация, при которой внутренние и внешние стимулы не противопоставляются друг другу, а взаимно

дополняются.

Внутренние мотивы участия молодежи в событийном волонтерстве тесно связаны с потребностью в личностном развитии и стремлением ощущать значимость собственной деятельности. Для многих молодых людей важно не только присутствовать на мероприятии, но и осознавать, что их участие действительно приносит пользу, способствует достижению общественно значимых целей и позволяет почувствовать себя частью важного социального процесса. В свою очередь, внешние мотивы усиливают интерес к добровольческой активности за счет возможностей, связанных с социальным признанием, получением нового опыта, профессиональным самоопределением и карьерным продвижением. Таким образом, мотивационная структура участия молодежи в событийном волонтерстве носит многокомпонентный характер и формируется под воздействием сразу нескольких факторов.

Анализ мотивационных факторов показывает, что наиболее значимыми для молодежи являются карьерные перспективы, личностный рост, социальное признание и возможность участия в значимых общественных событиях. Карьерные ориентиры выступают важным стимулом, поскольку современная молодежь рассматривает волонтерскую деятельность не только как форму помощи, но и как ресурс для накопления практического опыта, полезных контактов и развития компетенций. Личностный рост также занимает важное место в системе мотивов, так как участие в волонтерских проектах способствует развитию ответственности, самостоятельности, коммуникативных способностей и уверенности в себе. Социальное признание, в свою очередь, усиливает мотивацию через ощущение значимости собственного вклада и получение позитивной оценки со стороны окружающих. Наконец, участие в крупных и значимых событиях привлекает молодежь возможностью стать частью масштабного общественного процесса, расширить кругозор и приобрести уникальный опыт.

Следует отметить, что для современной молодежи характерна не изолированная ориентация на какой-либо один мотив, а именно стремление к сочетанию различных мотивационных стимулов. Это свидетельствует о комплексном характере мотивации и указывает на то, что эффективное вовлечение молодых людей в событийное волонтерство требует учета как их личностных интересов, так и социальных ожиданий. Чем более гармонично сочетаются внутренние и внешние стимулы, тем выше вероятность устойчивого участия молодежи в добровольческой деятельности.

Для подтверждения данного положения было проведено эмпирическое исследование в форме интернет-опроса среди молодежи в возрасте от 14 до 35 лет. В исследовании приняли участие 150 человек, что позволило выявить особенности мотивации участия молодежи в событийном волонтерстве и определить наиболее значимые для респондентов стимулы. Полученные результаты показали, что 46,67 % опрошенных уже имеют опыт участия в событийном волонтерстве, а еще 25,33 % планируют включиться в данную деятельность в ближайшее время. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне интереса молодежи к данной форме добровольческой активности и наличии потенциала для

дальнейшего роста числа участников.

Анализ ответов респондентов показал, что в качестве основного мотива участия чаще всего выступают карьерные перспективы. Это позволяет сделать вывод о высокой значимости внешних стимулов для современной молодежи, ориентированной на профессиональное развитие и формирование конкурентных преимуществ. Вместе с тем результаты опроса продемонстрировали, что большинство респондентов считают важными не только внешние, но и внутренние стимулы участия. Так, 63,33 % участников исследования отметили значимость внешней мотивации, однако и внутренняя заинтересованность, связанная с желанием самореализации, помощи другим и участия в социально значимой деятельности, также получила высокую оценку. Это подтверждает, что мотивационная структура молодежного волонтерства не сводится исключительно к прагматическим интересам, а включает в себя более глубокие личностные и ценностные основания.

Дополнительно было установлено, что оптимальной формой участия для большинства молодых людей является периодическая вовлеченность, то есть участие в событиях несколько раз в год. Такой формат представляется наиболее удобным и реалистичным для молодежи, поскольку позволяет сочетать волонтерскую активность с учебой, работой и личной жизнью. Это также свидетельствует о необходимости гибкой организации волонтерских программ, при которой участие может быть адаптировано к возможностям и жизненному ритму молодых людей.

Полученные в ходе исследования данные подтверждают гипотезу о преобладании смешанной мотивации участия молодежи в событийном волонтерстве. Внутренние и внешние стимулы не существуют обособленно, а находятся во взаимосвязи, усиливая друг друга. Молодой человек может одновременно стремиться к личностному росту, желать приносить пользу обществу, рассчитывать на признание своего вклада и видеть в волонтерстве возможность для профессионального развития. Именно такое сочетание мотивов формирует наиболее устойчивую вовлеченность и способствует продолжению добровольческой деятельности в будущем.

Таким образом, мотивация выступает ключевым фактором участия молодежи в событийном волонтерстве. Эффективное вовлечение молодых людей в данную деятельность возможно только при условии учета как внутренних, так и внешних мотивационных факторов. Организаторам волонтерских программ необходимо создавать условия, в которых молодежь сможет не только реализовать свои личностные потребности, но и получить социальное признание, практический опыт и перспективы дальнейшего развития. Результаты исследования показывают, что устойчивое участие формируется именно при сочетании личностных целей и социальных стимулов, что позволяет не только повышать уровень вовлеченности молодежи, но и обеспечивать долгосрочное развитие волонтерского движения в целом.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2025 № 4064-р «Об утверждении Концепции содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации до 2030 года и признании утратившим распоряжения Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р» - Официальный интернет-портал правовой информации. – Обновляется в течение суток. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522932/06045c511482bf29fb49feec36c17fbb7168857f/ (дата обращения: 10.02.2026).
2. Агафонова, Д. Ю., Ромашкина, Г. Ф. Современный этап развития волонтерства в России: динамика и ресурсы социального капитала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – Т. 18. - № 3. – С. 236–252.
3. Волонтерство как социальное явление / Е. А. Челнокова, С. В. Булганина, А. С. Челноков [и др.] // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3. – № 1. – С. 211–216.
4. «Волонтеры Урала» помогли в организации Единых игр. – URL: <https://soc.urfu.ru/ru/index/news/?news=45348&cHash=1796f6bd361caf635f5969d85f98c2fa> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Иванова Е. А., Потапова Е. В. Особенности мотивации волонтеров разного возраста // Гаудеамус. 2023. – №3. – С. 64.
6. История волонтерства в России: от ритуалов помощи до субботников. Культура. РФ. – URL: <https://www.culture.ru/materials/257248/istoriya-volonterstva-v-rossii-ot-ritualov-pomochi-do-subbotnikov> (дата обращения: 15.02.2026).
7. Министерство экономического развития Российской Федерации. Число добровольцев в России в 2025 году превысило 9 млн человек: офиц. сайт. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/chislo_dobrovolcev_v_rossii_v_2025_godu_prevysilo_9 mln_chelovek.html (дата обращения: 10.02.2026). – Текст: электронный.

© Е. А. Селивохин, 2026

УДК 338.465

О. В. Логунова¹, О. А. Корнилова²

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика
М.Ф. Решетнева¹

ФГБОУ ВО Красноярский государственный медицинский университет им. проф.

В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России, Российская Федерация, г. Красноярск²

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО В РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ И ДЕТЬМИ

В статье затрагиваются вопросы, раскрывающие проблематику социального партнерства в работе с семьей и детьми, формы взаимодействия многообразных субъектов социума.

Ключевые слова: семья с детьми, социальное партнерство, межведомственное взаимодействие, социориентированные организации, социальная деятельность, социальная задача.

O. V. Logunova¹, O. A. Kornilova²

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Krasnoyarsk, Russian Federation¹

Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University» of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation, Krasnoyarsk²

SOCIAL PARTNERSHIP IN WORKING WITH FAMILY AND CHILDREN

The article touches upon issues that reveal the problems of social partnership in working with family and children., forms of interaction between diverse subjects of society.

Keywords: family with children, social partnership, interdepartmental interaction, socially-oriented organizations, social activities, social task.

Государство реализует социальную политику через социальные программы и сеть соционаправленных учреждений и организаций. Обеспечение прав и свобод, доступной среды жизнедеятельности граждан, их комплексное и своевременное сопровождение осуществляется *институциональной структурой*, в которую входят различные министерства и ведомства, подчиненные им организации и учреждения, выступающими партнёрами в социальной сфере. Социальное партнерство применительно к сфере социального обслуживания граждан может рассматриваться как ресурс повышения качества оказания им социальных услуг.

Социальное партнерство в решении проблем граждан, как показывает анализ различной литературы, многоаспектно. Данное многообразие находится в прямой зависимости от видов обстоятельств, обуславливающих нуждаемость граждан в социальном обслуживании, а, значит и в осуществлении социального партнерства на практике. В качестве подтверждения данного социального факта можно привести основополагающие для нашей темы правовые документы, где заложены основы взаимодействия государства, соционаправленных учреждений, общественных структур, граждан (*т.е. в настоящее время создаются и*

развиваются организационно-правовые основы по взаимодействию государства и общества в решении индивидуальных реабилитационных программ граждан): Федеральный закон Российской Федерации «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»; Федеральный закон Российской Федерации «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральный закон Российской Федерации «Об основах системы профилактики и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации»; Федеральный закон Российской Федерации «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»; государственная программа «Доступная среда»; «План мероприятий (дорожная карта)» и др.

Схематично изобразим социальное партнерство в виде «паучка», каждая «лапка» которого представлена отдельным взаимодействующим направлением, отвечающим за свои социальные задачи. Среди них можно выделить: сферу социальной защиты и социального обслуживания; социальное посредничество, раскрывающееся в т.ч. за счет социального сопровождения и содействия; межведомственное или социальное взаимодействие, включающее в себя социальное сопровождение и содействие; и само социальное партнерство. Между собой данные направления могут взаимодействовать, взаимозаменяться. Специалистам, применяющим данные направления в социальной практике, остается только найти общие точки их соприкосновения. Представим некоторые структурные элементы социального партнерства в практике социального обслуживания граждан.

Смысл социального партнерства в социальной сфере состоит в конструктивном взаимодействии между (секторами): государственными структурами (министерства, департаменты, организации социального обслуживания разных категорий граждан: ЦСПСиД, КЦСОН, телефоны доверия, центры ПМПК, МСЭ, центры занятости, образовательные и медицинские организации и др.), органами местного самоуправления (администрации городов и районов, совет депутатов), коммерческими предприятиями, индивидуальными предпринимателями, некоммерческими общественными организациями. Такое взаимодействие необходимо, чтобы совместными усилиями решать значимые социальные проблемы: организация доступной среды для инвалидов, обеспечение несовершеннолетних школьно-письменными принадлежностями, сбор средств на дорогостоящее лечение и пересадку органов и др. Представители различных секторов обычно по-разному осознают собственную ответственность за решение этих социальных проблем, имеют разные возможности и ресурсы для помощи, и, наконец, разные представления о самой природе социальных проблем. Чтобы привести всех к единому социальному знаменателю, необходимо усилия разных секторов оформлять в правовом порядке.

В работе с семьей с детьми по месту жительства как отмечают многие практики могут быть использованы разные формы и методы в зависимости от ситуации, сложившейся в семье и глубины проблемы. Работа проводится в тесном взаимодействии различных специалистов социальной службы. Для

повышения эффективности функционирования любой социальной службы целесообразно дифференцировать подходы по отношению: во-первых, к постоянным клиентам, а во-вторых, к клиентам, постоянно обращающимся, с которыми приходится часто встречаться и работать в обычном режиме «здесь и сейчас», решая реальные и вполне конкретные проблемы.

Клиенты первой группы нуждаются в длительной патронажной работе, организуемой по междисциплинарному принципу, по горизонтали и по вертикали, то есть вглубь и вширь, комплексно и всесторонне. С постоянно обращающимися клиентами (вторая группа), как правило, работает один из специалистов. В разное время это может быть консультант, психолог, специалист по социальной работе, психотерапевт, юрисконсульт и др. Проблемы и конфликты этих людей не достигли уровня кризиса, а потому достаточными оказываются психотерапия и коррекция. Взаимодействие с постоянными клиентами, в некоторых случаях их приходится побуждать и даже принуждать к посещению служб.

В зависимости от характера семейных проблем, их сложности, остроты или запущенности на терапевтической стадии патроната / сопровождения реализуются программы, которые можно обозначить как программы-минимум и программы-максимум. Программы-минимум обращены к тем ситуациям, когда семья переживает определенные проблемы и кризисы, связанные с внезапной утратой чего-то очень ценного для себя: физического здоровья, родных и близких людей, работы, квартиры и имущества вследствие пожара и так далее. В таких случаях усилия социальной службы направляются на восстановление в относительно короткие сроки способности ее членов оптимально функционировать, несмотря на наличие объективных и часто необратимых ограничений и потерь. Это означает, что все внимание сосредоточивается на решении следующих психологических и чисто практических задач:

1) воздействие на чувства, помощь в преодолении низкой самооценки, неспособности справиться с горем и утратами, страха перед будущим;

2) организация необходимой материальной, экономической, юридической, бытовой поддержки силами не только государственных органов, в том числе социального обеспечения, но и самой социальной службы в виде посреднических услуг, защиты интересов и прав семьи перед официальными инстанциями, органами власти, обращения в судебные инстанции (если необходимо, например, разделить имущество), в органы опеки, где решается судьба несовершеннолетних детей.

Таким образом, решаются следующие связанные между собой задачи: систематически отслеживается социально-психологическое состояние и статус семьи путем организации периодических встреч и посещений; создаются условия (во взаимодействии с другими ведомствами образования и здравоохранения) для ее успешного функционирования; создаются необходимые предпосылки для оказания помощи, построения продуманной системы действий и конкретных мероприятий, позволяющих преодолевать возникающие трудности. Патронат в режиме программы-минимум, отметим, реализуется не только в тех случаях, когда нужно помочь преодолеть кризисные ситуации, но и в качестве начальной стадии

решения более серьезных проблем, обусловленных подчас необратимыми нарушениями нормального функционирования семьи, когда патронат организуется уже в режиме программы - максимум.

Программа-максимум предназначена для оказания помощи в крайних ситуациях неблагополучия, при необходимости не только компенсировать утраченное, но и добиться переориентации взглядов, в основном заменить или скорректировать прежние поведенческие схемы членов семьи. Перемены, особенно масштабные, требуют длительного времени и весьма значительных усилий. Работа по программе-максимум начинается с первых встреч, бесед, расспросов, которые становятся частью процесса изменения, так как создают условия для высвобождения внутренних и поиска социальных ресурсов семьи. Реализация стратегии поиска, мобилизации и координации ресурсов, в том числе самой семьи как клиента и объекта патроната, является одним из необходимых элементов работы по программе-максимум.

Характерный для патроната семей акцент на оказание помощи и поддержки базируется на двух типах общественных ресурсов: личных (забота, благожелательность в сочетании с реализмом, предоставляемые услуги в виде информации, советов, обучения, содействия) и общественных (получение семьей льгот и услуг, материальной помощи, дополнительного лечения в соответствующем учреждении). Специалисту по социальной работе, нередко приходится прилагать значительные усилия для выявления неиспользованных ресурсов в самой системе социального обслуживания. Эта деятельность кроме прямой цели направлена на формирование у представителей властных структур большей восприимчивости к человеческим нуждам, проблемам и потребностям в целом. Подобные меры благоприятно влияют и на развитие личных ресурсов членов конкретных неблагополучных семей. Успешность и эффективность действий по достижению перемен обусловлены использованием соответствующих индивидуальных ресурсов, которые всегда имеются у членов даже самых проблемных семей. В реальной жизни для получения доступа к ресурсам, приходится иметь дело с теми, кто ими распоряжается: отдельными лицами, семьями или организациями. Поэтому задача привлечения ресурсов не ограничивается техническим исполнением и включает установление межличностных отношений, то есть предполагает интерактивность специалиста.

Основные задачи, которые стоят перед специалистом при мобилизации внешних и внутренних ресурсов, сводятся к следующему:

- 1) выяснение обстановки;
- 2) привлечение всеобщего внимания;
- 3) выработка стратегии и тактики поведения;
- 4) поиск союзников;

В этой связи, перейдем к рассмотрению сути и содержания межведомственного взаимодействия, которое в свою очередь тесно связано с социальным посредничеством, содействием и социальным сопровождением. Межведомственное взаимодействие в практике социальной сферы выступает одним из приоритетных и ведущих методов работы специалистов. Под межведомственным

взаимодействием понимается способ повышения эффективности предоставления социальных услуг гражданам. Межведомственное взаимодействие Т.Н. Протасова описывает как разновидность социального взаимодействия.

Межведомственное взаимодействие и социальное партнерство могут рассматриваться некоторыми авторами как совместные, скоординированные усилия государственных и негосударственных институтов, направленные на социально-психолого-педагогическое сопровождение граждан, содействие им. Реализация межведомственного взаимодействия и социального партнерства строится с учетом принципов субъект-субъектного взаимодействия, возможности инициативы каждого участника взаимодействия, распределения ответственности при общих задачах деятельности, распределения ресурсов и возможностей инфраструктуры, понимания частичности своего содержания и возможностей его взаимного дополнения, выстраивания многообразных возможных путей движения при общности цели.

Основу межведомственного взаимодействия и социального партнерства при сопровождении граждан, составляют три взаимосвязанных элемента: 1) *методология* (система идей, взглядов принципов, определяющих стратегию содействия и сопровождения, включая реабилитацию, профилактику, адаптацию); 2) *непосредственная деятельность* государственных и негосударственных институтов (которая является средством воплощения идей и взглядов, выражает формы, способы реализации стратегии); 3) *результаты* (ожидаемые и реальные), которые являются показателями эффективности межведомственного взаимодействия и социального партнерства.

Среди основных принципов, лежащих в основе межведомственного взаимодействия, можно выделить: заинтересованность каждой из взаимодействующих сторон в поиске путей решения социальных проблем; объединение усилий и возможностей каждой из сторон в преодолении важных проблем, решение которых поодиночке неэффективно; конструктивное сотрудничество между ними в разрешении спорных вопросов. Как результат – расширяется сфера социальных услуг, повышается их доступность и возрастает количество способов предоставления услуг гражданам.

Формы взаимодействия на муниципальном уровне разнообразны: организационно-административное содействие, совместное формирование и использование банков данных, общие стратегии.

Виды межведомственного взаимодействия классифицируются по (в): *сферам*, например, социальное, ресурсное, экономическое; *направлению* (вертикальное, горизонтальное, диагональное); *количеству участвующих* (двустороннее, многостороннее); *степени участия ведомств* (активное, пассивное); *характеру связей* (неформальное, формальное); *регулярности* (регулярное, разовое); *срокам* (краткосрочное, среднесрочное, долгосрочное); *зависимости от объекта* (межотраслевое, межфункциональное, информационное, проектное).

Межведомственное взаимодействие носит территориально-управленческий характер, поскольку многое зависит от полноты социальной инфраструктуры той территории, на которой функционирует тот или иной субъект

взаимодействия. Эффективность реализации межведомственного взаимодействия достигается за счет фиксации взаимопересекающихся интересов, полностью или частично совпадающих целей социальной деятельности, основанной на кооперации, деловом сотрудничестве и взаимопомощи в интересах решения общих социальных задач. Следовательно, разработка рекомендаций, механизмов взаимодействия субъектов социальной сферы позволит полнее использовать резервы данной сферы, сэкономить разного рода ресурсы, по возможности добиться преодоления межведомственных барьеров в интересах российского общества.

Итак, планирование и организация конструктивного взаимодействия между субъектами социальной сферы организациями является содержательным элементом социального партнерства. Это взаимовыгодное сотрудничество и взаимодействие необходимо для решения значимых социальных проблем.

Библиографический список

1. Логунова О. В. Межведомственное взаимодействие в социальной сфере как фактор повышения качества социальных услуг // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2018. – № 30; – URL: vsoa.esrae.ru/204-1116.
2. Филиппова В. Г. Межведомственное взаимодействие как способ повышения эффективности предоставления социальных услуг населению. Официальный сайт министерства здравоохранения, семьи и социального благополучия Ульяновской области. – URL: http://sobes73.ru/templates/exp_10.html.
3. Протасова Т. Н. Межведомственное взаимодействие учреждений социальной сферы в решении проблем сиротства на территории : Дис.... канд. социол. наук : 22.00.08 : Кемерово, 2004. – 173 с. – URL: <http://www.dslib.net/sociologia-upravlenia/mezhvedomstvennoe-vzaimodejstvie-uchrezhdenij-socialnoj-sfery-v-reshenii-problem.html#1256701>.

© О. В. Логунова, О. А. Корнилова, 2026

УДК 159.9:61-057.875

Н. В. Тихонова¹, А. А. Чашина²

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТА-МЕДИКА: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф.

Войно-Ясенецкого, Российская Федерация, Красноярск¹

2Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет», Российская Федерация, Красноярск²

В статье представлен анализ самооценки эмоционального интеллекта у студентов медицинского вуза. Выявлены проблемы его формирования и представлены пути решения.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, образовательный процесс, эмпатия, стресс, студент-медик.

N. V. Tikhonova¹, A. A. Chashchina²

EMOTIONAL INTELLIGENCE OF MEDICAL STUDENTS: A VIEW FROM THE INSIDE

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-

Yasenetsky, Russian Federation, Krasnoyarsk¹

Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk²

This article presents an analysis of self-assessment of emotional intelligence in medical students. Problems in its development are identified and solutions are presented.

Keywords: emotional intelligence, educational process, empathy, stress, medical student

Одним из важнейших составляющих профессиональной деятельности врача выступает эмоциональный интеллект [1]. Он отвечает за такие функции в медицинской практике как эмпатия, качество коммуникации и доверие в работе с пациентами [2, 3]. Именно высокая значимость эмоционального интеллекта в профессии врача [4,5 с. 3] обуславливает необходимость оценки студентами-медиками его уровня и факторов, влияющих на его формирование.

В связи с этим целью представленного исследования стало - провести самооценку эмоционального интеллекта у студентов медицинского вуза и выявить ключевые проблемы его формирования. Объект исследования: студенты медицинского вуза. Предмет исследования: процесс формирования эмоционального интеллекта как компонента профессиональной культуры будущего врача.

Задачи исследования: определить ключевые проблемы эмоционального интеллекта будущего врача; провести сравнительный анализ юношей и девушек по проблемам формирования профессиональной культуры как значимой

составляющей эмоционального интеллекта; разработать рекомендации по совершенствованию образовательного процесса в медицинском вузе.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось методом анонимного онлайн-анкетирования. В исследовании приняли участие 308 студентов 4 курса лечебного факультета: юноши – 119 (38,64%); девушки – 189 (61,36%). Анкета включала три блока: культурное развитие; профессиональная мотивация; проблемы формирования профессиональной культуры. Методы анализа: описательная статистика, сравнительный анализ, критерий Фишера, оценка статистической значимости ($p \leq 0,05$).

Результаты. Проведенный анализ показал, что уровень эмоционального интеллекта студенты в основном (72%) оценивают как выше среднего уровня. При этом эмпатия, как базовый компонент эмоционального интеллекта, сформирована у студентов на среднем уровне. При этом различий между юношами и девушками не выявлено, что указывает на отсутствие влияния гендерного фактора. Вероятно, развитие эмоционального интеллекта в большей степени определяется условиями образовательной среды [4]. В исследовании связь между уровнем эмоционального интеллекта и успеваемостью не подтвердилась, студенты с высоким баллом (4,5 – 4,95) часто отмечают недостаточный уровень эмоционального интеллекта. Анализ гуманитарной составляющей показал, что большая часть студентов (52%) проявляет интерес к истории медицины, профессиональной литературе и биографиям врачей, однако оставшиеся практически не интересуются этими вопросами и мало (21%) читают. Необходимо отметить, что самооценка студентов выявила, что медицинская этика и гуманитарные аспекты, при достаточном уровне эмоционального интеллекта, нередко воспринимаются как второстепенные. При этом данную ситуацию опрошенные студенты связывают с высокой учебной нагрузкой, нехваткой времени и слабой интеграцией этих дисциплин в образовательный процесс.

Среди основных барьеров формирования эмоционального интеллекта выделяются высокий уровень стресса (74%) (более выраженный у девушек), что соответствует современным исследованиям. Более половины отметили недостаток практического опыта, недостаточность времени для самообразования, дефицит наставничества и неуверенность в собственных навыках.

В целом можно заключить, что уровень эмоционального интеллекта у студентов определяется преимущественно не гендером, а личными особенностями, организацией обучения, уровнем практической подготовки и наличием профессиональной поддержки.

Полученные результаты соответствуют данным современных исследований, в которых отмечено, что развитие эмоционального интеллекта у студентов медицинских вузов напрямую зависит от организации образовательного процесса и требует его целенаправленного формирования в учебных программах. Это согласуется с выводом о роли образовательной среды. Современные исследования подтверждают, что уровень эмпатии у студентов медицинских вузов в среднем остается умеренным и не демонстрирует выраженных гендерных различий, что совпадает с полученными результатами.

Проблемы высокой учебной нагрузки, дефицита практического опыта и недостатка наставничества также отмечаются в российских исследованиях как ключевые барьеры формирования профессионально значимых качеств будущих врачей. Эти факторы рассматриваются как системные и требующие изменения структуры образовательного процесса.

Таким образом, самооценка эмоционального интеллекта студентов-медиков определяется личностными особенностями, качеством образовательного процесса и имеют свои особенности в медицинском вузе региона. С целью решения проблемы формирования уверенных практических навыков необходимо оптимизировать такие практики как привлечение студентов на клинические дежурства в стационары, применение в обучении стандартизированных пациентов и привлечение к образовательному процессу опытных клиницистов. Кроме того, необходимо активно развивать систему наставничества, а также через учебно-методические мероприятия организовать мастер-классы с практикующими врачами и руководителями медицинских организаций. Проблема дефицита времени на самообразование решается за счет внедрения практикоориентированного обучения и снижения теоретического блока (применение реальных клинических задач, обучение у «постели больного преподавателями-клиницистами и врачами-наставниками).

С целью снижения стресса и для своевременной психологической коррекции проблем студентов необходимо информировать студентов и о деятельности психологического центра университета, сотрудники которого проводят психологическую поддержку студентов. Социо-гуманитарные аспекты необходимо формировать через интерактивные образовательные ресурсы и включение посещений музеев и театров в воспитательную работу вуза.

В качестве резюме можно обозначить, что эмоциональный интеллект глазами студента-медика необходимо учитывать в разработке образовательных программ по его оптимизации прежде всего путем интеграции практикоориентированных подходов в среду медицинского вуза.

Библиографический список

1. Юдина, М. Г. Эмоциональный интеллект как важная составляющая развития личности // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 3 (129). – URL: <https://research-journal.org/archive/3-129-2023-march/10.23670/IRJ.2023.129.43> (дата обращения: 22.05.2026).
2. Гудкова, Т. В., Кондратьева, Т. Н. Особенности эмоционального интеллекта у студентов, обучающихся в медицинском и педагогическом вузах // Journal of Siberian Medical Sciences. – 2015. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-intellekta-u-studentov-obuchayuschih-sya-v-meditsinskom-i-pedagogicheskom-vuzah> (дата обращения: 22.05.2026)
3. Григорьева, П. М., Сапожникова, Е. Е. Эмоциональное выгорание и эмоциональный интеллект у работников здравоохранения// Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – №7-2 (109). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-i-emotsionalnyy-intellekt-u-rabotnikov-zdravoohraneniya-empiricheskoe-issledovanie> (дата обращения: 22.05.2026)

4. Береснева, О. Е. Значение развития эмоционального интеллекта у студентов медицинского вуза для успешного становления личностно-профессиональных качеств будущего врача // Высшее образование сегодня. – 2021. – № 11-12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-razvitiya-emotsionalnogo-intellekta-u-studentov-meditsinskogo-vuza-dlya-uspeshnogo-stanovleniya-lichnostno> (дата обращения: 22.05.2026).

5. Соловьёва, В. А., Иноземцева, Н. А. Определение уровня эмоционального интеллекта у студентов медицинского университета для выявления необходимости улучшения образовательного процесса // Образование и саморазвитие. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 168-183.

© Н. В. Тихонова, А. А. Чащина, 2026

УДК 37.013.42

З. В. Хохрина¹, С. В. Тимофеева²
**ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО XXI ВЕКА:
ВАЖНА РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ЦЕННОСТЕЙ
СОЗИДАНИЯ, ТВОРЧЕСТВА И САМОРАЗВИТИЯ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО**

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнёва», Российская Федерация, г. Красноярск¹
ФГБОУ ВО «Красноярский ГАУ», Российская Федерация, г. Красноярск²

Содержание раскрывает базовые истины, основанные на культурно-этической составляющей человеческой личности, на необходимость постоянно приносить ценности жизнелюбия, созидания и творчества в практику окружающего социума и мира в целом.

Ключевые слова: человек, ценности, культурный фонд наилучших качеств.

Z. V. Khokhrina¹, S. V. Timofeeva²
**CHALLENGES OF THE CIVILIZATIONAL XXI CENTURY:
HUMAN REALIZATION OF THE VALUES OF CREATION, CREATIVITY
AND SELF-DEVELOPMENT
IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE IS IMPORTANT**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Russian Federation, Krasnoyarsk¹
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russian Federation, Krasnoyarsk²

The content reveals basic truths based on the cultural and ethical component of the human person, on the need to constantly bring the values of love of life, creation and creativity to the practice of the surrounding society and the world as a whole.

Keywords: man, values, cultural foundation of the best qualities.

*Светлой Памяти
Валентины Владимировны Игнатовой посвящаем*

Мир Человека – это всегда мир его ценностей, то, что дает культурные смыслы и нравственные ориентиры, направляет его деятельность и коммуникацию, мотивирует на самопознание, саморазвитие, высвечивает его уникальность. В наш просвещённый цивилизованный XXI век человечество всё же не может жить без перспективы и надежды, несмотря на происходящие кризисные явления во многих жизненных сферах, о которых пишут ученые и практики: «биологизация» жизни, потеря духовных и нравственных ценностных ориентиров, чрезмерное увлечение и подмена антропологического человекоутилитарного содержания искусственным интеллектом, глубокое непонимание человеком скрытой

взаимосвязи всех явлений жизни (основа которых духовная и этико-экологическая), низкая культура человеческих взаимоотношений, восприятие культуры лишь как средство приложения к технической стороне жизни и многое, увы, другое, длившееся на протяжении целых десятилетий.

И всё-таки, выход из социального хаоса к социальной гармонии возможен. Современные комплексные проблемы человечества вышли на новый эволюционный виток, потому возникают и новые требования к самому Человеку и к обществу в целом – и это отмечают ученые как естественнонаучного направления, так и гуманитарного. Наступившая Новая Эпоха – это эпоха Водолея – эпоха Свободы и Творчества, которая пришла на смену эпохе Рыб – и о ее характеристиках много интересной информации содержится в духовных источниках, приоритетом же для дальнейшего развития нашей цивилизации становятся Просветительство, Знания, Образованность, Культура. Актуализированы ценности сокровенных знаний древности, интегративные характеристики самопознания, понимание ценности Всеединства, гуманизма, человечности, ответственности за состояние окружающего социума, которые необходимо реализовывать каждому в своих каждодневных замыслах, действиях и поступках. Проснувшийся у человека биологический инстинкт самосохранения всё же вносит существенные позитивные коррективы в его отношение к природе, миру, заставляя кардинально переосмыслить достижения мировой цивилизации, обратить серьезное внимание на пласт её глубочайших древних Знаний – океан общечеловеческой мудрости [3, с.39-41].

Общеизвестна диалектическая истина, которая представляется простой, но ею не следует пренебрегать: не только бытие (материальная сторона жизни, всё окружающее нас) определяет сознание, но и сознание (духовный уровень развития человека, социума) определяет бытие, и эти структуры взаимосвязаны и часто обуславливают, взаимодополняют друг друга – и следует очень внимательно отнестись к этой конструкции. «Человек есть и материальный объект, и обширное поле сознания» – утверждает авторитетный психолог Станислав Гроф, на протяжении десятилетий занимающийся исследованием различных уровней человеческого сознания, внесший серьезный научный вклад в эту сферу. Путь к дальнейшему развитию человеческой цивилизации следует искать именно в самом Человеке, обращая его взор и внимание, прежде всего, внутрь себя – на качество внутреннего духовного мира своего, на экологию и креативность своих мыслей, на гармонию и жизнестойкость, воспитывая тем самым свое духовное достоинство, благородство, лучшие творческие и нравственные качества. «Сегодня, в условиях духовно-экологического общепланетарного кризиса необходимо говорить уже не только о социальной, исторической, но и о космопланетарной ситуации развития Человека. Важным представляется развитие Человека осознанного, живущего в гармонии с природой, с Космосом. Именно такой уровень развития сознания является доминантным для Вселенной в целом, поскольку сейчас энергии Созидания и Жизни востребованы как никогда ранее, и эти энергии способен приносить в пространство именно Человек – такие позиции утверждают ученые разных сфер науки: А.Н. Дмитриев, В.П. Казначеев,

А.И. Клизовский, С.В. Мейен, Р.А. Парошина, А.И. Субетто, И.Н. Яницкий, и многие другие.

Всё большее количество людей осознают духовное измерение жизни, стремятся вникнуть в психологические критерии любви и здоровья, бережнее относиться друг к другу, а в общем итоге эти факторы конструктивно влияют на атмосферу социальной жизни – подчеркивает Станислав Гроф. Важно также передать новым поколениям «нравственный императив» («поступай с другими так, как ты бы хотел, чтобы поступали с тобой»), усвоение которого облагораживает и окультуривает биологическую природу Человека, пробуждает и развивает его духовное начало, раскрывает богатейший ресурс-потенциал. Морально-этические нормы (которые складывались веками-тысячелетиями) приобретают своё особое социокультурное звучание именно в переломные кризисные эпохи [2, с. 322]. В это время в обществе происходят изменения в иерархической системе ценностей, наблюдается преобладание экономических интересов над духовными, девальвация нравственных и духовных ценностей, что и приводит постепенно к разрушительным процессам во внутреннем мире Человека (особенно человека формирующегося, человека молодого). Высшие же ценности Бытия во все времена остаются высшими, ведущими для Духа Человека и не могут быть низвергнуты или растоптаны незнанием, невежеством, а по итогу – бездуховностью человеческого существа.

Формирование «нравственного императива» в масштабах человечества невозможно без создания огромной просветительской и воспитательной программы средствами телематики (симбиоз связи и информатики, обмен данными без человека) и космической связи всей планеты... «надо думать и об этой программе, и о других способах возрождения этических знаний в мировом сообществе... через синтез гуманизма, науки, искусства...» – так мыслят прогрессивные ученые-гуманисты, заинтересованные в эволюционном развитии Человека. Работая на всех уровнях закон цикла (или ритмов) утверждает, что «...наша цивилизация – есть самое дно нисхождения в материю, за которым начинается этап подъёма к духовным сферам эволюции» (А.Д. Арманд). А ведь этот подъем (или квантовый скачок сознания) каждый из нас готовит, подготавливает своими ежедневными созидательными действиями, своим привнесением энергий созидания, радости, миролюбия в социум, во взаимоотношения с другими людьми разных культур [1, с.120].

Человек есть часть Целого – мира, общества, истории, и от качественного содержания внутреннего мира каждого Человека зависит развитие и всего общества, его поступательно-эволюционная динамика. Человек должен понимать главное: как и в какой мере он участвует и переживает события своей жизни, делает жизненные выборы, осуществляет решения (нравственно или безнравственно). Человеку необходимо научиться принимать ответственность за все свои действия, важно научиться проживать Жизнь как неповторимость, ценить её в самых сложных и парадоксальных проявлениях. «Воспитание и образование в цивилизованном обществе должны быть направлены на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать совесть» – так считает философ, врач,

психолог Виктор Франкл, прошедший через пытки немецких концентрационных лагерей, сохранивший веру и надежду в Человека – Созидателя, Творца, написавший пронзительную книгу по лагерным реалиям «Скажи Жизни – ДА!».

Реализуя знание культурно-этических ценностей в конкретных практических ситуациях взаимодействия с окружающими, человек активизирует свои внутренние ресурсы, свой богатейший потенциал, высвечивает свои лучшие качества: порядочность, великодушие, милосердие, отзывчивость, бескорыстие... человек обретает «образ человеческий», образ культурной духовной личности, с которой возможно и профессиональное и личностное сотрудничество.

В нашей профессиональной психолого-педагогической деятельности-практике (которая насчитывает более 40 лет) тезис о том, что созидательные энергии, которые мы излучаем в процессе взаимодействия с людьми в окружающий социум и особенно в кризисных ситуациях – часто именно энергии-настрой, качества спасали и нас и возникшие ситуации межличностного или социального характера – этот тезис подтвержден реальной социальной практикой и не раз. Позитивные энергии Человека доброжелательного всегда дают свои ощутимые ценные результаты – сколько разных студентов прошло за эти года – не пересчитать, да и времена были не в формате «сладкая жизнь», но! Настрой благожелательства, мудрой улыбки и вера в положительный исход непростых и даже конфликтных ситуаций помогал почти всегда. А уж в XXI веке – когда человечество прошло такой длинный путь развития и не научилось вести культурный диалог и умение договориться конструктивно (имея 2-ую сигнальную систему, речь!) – это немного смешно. Мы утверждаем: межличностное и социальное взаимодействие, и даже межпоколенческая коммуникация строится на энергиях и качествах положительных, и это однозначно.

Далее перечислим наилучшие качества, практическая реализация которых во всех видах социального взаимодействия способствует общей благожелательной атмосфере, как в профессиональном плане, так и в межличностном. Гармоничное развитие каждого Человека, а особенно в нашем XXI веке, на нашей общей Планете Земля и под нашим общим голубым Небом будет ещё более продуктивным, если каждый из нас хотя бы частично привнесёт в нашу социальную реальность качества, перечисленные в нашем «Культурном фонде наилучших качеств Человека», их можно пополнять.

Радость, Счастье, Любовь, Великодушие, Милосердие, Сочувствие, Благородство, Добросердечие, Человечность, Альтруизм, Взаимопомощь, Сотрудничество, Чуткость, Прощение, Сострадание, Покаяние, Гуманность, Жизнелюбие, «Благоговение перед жизнью», Радужие, Отзывчивость, Искренность, Доверие, Благорасположенность, Добропорядочность, Понимание своего Предназначения, Креативное мышление, Целостное миропонимание, Созидание, Вдохновение, Соизмеримость, Самопознание, Саморазвитие, Совершенствование, Самоконтроль, Упорство, Трудолюбие, Осознанность, Духовная Алхимия, Чувствование, Свобода воли, Внимание, Жажда Познания, Здоровье, Оптимизм, Жизнерадостность, Щедрость, Бодрость и сила Духа, Гармония, Энергия познания и творчества, Воспитание и развитие Духовности, Поддержка, Сопереживание,

Порядочность, Честь, Совесть, Мужество, Долг, Достоинство, Сдержанность, Ответственность, Мудрость, Повышение вибраций, Глаз добрый, Улыбка Сердца, Мудрость Души, Мир и Гармония.

Библиографический список

1. Тимофеева, С. В. Ускорение процессов взаимовлияния энергетики человека и космоса: новая физическая и психологическая реальность // Образование и общество, 2025. – № 4 (153). – С. 118-124.

2. Тимофеева, С. В. Почему именно сейчас важно каждому проявлять наилучшие качества или о тактике культурной трансформации человека в контексте происходящего. В сборнике: Современное профессиональное образование: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. – Орёл, 2024. – С. 320-325.

3. Хохрина, З. В. Культурный год: психолого-социальные аспекты: научная коллективная монография // Гончарова Т. М., Гончаров Е. А., Тимофеева С. В., Хохрина З. В. / Изд-во: филиал МПСУ, Красноярск, 2016. – 136 с.

© З. В. Хохрина, С. В. Тимофеева, 2026

УДК 316.346.32-057.87

С. М. Шароглазова¹, И. Г. Синьковская^{2,1}

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО БРАЧНОГО ПАРТНЕРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Сибирский Федеральный Университет, Российская Федерация, г. Красноярск¹
Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика
М.Ф. Решетнева, Российская Федерация, г. Красноярск²

В статье анализируются современные исследования образа идеального брачного партнёра у студентов на фоне кризиса института брака. Рассматриваются ключевые характеристики желаемого супруга, гендерные различия в ожиданиях, а также противоречия между завышенными представлениями и реальной готовностью молодёжи к семейной жизни. Обосновывается, что диссонанс между идеализированным образом и действительностью выступает одним из факторов нестабильности браков.

Ключевые слова: идеальный брачный партнёр, студенты, образ, представления, брак, семья, ожидания, реальность, кризис института брака, гендерные различия.

S. M. Sharoglazova¹, I. G. Sinkovskaya^{2,1}

THE IMAGE OF AN IDEAL MARRIAGE PARTNER IN THE PERCEPTIONS OF MODERN STUDENTS

Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk¹
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk²

The article analyzes modern research on the image of an ideal marriage partner among students against the background of the crisis of the institution of marriage. The key characteristics of the desired spouse, gender differences in expectations, as well as contradictions between exaggerated ideas and the real readiness of young people for family life are considered. It is proved that the dissonance between the idealized image and reality is one of the factors of instability of marriages.

Keywords: ideal marriage partner, students, image, ideas, marriage, family, expectations, reality, crisis of the institution of marriage, gender differences.

Институт брака переживает глубокую трансформацию, которую многие исследователи характеризуют как кризисную. Увеличение возраста вступления в первый брак, рост числа разводов, популярность гражданских браков и осознанное одиночество – все эти явления свидетельствуют о серьёзных изменениях в ценностно-нормативной системе молодёжи. В научной литературе активно обсуждается вопрос о том, в какой мере причиной этого кризиса становятся завышенные, нереалистичные ожидания от брачного партнёра, которые формируются у современного поколения студентов.

Студенчество – та социальная группа, которая находится на пороге принятия ключевых решений о создании семьи. Именно в этот период закладываются основы будущих супружеских отношений и оформляется представление об идеальном партнёре. Если этот образ сильно расходится с реальными характеристиками потенциальных супругов, а также с собственными ресурсами молодых людей, то велика вероятность неудовлетворённости браком и его распада.

Цель данной работы – на основе анализа имеющихся эмпирических исследований выявить содержание и структуру представлений современных студентов об идеальном брачном партнёре и проанализировать проявляющиеся в этих представлениях противоречия, способствующие рассогласованию ожиданий и реальности.

Современные исследования фиксируют несколько фундаментальных сдвигов в брачном поведении молодёжи. Чистопашин Я.А. и Черепанова М.И. подробно освещают феномен «отложенного вступления в брак» [9]. Студенты всё чаще отдают приоритет карьерному росту, получению образования и личностной самореализации, отодвигая создание семьи на неопределённый срок. Такая стратегия формирует завышенные требования к потенциальному партнёру, который должен не просто устраивать в эмоциональном плане, но и соответствовать определённому социально-экономическому статусу.

Не менее важным фактором, как показано в работе Зимовой Н.С. и Неробеевой Т.С., выступает снижение влияния религиозно-традиционных установок на брачно-семейное поведение [4]. Секуляризация сознания студентов приводит к размыванию чётких ролевых моделей мужа и жены, которые раньше задавались религиозной и общинной моралью. В результате молодёжь оказывается в ситуации ценностного плюрализма, где идеальный партнёр мыслится одновременно и как надёжная опора (традиционная ценность), и как увлекающийся, самодостаточный партнёр по саморазвитию, что само по себе создаёт внутреннюю конфликтность образа.

Мищенко В.А., Быстрова Н.В., Панфилова О.В. и Лукьянец О.В. в исследовании гендерных аспектов представлений о браке у студентов выявили, что при высокой значимости семьи как ценности, представления юношей и девушек о супружестве остаются размытыми, сочетая традиционные ожидания с установками на личную свободу и самореализацию [8]. Такая трансформация неизбежно сказывается на формировании нереалистичных, противоречивых ожиданий к будущему супругу.

Анализ корпуса эмпирических работ позволяет выделить устойчивое ядро характеристик, приписываемых идеальному партнёру. В исследовании Юнель С.А., Балюковой И.Б. и Сушко А.С. были выявлены личностные особенности студентов, детерминирующие выбор партнёра [10]. Установлено, что наиболее значимыми качествами являются: доброта, верность, честность, отзывчивость, ответственность и надёжность. Но есть такие качества, которыми, по мнению студентов, не должен обладать партнер: эгоистичность и озлобленность. Также, большинство студентов не желают, чтобы их партнер был похож на мать или отца.

Грицкевич Н.Е. и Ожигова Л.Н. в исследовании образа будущих супругов у студентов установили, что в качестве ключевых характеристик идеального партнёра выступают ответственность, ум, доброта, внешняя привлекательность, а также ожидаемые поведенческие модели – ориентация на компромисс и сотрудничество [1]. При этом авторы выявили выраженную гендерную специфику: идеальный образ мужа у женщин тяготеет к властно-лидирующему типу (высокая активность, мотивация достижения, тенденция к доминированию, спонтанная самореализация), тогда как мужчины приписывают идеальной жене черты ответственно-великодушного типа – стремление к гармонии, коммуникабельность, жертвенность, артистичность и выраженную потребность соответствовать социальным нормам.

Гендерный аспект подробно исследуется Каниной Н.А., Смагиной С.С. и Кривцовой Е.В. [5]. Было показано, что юноши в идеальной партнёрше больше ценят внешнюю привлекательность, интеллект, хозяйственность и мягкость характера, тогда как девушки в идеальном муже – интеллект, целеустремлённость, материальный достаток и верность. Такое распределение, скорее, отражает сохраняющиеся традиционные гендерные стереотипы, однако реальное ролевое поведение современных студентов уже далеко от патриархальных моделей.

Грошев И.Л. и Грошева И.А. в своем исследовании зафиксировали, что и мужчины, и женщины демонстрируют высокий уровень практичности при выборе избранника, что противоречит стереотипу о романтической мотивации молодёжи [2]. В иерархии критериев лидируют манера общения и черты внешности, позволяющие быстро оценить партнёра, тогда как романтичность как значимый фактор отметили лишь малая часть юношей и девушек. Выявлены выраженные гендерные различия в морально-психологических ожиданиях: мужчины в большей степени ориентированы на чувства, эмоциональный комфорт и общие интересы, тогда как для женщин приоритетны доверие, безопасность и социальное окружение партнёра. Особого внимания заслуживает обнаруженный исследователями рост значимости национальной принадлежности и вероисповедания при вступлении в брак. Любопытно, что на фоне общей секуляризации (Зимова) фиксируется поляризация – для части молодёжи значимость религии в браке, напротив, растёт.

Особый интерес в контексте нашего обзора представляет исследование Емельяновой Т.П. и Шмидт Д.А., выполненное в рамках поколенческого подхода [3]. Сравнив представления миллениалов (куда входит и студенчество), поколения X и бэби-бумеров, авторы пришли к выводу, что ядро социальных представлений о брачном партнёре незначительно изменяется от поколения к поколению. Ключевыми элементами этого ядра выступают не столько романтические чувства, сколько идеи ответственности, взаимной поддержки и совместного преодоления препятствий. При этом, вопреки ожиданиям, гипотеза о доминировании у молодёжи индивидуалистических ценностей не подтвердилась: у миллениалов, как и у старших поколений, на первый план выходят именно эти коллективистские по своей сути установки.

Маннанова Е.А. и Никитина А.А. провели исследование психологической

готовности к браку среди студентов и получили тревожные результаты: лишь 5% опрошенных продемонстрировали достаточный уровень готовности к семейной жизни, в то время как 82% показали низкий уровень нравственной готовности к браку [6]. При этом авторы зафиксировали, что девушки в целом демонстрируют более высокий уровень готовности по сравнению с юношами, однако у них более детально сформированы представления о том, какими качествами должен обладать их партнер. Мужской пол больше ориентируется на «абстрактный брак», то есть без четких критериев для будущего спутника жизни. У девушек такое сочетание низкой личной готовности и высоких требований к супругу создаёт благодатную почву для будущих разочарований.

Мерзлякова С.В. и Бибарсова Н.В. показали на примере юношей, что высокая личная ответственность влияет на рассогласование ожидания и реальности: ответственные юноши формируют особенно детализированный и завышенный образ идеальной жены [7]. В их представлениях о будущей супруге наблюдаются ролевые ожидания в хозяйственно-бытовой сфере, что делает расхождение с реальностью более болезненным в современном мире. У юношей с невыраженной и ситуативной ответственностью более простые ролевые ожидания от партнера, которые выражаются в социальной и эмоционально-психотерапевтической активности.

Проведённый анализ эмпирических исследований позволяет утверждать, что образ идеального брачного партнёра в представлениях современных студентов носит сложный, внутренне противоречивый характер, сочетая традиционные и современные ценностные элементы. На основе обобщённых данных можно составить следующие гендерно-специфичные портреты идеального супруга.

Идеальный брачный партнёр-юноша (в представлении девушек) должен обладать двойственным набором качеств. С одной стороны, от него ожидают проявления властно-лидирующих черт: высокой активности, мотивации достижения, способности к доминированию и спонтанной самореализации. Приоритетом для него являются интеллект, целеустремлённость и способность обеспечить материальный достаток, а также верность. С другой стороны, в эмоциональной сфере от юноши ждут доверия, обеспечения безопасности и учёта социального окружения партнёрши. Таким образом, в образе идеального мужа парадоксальным образом сочетается образ «властного лидера» и «надёжного защитника», что создаёт высокий уровень требований.

Идеальная брачная партнёрша-девушка (в представлении юношей) также характеризуется противоречивым сочетанием качеств. Юноши ценят в ней внешнюю привлекательность, интеллект, мягкость характера и хозяйственность. Согласно ожиданиям, идеальная жена должна соответствовать ответственно-великодушному типу: стремиться к гармонии, быть коммуникабельной, артистичной, соответствовать социальным нормам и проявлять жертвенность. Причём, чем более ответственным является сам юноша, тем более детализированными и завышенными становятся его требования к хозяйственно-бытовым навыкам будущей супруги, что особенно сильно расходится с современными гендерными ролями.

При этом ключевым выводом работы является то, что оба этих образа формируются на фоне глубокого внутреннего противоречия. Студенты обоих пола демонстрируют высокий уровень практичности и прагматизма при выборе партнёра, но при этом лишь незначительная часть из них психологически и нравственно готова к реальной семейной жизни. Девушки, имея более детальные представления о качествах мужа, зачастую предъявляют завышенные требования при собственной низкой готовности, что создаёт «благодательную почву для разочарований». Юноши же, особенно ответственные, склонны идеализировать жену в бытовом плане, не учитывая современные реалии равноправия.

В целом, сочетание завышенных, внутренне конфликтных требований к партнёру (властный, но заботливый; красивый, но хозяйственный) с низкой собственной готовностью к компромиссам и совместному преодолению трудностей формирует ситуацию неизбежного рассогласования ожиданий и реальности. Именно это рассогласование выступает одним из значимых факторов, усугубляющих кризис института брака в студенческой среде.

Библиографический список

1. Грицкевич, Н. Е., Ожегова, Л. Н. Образ будущих супругов в представлении мужчин и женщин и особенности выбора стратегий разрешения конфликтов у студентов [Электронный ресурс] // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2023. – № 11 (88). – URL: <https://scipress.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
2. Грошев, И. Л., Грошева, И. А. Социальный портрет будущего партнёра семейных отношений в представлениях молодёжи // XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л. Н. Когана и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17–18 марта 2023 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – С. 132–136. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/127708> (дата обращения: 14.05.2026).
3. Емельянова, Т. П., Шмидт, Д. А. Социальные представления о брачном партнере: поколенческий подход // Социальная психология и общество. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 126–142. – URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2021_n1/sps_2021_n1_Emelyanova_Shmidt.pdf (дата обращения: 14.05.2026).
4. Зимова, Н. С., Неробеева, Т. С. Влияние религиозности на брачно-семейные установки современной молодёжи // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 91–109. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-religioznosti-na-brachno-semeynye-ustanovki-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 14.05.2026).
5. Канина, Н. А., Смагина, С. С., Кривцова, Е. В. Представления юношей и девушек о брачно-семейных отношениях [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-yunoshey-i-devushek-o-brachno-semeynyh-otnosheniyah> (дата обращения: 14.05.2026).
6. Маннанова, Е. А., Никитина, А. А. Психологическая готовность к

браку юношей и девушек в период студенчества // Russian Journal of Education and Psychology. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 434–451. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-gotovnost-k-braku-yunoshey-i-devushek-v-period-studenchestva> (дата обращения: 14.05.2026).

7. Мерзлякова, С. В., Бибарсова, Н. В. Образ брачного партнера в представлениях юношей с разной степенью выраженности ответственности // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы : материалы Всероссийского психологического форума (Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года) : в 2 т. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – Т. 1. – С. 609–612. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/117571/1/978-5-7996-3516-9_2022_132.pdf (дата обращения: 14.05.2026).

8. Мищенко В. А., Быстрова Н. В., Панфилова О. В., Лукьянец О. В. Представление о браке у студенческой молодежи: гендерный аспект // Вестник НБГУ. – 2023. – № 4. – URL: <https://sciup.org/predstavlenie-o-brake-u-studencheskoj-molodezhigendernyj-aspekt-14128936> (дата обращения: 14.05.2026).

9. Чистопашин, Я. А., Черепанова, М. И. Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью // Society and Security Insights. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 195–209. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otlozhennoe-vstuplenie-v-brak-i-semeynye-ozhidaniya-molodezhi-mezhdu-karieroy-i-lichnoy-zhiznyu/viewer> (дата обращения: 14.05.2026).

10. Юнель, С. А., Балюкова, И. Б., Сушко, А. С. Личностные особенности студентов, детерминирующие выбор брачного партнера [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-studentov-determiniruyuschie-vybor-brachnogo-partnera> (дата обращения: 14.05.2026).

© С. М. Шароглазова, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 316.344

Т. А. Черепанова, И. Г. Синьковская
**ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ ГРАЖДАН**

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева
Российская Федерация, г. Красноярск

Рассматриваются теоретические аспекты цифровизации системы социальной защиты населения. Приводятся результаты социологического исследования на тему: «Отношение граждан к цифровизации системы социальной защиты населения».

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, социальная защита населения, меры социальной поддержки, меры социальной помощи, социальные услуги.

T. A. Cherepanova, I. G. Sinkovskaya
**DIGITALIZATION OF THE SOCIAL WELFARE SYSTEM:
OPPORTUNITIES AND CHALLENGES FOR CITIZENS**

Siberian State University of Science and Technology
named after Academician M. F. Reshetnev
Russian Federation, Krasnoyarsk

This article examines the theoretical aspects of digitalization of the social welfare system. The results of a sociological study on «Citizens' Attitudes toward the Digitalization of the Social Welfare System» are presented.

Keywords: digitalization, digital transformation, social welfare, social support measures, social assistance measures, social services.

Государство как социально-политический институт, представляет собой органическое единство нескольких основных компонентов, среди которых население представляет собой базис, человеческий ресурс, основную ценность государства и, по сути, причину его существования. Уровень социальной защиты населения показывает степень развития государства и приближения его к модели правового социального государства, к которой стремятся в настоящее время все развитые страны. Именно таковым государством объявлена Россия в ст. 1 Основного закона, которое обозначает, что Россия является правовым социальным государством. Социальная составляющая государственной политики, таким образом, является важнейшей в структуре политического управления в целом [4, с. 133].

Социальная составляющая государственной политики реализуется через деятельность государственных властных органов и множества различных организаций, подчиненных им. Каждый сектор социальной сферы обеспечен

организационно-правовой основой своей деятельности, то есть представлен определенными инфраструктурными организационными образованиями, действующими на основе правовых актов соответствующего регулирования. Социальная сфера защиты населения включает в себя комплексное решение вопросов самого разного вида, от решения вопросов помощи в жизнеобеспечении человека до его трудоустройства и повышении квалификации. Основными секторами социальной сферы являются медицинская помощь, образование, пенсионное обеспечение. Социальная сфера также включает в себя такие «непроизводственные» сферы, как управление культурно-досуговыми учреждениями, организацию спортивных мероприятий [5, с. 212].

Трансформация современного общества, произошедшая за последние 20 лет, в целом может быть охарактеризована как переход основных социально-экономических процессов в виртуальное пространство посредством цифровизации. Цифровизация – это основная характеристика направления научно-технического процесса и изменений социально-экономической и даже политической жизни современного общества. Государство в настоящее время взаимодействует с населением полностью в цифровом пространстве. Система социального обслуживания – важнейшая сфера жизни общества, которая регулируется социальной политикой государства. И в настоящее время вся сфера социального обслуживания доступна в электронном взаимодействии посредством как портала Госуслуг, так и путем предоставления возможности обратиться к функции обратной связи на официальном сайте государственного и муниципального органа [3, с. 232].

Цифровизация государственного взаимодействия с населением повышает доступность государственных услуг, что в целом благоприятно сказывается на характеристиках правового государства. Можно отметить снижение социальной напряженности в сфере социального обслуживания после внедрения цифровых механизмов взаимодействия с населением. Цифровизация значительно повышает эффективность предоставления социальных услуг. Это связано с возможностью автоматизации процессов, обработки больших объемов данных и применения искусственного интеллекта для улучшения качества обслуживания граждан. Однако цифровизация социальных услуг на практике осуществляется довольно медленно, поскольку условия для развития данного процесса сформированы не в полной мере: органы, представляющие социальные услуги, не достаточно готовы к использованию цифровых технологий, большинство граждан с недоверием относятся к нововведениям, не имеют технической возможности и не обладают необходимым компетенциями в данной сфере [2, с. 22].

С целью изучения отношения граждан города Красноярск к цифровизации системы социальной защиты населения организовано социологическое исследование, в котором приняли участие 100 респондентов.

Как показали результаты анкетирования, 59 % опрошенных считают информацию о льготах и социальных услугах, расположенную в сети «Интернет», доступной и легко узнаваемой. 29 % респондентов дали отрицательный ответ. О сложностях поиска информации о льготах и социальных услугах в сети «Интернет» заявили 79 % опрошенных. Чаще всего информацию о льготах и

социальных услугах граждане получают от знакомых получателей услуг или из постов людей в социальных сетях (31 %). Интернет. Как способ получения такой информации назвали лишь 18 % респондентов.

Опыт переписки в электронной форме имеют 79 % опрошенных. Однако, качество ответов, полученных в электронной форме, 32 % респондентов расценили как «отписки», которые даются не по существу вопроса, а 19 % граждан не получили ответ на заданный вопрос. Оценивая условия для доступа в Интернет, 20% опрошенных указали, что это для них достаточно проблематично, а 14 % респондентов заявили об отсутствии доступа.

О существовании официального сайта Министерства социальной политики Красноярского края до сегодняшнего дня не знали 27 % граждан. Наиболее популярные у граждан интернет-площадки Министерства социальной политики Красноярского края: официальный сайт (54 %), социальные сети «ВКонтакте» (38 %) и «Одноклассники» (31 %). Положительно оценили официальный сайт Министерства социальной политики Красноярского края лишь 59 % граждан. Осведомлены об интерактивном сервисе социальных услуг «Госуслуги» все 100 % граждан, 38 % опрошенных назвали социальный калькулятор для подбора льгот на сайте.

67 % респондентов высказали готовность получать консультации в органах социальной защиты или в социальных в Zoom или в Skype. 25 % опрошенных высказали готовность к использованию робототехники и искусственного интеллекта в сфере социальной защиты и социального обслуживания. 62 % граждан допускают вероятность использования роботов-андроидов для домашнего обслуживания.

Для оптимизации получения социальной помощи в цифровой форме респонденты предложили создать интерактивные сервисы по записи на прием в социальные службы (21 %) и органы социальной защиты (19 %), по подбору льгот (20 %), по подбору социальной услуги (18 %). С целью ознакомления граждан с информацией о льготах и социальных услугах респонденты предложили организовать бесплатные обучающие занятия (28 %), распространять в общественных местах информацию в виде листовок (23 %), доносить информацию через местные телеканалы (18 %), установить терминалы в общественных местах (17 %), организовывать лекции в трудовых коллективах (14 %).

Анализ результатов анкетирования позволил выявить проблемы, препятствующие эффективному внедрению информационных технологий:

- недостаточная цифровая грамотность населения состоит в том, что многие граждане, особенно пожилые люди и инвалиды, не обладают достаточными навыками и нуждаются в обучении и поддержке. Это является серьезным препятствием для использования электронных услуг и получения информации о социальной поддержке;
- неравномерный доступ к цифровой инфраструктуре: часть населения не имеет доступа к высокоскоростному интернету и современным устройствам, необходимым для получения электронных услуг. Это создает цифровое неравенство и ограничивает возможности для использования онлайн-сервисов.

Таким образом, выявлены недостатки в цифровизации системы социальной защиты населения, определены слабые места и потенциальные зоны роста в отношении системы цифровизации.

Библиографический список

1. Гасумова, С. Е. Ожидания граждан от цифровизации в сфере социальной защиты и социальных услуг / С. Е. Гасумова, А. В. Безруков, А. В. Старшина. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 2. – С. 315-328.
2. Карпова, М. В. Модернизация социальной защиты населения на основе цифровизации социальных услуг / М. В. Карпова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 11. – С. 22-29.
3. Монахова, О. А. Социальная защита населения как важнейший фактор социально-экономического развития в условиях цифровизации / О. А. Монахова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современного законодательства : Сборник статей участников IX Всероссийской межвузовской научно-практической конференции (Москва, 19 апреля 2024 года). – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2024. – С. 232-238.
4. Ромодан, Ю. О. Инновационные подходы к цифровизации сферы социальной защиты: опыт, вызовы и перспективы интеграции региональных систем / Ю. О. Ромодан. – Текст : непосредственный // Управление стратегическим развитием основных сфер и отраслей народного хозяйства в условиях современных вызовов : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Донецк, 06–07 ноября 2024 года). – Донецк: Донецкая академия управления и государственной службы, 2024. – С. 133-136.
5. Сергеева, С. А. Цифровизация системы социальной защиты как фактор повышения качества жизни граждан РФ / С. А. Сергеева, А. А. Кренева, А. Н. Попов. – Текст : непосредственный // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 6. – С. 212-215.

© Т. А. Черепанова, И. Г. Синьковская, 2026

УДК 364.044.24

Е. А. Юргенсон, С. А. Столярова

**СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С СЕМЬЯМИ УЧАСТНИКОВ СВО: ОПЫТ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева» Российская Федерация, г. Красноярск

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме социальной работы с семьями участников специальной военной операции (СВО) на примере Красноярского края. В статье анализируются особенности социально-психологической поддержки, методы кризисного вмешательства и реабилитационные программы, направленные на повышение качества жизни семей участников СВО, реализуемые в регионе. Исследование основано на анализе практического опыта и данных региональных служб, что позволяет выявить основы социальной работы, применяемые в работе с данной категорией.

Ключевые слова: участники СВО, семьи военнослужащих, технологии социальной работы, социальная поддержка семей.

E. A. Yurgenson, S. A. Stolyarova

**SOCIAL WORK WITH FAMILIES OF SVO PARTICIPANTS:
EXPERIENCE OF THE KRASNOYARSK REGION**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Russian Federation, Krasnoyarsk

This article focuses on the current issue of social work with the families of participants in the special military operation (SMO) in the Krasnoyarsk Territory. The article analyzes the features of socio-psychological support, crisis intervention methods, and rehabilitation programs aimed at improving the quality of life for the families of SMO participants in the region. The study is based on the analysis of practical experience and data from regional services, which allows us to identify fundamentals of social work used in working with this category of clients.

Keywords: participants in the military operations, families of military personnel, social work technologies, and social support for families.

Современные социальные трансформации, вызванные масштабными политическими и военными событиями, существенно влияют на состояние и структуру семейных сообществ, особенно тех, которые связаны с участниками специальной военной операции. Научные исследования свидетельствуют, что семьи участников вооружённых конфликтов подвержены значительным рискам дезадаптации, ухудшения психоэмоционального состояния, социальной изоляции и экономической нестабильности. В условиях продолжающейся СВО, данные проблемы усугубляются необходимостью адаптации к изменяющейся социальной реальности, что требует от социальных работников применения

специализированных технологий социальной работы.

Применительно к Красноярскому краю, одному из крупнейших субъектов Российской Федерации с развитой социальной инфраструктурой и значительным числом военнослужащих, актуальность исследования социальной работы с семьями участников СВО приобретает особую значимость. По данным Министерства труда и социальной защиты РФ, по состоянию на 2024 год в Красноярском крае насчитывается более 15 тысяч семей военнослужащих, непосредственно сопряжённых с участниками СВО, что составляет порядка 3 % от общего числа семей региона. Согласно отчету Министерства социальной политики Красноярского края за 2024 год, социальные службы региона активно внедряют инновационные технологии, направленные на адресную помощь семьям участников СВО.

В Красноярском крае социальная работа с участниками специальной военной операции и их семьями подразумевает комплексную деятельность специалистов, направленную на оказание всесторонней поддержки в преодолении психологических, социальных и материальных трудностей, возникающих в связи с участием в военных действиях. Этот процесс включает в себя проведение первичного анализа потребностей, что позволяет определить индивидуальные запросы и приоритеты каждой семьи, а также разработать персонализированные планы помощи. В рамках работы осуществляется информирование о доступных ресурсах и услугах, таких как психологическая поддержка, консультации, социальные программы и меры материальной поддержки, что помогает участникам и их близким лучше ориентироваться в системе социальной защиты [1].

В Красноярском крае действует более 20 проектов для участников СВО, которые демонстрируют эффективность и значимость комплексного подхода в поддержке и социальной адаптации. Перейдём к анализу наиболее успешных практик работы с участниками СВО и их семьями, реализуемых на территории края [4].

Так, например, на базе Краевого центра семьи и детства функционирует семейный клуб «Источник опоры», главной целью которого является оказание психологической поддержки бойцам и их родным. На сегодняшний день специалисты клуба работают по 4 основным направлениям: работа с участниками специальной военной операции, работа с супружескими парами после возвращения из зоны СВО, работа с расширенными семьями и, наконец работа с детьми участников СВО. Для самих участников боевых действий созданы специальные группы взаимопомощи, где участники других военных конфликтов делятся своим опытом, как смогли социализироваться, как складывалась их жизнь до и после. Занятия проводятся, как в форме групповых бесед, дискуссий, обсуждений, так и в индивидуальной форме. Во время этих занятий можно с психологом проработать проблемы, связанные с гневом, агрессией, посттравматическим стрессом. Помимо этого, очень важно оказать помощь супружеским парам. Для этого также есть групповые и индивидуальные занятия, в период прохождения которых специалист помогает выявить проблему, проанализировать её, найти способ решения и наладить коммуникацию в паре. Детям участников СВО в центре оказывают необходимую психологическую помощь, используя

инновационные методы, такие как: дыхательные практики, метафорические ассоциативные карты, арт-упражнения [5, с. 45-47].

Еще одним значимым событием для поддержки участников СВО стало открытие на севере Красноярского края центра социальной и психологической реабилитации. Этот центр создан для оказания профессиональной психологической поддержки, проведения реабилитационных программ и содействия в возвращении к гражданской жизни, что особенно важно в современных условиях. В рамках работы центр предлагает широкий спектр услуг, включая психологические консультации, тренинги и социальную реабилитацию. Он способствует укреплению психологического здоровья, развитию социальных навыков и успешной интеграции участников в общество. Благодаря тесному взаимодействию с волонтерами и специалистами, центр обеспечивает комплексную помощь, направленную на повышение качества жизни тех, кто прошёл службу, и поддержку их дальнейшей адаптации.

В мае 2025 года Правительством Красноярского края для участников специальной военной операции и членов их семей утверждена комплексная региональная программа «Защитники Отечества». Данная программа рассчитана на 5 лет и призвана объединить и систематизировать все существующие в регионе меры поддержки, а также обеспечить скорейшую адаптацию и всестороннюю помощь участникам СВО. Программа охватывает широкий спектр деятельности, направленной на улучшение качества жизни: от социальной помощи и медицинского обслуживания до содействия в трудоустройстве и организации досуга [2].

Следует отметить, что трудоустройство участников специальной военной операции после возвращения из зоны боевых действий также является важной задачей, направленной на их социальную адаптацию и поддержку. В Красноярском крае для этого действует платформа «Ваша Занятость», которая предоставляет участникам СВО возможность найти подходящую работу, пройти профессиональную переподготовку и получить необходимую помощь в трудоустройстве. Данная онлайн-платформа предоставляет широкий спектр возможностей, включая поиск вакансий, прохождение профессиональной переподготовки, консультации с экспертами и участие в программах поддержки. На платформе участники СВО могут создать личный профиль, указать свои навыки и предпочтения, что позволяет получать рекомендации по подходящим вакансиям и образовательным программам. Также сервис сотрудничает с работодателями региона, предлагая им возможность найти квалифицированных специалистов среди участников СВО [3].

В заключении хотелось бы отметить, что Красноярский край демонстрирует системный подход к социальной работе с семьями участников СВО, применяя комплекс технологий, охватывающих материальную, психологическую, социальную, медицинскую и педагогическую сферы. Методы работы с данной категорией постоянно совершенствуются, внедряются новые формы и программы поддержки, а также расширяется сеть учреждений и организаций, где участники СВО и их семьи могут получить необходимую помощь.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О социальной защите участников боевых действий и их семей» // Российская газета. – 2014. – № 2.
2. Официальный сайт правительства Красноярского края. Социальная поддержка семей участников СВО : опыт региона / URL : <http://www.krskstate.ru/press/news/0/news/115979>
3. Вести Красноярск. Общество : помощь семьям участников СВО расширяется / URL : <https://www.vesti-krasnoyarsk.ru/news/obshestvo/post-53323/> (дата обращения: 18.11.2025).
4. Горновости. В Красноярском крае реализуются новые программы поддержки семей участников СВО / URL : <https://gornovosti.ru/news/117590/>
5. Колесникова, И. В. Клуб для участников СВО и их семей в краевом центре: опыт реализации / И. В. Колесникова // Материалы краевой конференции по социальной поддержке участников СВО. Красноярск, 2024. – С. 45-48.

© Е.А. Юргенсон, С.А. Столярова, 2026

УДК 330.131.7

В. В. Янкович

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА И ЭКОНОМИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ**

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика
М. Ф. Решетнева, Российская Федерация, г. Красноярск

Управление рисками является стратегически важным направлением для обеспечения устойчивости и эффективности образовательных учреждений, учитывая взаимосвязь человека и экономики.

Ключевые слова: образовательная организация, риск, менеджмент образования, управление рисками, модель управления рисками.

V. V. Yankovich

**THE RELATIONSHIP BETWEEN HUMANS AND THE ECONOMY
THROUGH THE PRISM OF RISK MANAGEMENT**

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Russian Federation, Krasnoyarsk

Risk management is a strategically important area for ensuring the sustainability and effectiveness of educational institutions, given the relationship between people and the economy.

Key words: educational organization, risk, education management, risk management, risk management model.

Человек и экономика – две взаимосвязанные и взаимозависимые сферы жизни. Это взаимодействие строится на фундаментальном принципе: ограниченные ресурсы при неограниченных потребностях. Человек, стремясь максимизировать полезность, постоянно делает выбор – между работой и отдыхом, потреблением и накоплением, риском и безопасностью.

Осуществление образовательного процесса без рисков не предоставляется возможным. Для минимизации их возникает потребность в систематическом контроле образовательного процесса в аспекте постоянного учёта предполагаемых решений с точки зрения их воздействия на систему рисков, которые сопутствуют образовательной деятельности, и создание условий, направленных на предотвращение и снижение наиболее опасных рисков. Исходя из этого следует, что управление рисками в образовательной деятельности должно стать одним из стратегических направлений системы образования.

Управление рисками требует принятия сбалансированного решения. В процессе риск-менеджмента необходимо четко определять экономическую целесообразность уменьшения степени риска и достижения запланированных результатов [2, с. 34-39].

Риски бизнес-модели ставят под сомнение способность учреждения

генерировать адекватный доход, а в некоторых случаях даже существовать. Многие факторы влияют на устойчивость и актуальность бизнес-моделей колледжей и университетов в среде, где быстро развиваются новые подходы к предоставлению образования, формированию доходов и зачислению в учебные заведения. Учреждения, которые не планируют учитывать эти факторы, могут оказаться позади более гибких конкурентов.

В целом риск-менеджмент представляет собой систему управления риском и экономическими, точнее, финансовыми отношениями, возникающими в процессе этого управления. Риск-менеджмент включает в себя стратегию и тактику управления. Под стратегией управления понимаются направление и способ использования средств для достижения поставленной цели. Этому способу соответствует определенный набор правил и ограничений для принятия решения. Стратегия позволяет сконцентрировать усилия на вариантах решения, не противоречащих принятой стратегии, отбросив все другие варианты. После достижения поставленной цели стратегия как направление и средство ее достижения прекращает свое существование.

Таким образом, управление рисками подразумевает тщательный анализ условий для принятия решений. Управление рисками – это логический и систематический процесс, который можно применять для выбора пути дальнейшего совершенствования деятельности, повышения эффективности бизнес-процессов организации. Это путь, ведущий к обеспечению гарантированной результативности бизнес-процессов. Риск-менеджмент должен быть интегрирован в ежедневную работу предприятия [3, с.208-215].

В идеале управление рисками и соблюдение требований рассматриваются как стратегические приоритеты корпоративного руководства и повседневного руководства.

В учебной литературе образовательные системы рассматриваются как «социальные институты, осуществляющие целенаправленную подготовку молодого поколения к самостоятельной жизни в современном обществе».

В работах основоположника научной школы управления образовательными системами Т. И. Шамовой педагогическая система представлена как «социально обусловленную целостность активно взаимодействующих участников педагогического процесса, а также духовных и материальных факторов, направленных на формирование личности способной как саморазвитию, так и к развитию окружающей среды».

С точки зрения управления образовательное учреждение, как и любая социальная система, могут быть структурированы на субъект и объект управления. К субъекту управления относятся все те лица и социальные группы, которые организуют процесс управления. Те лица и группы, которым адресуются управляющие воздействия, выступают в качестве объектов управления. Поскольку в социальных системах управление связано с людьми, оно принимает форму руководства. Субъектов управления принято называть руководителями и руководящими органами, а объектов управления - исполнителями (подчиненными), или исполнительными органами [4, с.120-123].

Разработка модели управления рисками необходима для предотвращения негативного влияния на достижение поставленных целей.

Предлагаемая модель состоит из следующих элементов:

1. Определение целей.
2. Выявление факторов риска.
3. Идентификация факторов риска.
4. Выбор показателей и оценка риска.
5. Анализ полученных результатов.
6. Выбор стратегии и тактики управления риском.
7. Выбор средств и приемов управления риском.
8. Учет психологических аспектов принятия рискованных решений.
9. Разработка программы действий по снижению риска.
10. Финансирование.
11. Практическая реализация намеченной программы.
12. Оценка полученных результатов и их корректировка.

Такая модель позволяет заранее определить потенциальные риски. Это даёт возможность оценить вероятность их появления и предсказать вероятные последствия.

В ходе исследования выявлено, что наиболее выраженными являются такие риски:

1. Риски в образовательной деятельности - проблема сохранения контингента в учебном заведении - одна из главнейших задач любого педагогического коллектива. Большинству из обучающихся в профессиональном учебном заведении необходим надежный наставник, друг, организатор, координатор. К решению проблемы сохранения контингента обучающихся колледж подходит комплексно, привлекая всех участников образовательного процесса.

2. Риски в финансовой деятельности - для того чтобы «не терять» финансовые средства колледж продолжает развивать внебюджетную деятельность через расширение перечня дополнительных услуг, в том числе за счет увеличения спектра и объемов образовательных программ. Основным фактором роста объема внебюджетных средств, направленных на развитие мощностей является создание мастерских по направлению «информационные и коммуникационные технологии» и открытие центра проведения демонстрационного экзамена «электро-монтаж».

3. Риски в области управления персоналом – риск нехватки педагогических кадров. Это связано с тем, что с каждым годом всё сложнее привлечь и закрепить молодых специалистов к работе в колледже; зачастую молодой преподаватель приходит работать в колледж на год-два и уходит.

4. Риски, связанные с организациями, трудоустройством - востребованность выпускников на рынке труда, соответствие уровня их подготовки запросам работодателей - один из основных показателей успешной работы коллектива колледжа. Структура подготовки специалистов ориентирована на региональный рынок труда и заказ работодателей, осуществляется на базе всесторонней проработки ресурсных возможностей колледжа, прогнозирования перспектив спроса

на рынке труда специалистов со средним профессиональным образованием [1, с. 304].

Применение разработанного автором алгоритма управления рисками позволит:

- выявить факторы и источники актуальных и потенциальных рисков в его деятельности;
- получить характеристики вероятности реализации того или иного риска, а также возможного ущерба, связанного с нежелательным развитием событий;
- отслеживать риски на стадии возникновения негативной тенденции;
- разрабатывать, планировать и при необходимости осуществлять меры по снижению риска.

В заключение важно подчеркнуть, что осуществление образовательного процесса без рисков сегодня не предоставляется возможным. Для минимизации необходимо систематическая работа на уровне образовательной организации по их изучению, выявлению, устранению, профилактике и принятию превентивных мер, что отражает суть процесса управления рисками. Важно непосредственное участие её руководителя с точки зрения возможностей воздействия на группу рисков, которые сопутствуют образовательной и профессиональной деятельности обучающихся и педагогов. Управление рисками в образовательной деятельности должно стать одним из стратегических направлений менеджмента системы образования.

Библиографический список

1. Васин, С. М. Управление рисками на предприятии / С. М. Васин, В. С. Шутов. - Москва : КНОРУС, 2020. – 304 с.
2. Гущина, Л. С., Васильков Ю. В. Оценка рисков – актуальный вопрос современной инновационной деятельности образовательных учреждений //Вестник ОрелГИЭТ. – 2019. – № 2 (32). – С. 34-39.
3. Костюкова, Т. П., Лысенко, И. А. Образовательное учреждение как объект управления в условиях риска // Вестник УГАТУ. Сер. «Управление в социально-экономических системах». – 2018. – Т. 15, № 5 (45). – С. 208-215.
4. Ченцов, А. О бизнесе образовательных услуг. Высшее образование в России. / А. Ченцов. – 2014. – № 2. – С. 120-123

© В. В. Янкович, 2026